

охота

и охотничье хозяйство

9

2000

К фотоочерку «Потаенное место»

Фото А.Севастьянова

«СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ...»

В. ПАУТОВ

Уважаемая редакция, хочу с вашей помощью обратиться к охотникам, читающим журнал, и не только к ним, а вообще ко всем, кто любит активный отдых в природе с интересным, на мой взгляд, и полезным предложением. Я не собираюсь говорить о прописных истинах, что лес, луг, поляна, берег реки, дающие нам покой и здоровье, требуют, в свою очередь, к себе доброго и внимательного отношения, любят они чистоту и порядок, ибо природе жить вечно, и красоту ее сохранить надо, чтобы наши внуки и внуки наших внуков тоже смогли насладиться красотой ее, как это делаем мы сейчас, используя по полной программе все богатства родной природы себе во благо.

Настоящий любитель активного отдыха, постоянно выезжающий в лес и на реку, никогда, я даже ни секунды не сомневаюсь, не оставит после себя ни одной мусоринки, ни одной сломанной веточки, не говоря уже о непотушенном костре, потому как не приемлет он всем своим разумом потребительскую суть принципа: «После нас хоть потоп». Но я о другом!

Никто не будет спорить с утверждением, что в Подмоскowie крайне мало пернатой дичи: тетеревов, глухарей, рябчиков, куропаток, диких голубей. Читаешь старые издания об охоте годов, эдак, 50—60-х, например В. Е. Германа, и диву даешься его повествованиям типа: «стоял я как-то на вальдшнепиной тяге в районе небольшой железнодорожной станции Кутуар...», а ведь она, станция эта, от Москвы 20—30 минут езды на машине по Дмитровскому шоссе, а на электричке и того ближе, или: «...весной 1949 г. мы с товарищем стояли на тяге на широкой просеке смешанного леса в Раменском районе Московской области...» Где вы сейчас, эти самые широкие просеки и смешанные леса? Ау? Говорят старые охотники, что тетерева и рябчики в изобилии водились в районе дер. Юрлово, а дальше к г. Солнечногорску и глухари попадались. Конечно, никто не спорит, и я в том числе, — прогресс, развитие, строительство — дело, безусловно, важное и жизненно необходимое, но мне приходилось бывать в

довольно отдаленных местах Подмоскowie, где я сделал неутешительный для себя лично вывод — не те леса, не те!.. Много грибников, много бытового мусора, много шума. От всего этого зверь и птица ушли, вот только куда — неизвестно! Поля, бывшие когда-то сельхозугодьями, заросли и зарастают. Птице корма нет, утка почти вся в город ушла на парковые пруды, ибо на них легче прокормиться, диких голубей, вяхиры, я не видел уже несколько лет, и даже признаков нет его присутствия. Читатель, по всей видимости, пребывает в недоумении — о чем вообще идет речь? С одной стороны, говорится о вполне очевидных вещах, а с другой — абсолютно неясен смысл написанного, для чего и с какой целью? А суть моего письма заключается в следующем.

Я довольно давно охочусь в соседних с Московской областях. Дачно-коттеджное строительство там ведется не столь активно, как у нас, поэтому птица, явление которой здесь было бы просто чудом, водится в достаточном количестве: есть и тетерева, и глухарь, и рябчик, и голубь, и кулики, конечно. В таком изобилии, как, скажем, 30—40 лет назад, — увя... уже нет, но тем не менее осенью на сжатых полях ближе к вечеру поднимал я до десятка глухарей-петухов, и активные их перелеты из леса в лес наблюдались опять же каждый вечер, а раньше, говорят, еще больше было, ну это так — к слову. Уменьшение количества птиц объясняется легко. Раньше сеяли много, удобрений вносили мало — птиц было больше, постепенно сеять стали больше, вроде как и пернатых должно было быть больше, а нет! Удобрений-то и ядохимикатов тоже стали вносить больше, даже с излишком — вот птицы и стало меньше. Рассказывали, что в гнездах находили пустые яйца, одна скорлупа, и зайчата, говорят, умирали во чреве матери, отчего и поголовье зайцев сократилось, стаи куропаток пропали десяток лет назад. Сейчас можно найти, если собака постарается, одну-две, случайно залетевших в угодья. Тетеревины тока многочисленны исчезли, но об этом отдельный разговор. Нынче удобрения практически не используют, но и сеять стали значительно меньше, и, как следствие, — кругом одни сорняки. На травах этих птица боровая, луговая, болотная, да и зверь дикий особенно не пожируют. Я езжу уже много лет на охоту в одно и то же место и вижу, как сокращаются посевные площади, а вместе с ними постепенно пропадает и птица, а вслед за птицами пойдут и звери.

И вот что я хочу сказать и предложить. Весной я определяю места наиболее активного токования тетеревов. Летне-осенняя охота с легавой собакой начинается на две недели раньше, поэтому за годы своей охоты в одном месте я уже давно выделил угодья, где более всего встречал и находил выводки. В конце мая я обязательно по делам заезжаю в деревню и привожу с собой 4—5 кг сухого гороха и столько же семечек подсолнечника. Горох, кстати, прекрасно прорастает после замачивания. И затем я все эти семена разбрасываю по своим заветным местам и укромным уголкам. Конечно, можно надо мной посмеяться, подумав, что я занимаюсь глупостями, пустыми делами, что все это от безделья, что это капля в море... Отвечаю — я это делал, делаю и буду делать, ибо моя деятельность не несет вреда, но по собственным наблюдениям могу заявить, что птица в этих самых прикормленных местах обитает постоянно. Не проходило дня, чтобы я на «своих полях» не поднял ни одного тетерева. Мой принцип очень прост — даже если из всего количества разбросанных семян взойдет 10—15 %, то результат будет, и он есть, тот самый результат, который мне необходим и которого я добиваюсь. Ну а если, скажем, каждый охотник бросит горсть семечек весной, а летом косточки вишневы или сливовые не выбросит, но соберет и раскидает где-нибудь в угодьях и осенью соберет пару десятков желудей или каштанов, да в землю на зиму закопает — вреда никакого, а польза будет очень даже большая. Это потом, не сразу, дерево фруктовое, ягодное, желудевое или каштановое вырастет, но вырастет обязательно через годы, и вот тогда-то прилетит на него птица и зверь придет, и бо корм появится. Я уже много лет не видел, чтобы где-либо лес высаживали, хотя, будучи школьником, очень давно вместе со всей школой принимал участие в столь важной работе, как посадка саженцев различных деревьев. А ведь рубить-то сейчас рубят, и ох как рубят, но вот с посадкой сложнее, посадку совсем не видно. Нас, охотников, по всей стране великое множество, и не должна наша помощь нашей природе ограничиваться уплатой членских взносов и обязательной обработкой в приписанном хозяйстве.

Я не гарантирую быстрого результата и обилия дичи, но наши дети и внуки, думаю, не раз вспомнят всех нас добрым словом за то, что мы оставим чистые и богатые охотничьи угодья, полные птицей и зверем.

охота

и охотничье хозяйство

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
● Основан в октябре 1955 г.

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Конституция Российской Федерации, статья 2

Открытое письмо

Прокурору Ленинградской области
Прокурору Российской Федерации
Депутатам Законодательного собрания
Ленинградской области
Губернатору Ленинградской области
СЕРДЮКОВУ В. П.
Ленинградское областное телевидение
Журнал «Охота и охотничье хозяйство»

От имени совета правления, а также Гатчинского районного общества охотников и рыболовов обращаюсь к вам, чтобы остановить лиц, совершивших преступление по ст. 165 ч. 3 УК РФ, а также навести надлежющий порядок в следственном отделе Гатчинского УВД.

Довожу до сведения, что при администрации Гатчинского района создан клуб охотников «Возрождение», возглавил его зам. главы администрации Мужечук Андрей Васильевич. Вот этот ловкач и начал обворовывать наших охотников, беря двойную цену. Мы долго сопротивлялись, но никто из администрации не решился остановить мошенника. Я трижды обращался в прокуратуру района, но безрезультатно. И только с приходом нового прокурора Диденко Н. В. мое заявление о мошенничестве Мужечука А. В. было проверено. Была назначена проверка КРУ, возглавлял данную проверку Лурье М. В. Комиссия КРУ не смогла точно определить, какая сумма была присвоена Мужечуком, из-за того, что им не были представлены финансовые документы за прошедшие годы. Но по проверенным последним документам было определено, что клуб охотников не являлся законным пользователем охотничьих угодий, тем не менее выдавал путевки на право охоты по завышенной цене. Как выяснилось, путевки, по которым брали деньги, оказались незаконными, а также не зарегистрированы в министерстве финансов. Как установила комиссия КРУ, государство недополучило 38,5 тыс. руб., они оказались украденными. После повторного нашего обращения в прокуратуру было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества Мужечуком А. В. и директором клуба «Возрождение» Стельмашуком С. А.

Уголовное дело № 735512 возбужде-

но 21 декабря 1998 г. Следствием установлено, что пять тысяч путевок на охоту было отпечатано в Гатчинской типографии без номерного знака, а также мы представили путевки, которые возвратили нам охотники после охоты. При сличении путевок было обнаружено, что помимо отпечатанных путевок в типографии большой процент их оказался пропущен на ксероксе. Ставлю в известность, что два сезона Мужечук А. В. проводил охоту для иностранцев за доллары. Деньги нигде не оприходованы, что установлено следствием. Деньги за выданные путевки охотникам и принятые Мужечуком и Стельмашуком никакими квитанциями и приходными ордерами не подтверждались, а клялись в карман. По нашим подсчетам, мошенниками присвоено, т. е. украдено, при использовании служебного положения 200 тыс. рублей.

Доводим до вашего сведения, что уголовное дело четырежды прекращалось, трижды возбуждалось, на данный момент оно прекращено. Да, мы знаем почему — потому что власть района нечистоплотна, да и сам глава администрации А. А. Ледовских проhodил по делу ст. 285 УК РФ. Вина его доказана, и он ее осознал и раскаялся, за что амнистирован 28.08.97 г., и есть его личное заявление, что он не возражает о прекращении дела по амнистии. Вот откуда идет мошенничество в нашем районе.

Не лучше, видать, обстоят дела и в Правительстве Ленинградской области. В. П. Сердюков подписал лицензию сроком на 15 лет по ведению охотничьего хозяйства Гатчинского района клубу охотников «Возрождение», мы же, охотники районного общества охотников и рыболовов, остались без охотничьих угодий. Вот это здорово! О том, что руководители клуба «Возрождение» Мужечук А. В. и Стельмашук С. А. проходят по уголовному делу за совершенное преступление по ст. 165 ч. 3 УК РФ, указал В. П. Сердюков лично 21 апреля 1999 г. на совещании в Гатчинском районе, есть письменное подтверждение. Руководители клуба «Возрождение» использовали административную власть на захват охотничьих угодий.

Мы убедительно просим, конечно, если у вас во власти есть порядочность, а не захвачено все коррупцией, проведи расследование по перечисленным выше мошенничествам, а также

пересмотреть вопрос о закреплении охотничьих угодий, которые мы вели более сорока лет.

Председатель правления
Гатчинского районного общества охотников и рыболовов
А. Ф. КУЙКЕ
и еще 67 подписей
Ленинградская обл.,
Гатчинский р-н

г. Гатчина, дер. Химози
Дом охотников
КУЙКЕ А. Ф.

Ваше заявление, поступившее в городскую прокуратуру, рассмотрено.

ОЭП Гатчинского УВД по Вашему заявлению проведена проверка деятельности клуба «Возрождение» при администрации Гатчинского района. Проверка проводилась совместно с сотрудниками КРУ Ленинградской области. Первоначально в феврале 1998 г. контролером-ревизором КРУ Ломакиной О. Ф. была проведена документально-бухгалтерская проверка отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности клуба охотников «Возрождение». По итогам проверки был составлен акт проверки с указанием всех выявленных нарушений.

В июне 1998 г. контролером-ревизором КРУ Лурье М. В. в дополнение к имеющемуся акту проверки была проведена дополнительная проверка финансово-хозяйственной деятельности клуба. В ходе данной проверки были выявлены следующие нарушения: клуб охотников, не являясь законным пользователем охотничьих угодий, тем не менее с 1995 г. осуществляет продажу разрешений на охоту. Таким образом, за период с 1995 по 1997 г. доход от продажи разрешений составил 38,5 тыс. руб. Согласно ст. 34 и ст. 52 ФЗ РФ «О животном мире» плата за пользование животным миром, в т. ч. за охоту, должна поступать в бюджет субъекта Федерации и в Федеральный бюджет в размере 60 % и 40 % соответственно, из чего следует, что областной бюджет недополучил 23,1 тыс. руб., а Федеральный — 15,4 тыс. руб.

По результатам проведенной проверки материал направлен в СО Гатчинского УВД для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 165 ч. 3 УК РФ.

И. О. Гатчинского горпрокурора,
юрист 1 класса
БУШМАНОВА И. В.

Уважаемая редакция! Решил обратиться со страниц вашего, вернее, нашего журнала к оружейникам Тульского и Ижевского заводов. Надеюсь, журнал напечатает мое письмо, так как я затрагиваю интересы миллионов охотников России.

Уважаемые оружейники! Неужели вы никогда не бываете в охотничьих магазинах и не интересуетесь тем, что говорят рядовые охотники об оружии, которое вы делаете, не прислушиваетесь к пожеланиям покупателей? Ведь сейчас, в капиталистической России, за покупателями надо бороться!

Коротко о себе. Мне 43 года, охотой увлекаюсь с семи лет. Сначала охотился с отцом, потом сам. 19 лет проработал в МВД, из них десять — участковым на периферии. Край наш таежный — Коми! Охотой увлекается процентов 60 мирного населения, многие с детства. Поэтому я, как охотник, и как участковый, хорошо знаю охотничье оружие. Передержал в руках почти все отечественное, что стреляет. И с полной уверенностью могу утверждать, что в настоящий момент охотникам Коми ничего подходящего из нарезного оружия наши оружейники предложить не могут.

Начнем с «мелкашек». Магазины завалены оружием 5, 6 бокового огня. Тут тебе и ТОЗ-78, и ТОЗ-99, «Север». А вот и новинка — ТОЗ-112. Все это очень хорошо, но... Но!!! Кто его будет покупать? Ведь по Правилам охоты запрещается в любительской охоте использовать «мелкашку» и ее варианты, за исключением тех, кто заключает договор на добычу пушны. Но с начала 90-х годов государству «мягкое золото» стало, очевидно, не нужно, хотя пушнина продавалась пользоваться большим спросом. Централизованная система заготовок полностью развалена.

Да если бы и не были запрещены, кого с таким ружьем добудешь? Большой процент подранков и явился поводом для запрета. Короче, 5,6 мм бокового огня отпадает!

Теперь о 5,6х39. Кроме «Барса», охотник ничего приобрести себе не может. Штучные МЦ — не по зубам, а «Барс» и дорог, и в последнее время исчез с прилавков.

Далее идут 7,62х39; 7,62х51 и 7,62х53. Будучи с 1995 по 2000 год владельцем СКС, скажу, что это — ни рыба ни мясо. Ни тебе точности «Барса», ни тебе убийности Мосинской, то есть патрона 7,62х53. Короче, этот патрон отпадает! А ведь все прилавки завалены оружием под эти патроны. Как у Высоцкого: «Вы все там, что ли, обалдели?»

Теперь о самых мощных карабинах. Я считаю, что «Тигр», «Вепрь», «Сайга» — это оружие браконьеров. Да, с

«Бурана», с тягача, с вертолета — это круто! Ведь ни по цене, ни по весу оно рядовому таежнику не подходит.

Остается «Ко-44», которого нового я что-то не вижу в магазинах, и еще «Лось», ТОЗ-109 и «Тайга». Опять же модернизированной «Тайги» не видно. Единственный экземпляр ТОЗ-109 в охотничьем магазине г. Ухты на 50 метров показал очень большой разброс. Хотя пристреливали его не «лохи». У рядом стоящего на прилавке «Лось-7» мушка почему-то «свалена» вправо. Предохранительное кольцо мушки сделано не из металла, а из какой-то жести. Мелочь, но неприятно! А ведь эта «мелочь» стоит 7 тыс. 400 рублей.

О той же «Тайге» что говорить, если в журнале «Охота и охотничье хозяйство» уже писали, какого качества нарезной ствол — 500 выстрелов гарантии! Из алюминия он, что ли, сделан?

Я не медвежатник и не лосятник, мне не нужен крупный калибр. Вспомним оружие 60-х годов. ИЖ-15 — вот что нужно большинству наших охотников! Нарезной 5,6х39 — хоть волка, хоть лисицу, хоть росомаху бери! А если есть лицензия, то и олень с лосем можно добыть. Я уже не говорю о глухарях, гусях и зайцах. Используя переходники, можно бить и более мелкую дичь патроном 5,6 бокового огня. Второй ствол гладкоствольный 20-го калибра можно сделать под длинный патрон 76 мм. Вот оружие на все случаи жизни. Желательно, чтоб вес был не более 3 кг.

Потребность в этом оружии огромная, и за счет большой партии выпуска цену можно было бы снизить, а завод все равно был бы в выигрыше. Для более бедных можно было бы ИЖ-18 выпустить под такой калибр, только обязательно с переходником под «мелкашечный» патрон. А сегодня такое оружие идет лишь под калибры 7,62х39; 7,62х51 и 7,62х53. Остальное все — «за бугор». Вот и бьют охотники с гладкостволом «на авось» за 80—100 метров, так как осталась глубинка Севера, Сибири и Дальнего Востока без работы. Хоть тайга немного выручает.

И вот я, два месяца назад выставив на продажу в охотничий магазин СКС, ломаю теперь голову, что же мне купить? Может, все-таки «Барс»? Цена у него запредельная, но ведь хочется получить...

В. ВАРФОЛОМЕЕВ
Коми

Уважаемая редакция, здравствуйте! Живу я в Люберецком районе Московской области. В январе 2000 года купил второе ружье — ИЖ-26, первое у меня немецкой фирмы. Разрешение на это второе ружье получил после восьмого приезда в разрешительную систему.

Купил одно ружье, а налог заплатил за два — по 41 руб. 75 коп. Собрал кучу справок и т. д. и т. п. В общем, мало того, что загнали нас в экономическую кабалу, так подавляют в человеке еще и личность.

Цена у ружей различная — налог одинаков! Когда покупал свое первое ружье в 1989 году, я имел возможность как следует рассмотреть в магазинах ТОЗ-34 и ИЖ-27. Был сплошной брак: стволы кривые, патронники разнотенные, да и концы стволов тоже. Именно по этой причине долго не мог купить себе ружье, ведь такая покупка — очень ответственное дело, это же не игрушка. Кому нужны некачественные ружья? Где ОТК? Стоят-то они дорого!

Несколько слов о пуле Рубейкина. В полете она нестабильна. Чем больше расстояние до цели, тем больше кувирканый. При большей начальной скорости пуля устойчивей. Эще хочу сказать о патронах и порохе.

Во многих европейских странах за норму считают начальную скорость дробы 430 м/сек, а пули — не ниже 480 м/сек. С нашим жевело, капсюлем и порохом можно добиться 340—350 м/сек. Жевело и капсюль давно пора модернизировать.

В вашем журнале № 3—2000 года П. Дорофеев пишет, что порох «Салют-4» отличается большей мощностью и высокой степенью горения, пониженным звуком и отдачей. При норме пороха давление в патроннике 499/547, у «Сокола» — 550/680. Значит, то, что «Салют» мощнее и горит быстрее, неверно. Давление в патроннике говорит само за себя. Самая большая прочность в стволах — в патроннике и сразу за ним. Здесь и должно быть максимальное давление. Другое дело — неравномерное горение. Над этим и надо думать? Усовершенствовать жевело? Кроме того, как пишет Дорофеев, «отличительной особенностью» является то, что при необходимости пороха «Салют-4» можно собрать патрон с увеличенной скоростью дробы при подборе веса пороха. Это — отличительная особенность любого пороха. Увеличение «Сокола» на 0,1 г в среднем повышает начальную скорость на 12 метров.

Из таблицы № 2 мы видим: увеличение пороха «Сунар» с 1,7 на 2,1 г увеличивает только давление на 50 атм, а начальная скорость несколько. Это тоже неверно.

Пороха «Салют», «Сунар» и «Сокол» — все хорошие, но жевело и капсюль требуют модернизации и лучше-го качества.

Спасибо журналу за то, что он есть, спасибо всем вашим сотрудникам.

В. БУТЫЛКИН
Московская обл.

РАЗВЕДЕНИЕ КОСУЛИ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С июня 1999 г. охотоведы Московского общества охотников и рыболовов (МООиР) поставили задачу — изучить причины низкой численности косули в закрепленных охотничьих угодьях и попытаться увеличить ее поголовье.

Зимний маршрутный учет показал, что в охотничьих хозяйствах МООиР на площади 3,1 миллиона гектаров насчитывается около двух тысяч косуль. Ученые рекомендуют на каждую 1000 га свойственных для косули угодий иметь ее плотность не менее 10 голов. Таким образом, в угодьях МООиР на 1,6 млн. га подходящих угодий должно быть около 16 тыс. косуль. Только в этом случае можно планировать умеренную охоту на данный вид. Задача непростая, но, по мнению специалистов и ученых, обследовавших угодья Московской области, ее решить можно.

Нам удалось убедить руководство МООиР в необходимости увеличения численности косули в закрепленных угодьях, и с августа прошлого года мы начали проводить кустовые семинары со штатными работниками охотничьих хозяйств по изучению опыта разведения косули в Курганской области и других регионах страны.

Семинары проведены в угодьях Зарайского, Серпуховского, Подольского, Талдомского, Шаховского и Можайского районных обществ охотников и рыболовов. В работе семинаров приняли участие председатели, директора, охотоведы и егеря 17 охотничьих хозяйств области. Во время проведения семинаров построено

6 первых в Московской области комплексных подкормочных площадок для косули. Площадка включает в себя: хранилище кормов, 3—4 кормушки, кормовой стол, до 10 солонцов, водопой, кормовое поле. Рекомендуемые культуры для посева и подкормки косули в Московской области: рапс, люцерна, подсолнечник, топинамбур, козлятник, клевер, вико-овсяно-гороховая смесь. В такие теплые

зимы, как прошедшая, можно выкладывать для подкормки овощи и фрукты (отходы с овощных баз): морковь, капусту, свеклу, турнепс, кабачки, баклажаны, подпорченные яблоки, груши и другие сочные корма. Хорошо поедает косуля зерносенаж и шляпку подсолнечника. Кроме того, на первоначальной стадии разведения рекомендован набор древесно-веточных (грубых) кормов.

1

2

3

Особое внимание на семинарах уделено необходимости резкого снижения численности волка, рыси, бродячих собак и лисицы в закреплённых угодьях. Это первостепенная задача, без выполнения которой остальные меры не принесут желаемого результата. В настоящее время охотничьи угодья Московской области просто кишат бродячими собаками и лисами.

Очень важно провести ревизию всех воспроизводственных участков на предмет пригодности их для разведения косули. Если участки годятся больше для лося и кабана, то для косули целесообразно создать дополнительные, упорядочив при этом охоту с гончими в буферной зоне вокруг них.

4

6

Много времени на семинарах было отведено охране охотничьих угодий. Большинство участников высказывались за создание при МООиР нескольких независимых, хорошо оснащённых транспортом и средствами связи бригад, которые могли бы оказывать помощь ведомственной и государственной службе охраны на местах. Как выяснилось, в настоящее время в этом есть острая необходимость.

Обсуждался на семинарах и вопрос о необходимости ограничения применения полуавтоматического нарезного оружия при охоте на копытных в закреплённых за МООиР охотничьих угодьях.

Все участники семинаров поблагодарили организаторов за полезность проведения таких мероприятий.

В 2000 г. проведение семинаров по разведению косули в охотничьих хозяйствах МООиР будет продолжено.

1. Косули на кормовом поле
Фото А. Севастьянова
2. Подведение итогов семинара
3. Кормовой стол с запасом рапса и клевера
4. Солонец на столбе литовского типа
5. Солонец на поваленной осине
6. Наблюдательная вышка рядом с кормовым полем
Фото автора
7. Вышка для проведения учетов на кормовой площадке
Фото В. Животченко

Лисица требует к себе уважения и большого терпения

Фото В. Животченко

А. АЗАРОВ

Одну из увлекательных, сказочных охот пришлось осваивать мне с нуля. Возможно, читателям пригодятся те крупницы приобретенного опыта этой одной из труднейших охот. Ведь лиса есть лиса. Ошибок охотникам она не прощает. Успех приходит к тому, кто постепенно их изживает, от засидки к засидке. Сейчас я беру 7—8 лисиц за сезон. К тому же, прочитав статью Вагабова о подманивании лисы криком раненого зайца, я решил освоить и это. Приобретая два вида манков, я начал их осваивать.

Однажды, сидя на опушке леса, я увидел, как справа от меня из леса через канаву перемахнула лисица и побежала по полю. Я симитировал крик зайца. Лиса притормозила, покрутилась на месте, потрусилась дальше, расстояние было метров 170—200. Примерно так повторялось еще много раз,

пока я не принял окончательное решение — криком зайца больше не подманивать. Бесполезно. Возможно, мои лисички не питались зайчатинкой, возможно, слишком настороженно относились к подобным крикам. Тогда я начал пользоваться манком мыши. Совсем другое дело. Но и здесь оказалось не так все просто. На писк мыши мои лисицы сразу реагировали, крутились на месте, подбегали метров на 60—70 к засидке, но дальше без задержек не подходили. Начинали обходить засидку по спирали, и, если сзади была плохая маскировка или ветер дул в ее сторону, они благополучно уходили. Я сделал вывод: уж лучше я буду поджидать лису, спокойно трусящую по своему знакомому переходу. Здесь не надо пикать, а подпустит ближе и не плошай с выстрелом.

О мертвой зоне. Конечно, неплохо, если перед засидкой чистинка. Вскокочившая лиса здесь будет как на ладо-

ни. Понравилось мне как-то местечко у разрушенного скотного двора. Было новолуние. Внезапно слева вышла лиса. Подняв ружье, я ничего не мог сообразить. Она исчезла. Затем уже правее метров на 10 она вновь мелькнула, перенесла стволы ружья правой, я опять потерял ее из виду. Только утром следующего дня я понял, почему я не взял лису. Саждаясь ночью, я не разглядел большие бугры, которые и создали передо мною мертвые непросматриваемые зоны.

О сиденье. Собравшись как-то на скорую руку, я не прихватил с собой свой алюминиевый стульчик. Пристроился на каком-то мерзлом камне, подложив под себя чехол от ружья. Но и мука же была в эту ночь, а не засидка. Прорезав на неудобном сиденье, я снялся и, идя назад, наткнулся на свежий след лисы к засидке и точок, где она остановилась и топталась, явно услышав мое ерзанье. Так я упустил по своей небрежности и эту лису.

О тумане. В новолуние стрелять без шестивольтовой фары-галогенки дело почти безнадежное. Не помогает и прикладистая ложа. Но и с фарой были казусы. В чем дело? Появляется лиса, включаю фару на кронштейне под стволами и... ничего не вижу. Оказалось, что туман был настолько густой, что образовал передо мною молочный луч. А за ним цель не видна. Немного улучшает видимость противотуманная желтая пленка. Так что даже такие незначительные ошибки могут быть причиной неудач.

Зрение лисы. Сидел как-то на обочине дороги в бурьяне. Впереди на дороге показалась темная точка. Сердце учащенно забило: «Кто? Лиса, собака, русак?» Зверь все ближе и ближе. Несколько раз остановился. Ясно — лиса. Ну, думаю, теперь не упущу. Осталось метров 70. Стал снимать правую (полунадетую) рукавицу. Но и этого, казалось бы, малозаметного движения было достаточно, чтобы лиса засекала, остановилась, покрутилась и взяла вправо под углом 90 градусов. Долго я корил себя в ночной темноте. Зачем пошевелил пальцами преждевременно! Ведь можно было это сделать, когда она подбежала хотя бы на 25 метров.

О маскировке. Хорошо сидеть в полнолуние. Видимость прекрасная. Но прекрасная видимость не только для охотника. Лиса бежала ко мне вдоль мелиоративной канавы. Учтя предыдущие ошибки, я не шевелился. Но все равно, подбежав ко мне метров на 80, она остановилась как вкопанная, а затем резко отвернула вправо и ушла. Я сначала не мог понять причину ее поведения. Затем, сняв полушубок вместе с масхалатом и повесив их на стульчик, я отошел на место, где остановилась лиса, и мне все стало ясно.

На фоне белого, освещенного луной поля я хорошо рассмотрел черную «тушу» своего одеяния. Не помог и белый маскхалат. А ведь у лисы зрение намного лучше!

О выборе места засидки. Зачастую есть хороший переход, но есть вероятность подхода лисы сзади. Был со мной такой случай. Сидел я в высокотравье у лесопосадки. Был довольно сильный ветер. Луна. Настроение, как всегда на засидке, прекрасное. Просидев часов пять безрезультатно, сделал шагов 15, наткнулся на точок лисы. Оказывается, она подошла сзади, долго топталась на одном месте и, явно недовольная моим присутствием, повернула обратно...

Было и такое! В первую четверть (с вечера) и последнюю четверть луны (под утро) хорошо сидеть в бурьяне (высокотравье) со светодиодом на мушке. Засел я в высокотравье с фарой. Было уж удобное место. Часа через три вышла лиса. Подпустив ее как надо, я включил фару. И о ужас! Ничего не пойму. Мало того что на несколько мгновений, пока адаптируется зрение, я вообще потерял лису из поля зрения, но и трава, растущая впереди меня, создала непроницаемый экран. Надо сказать, что и эта засидка была не напрасной. Отрицательный опыт тоже нужен. С тех пор я не сажусь с фарой без чистинки впереди.

Были случаи, когда на пути к успеху стояла небрежность в оборудовании места засидки. Наломашь веток, небросаешь травы, отойдешь в сторонку — чудо, а не засидка! Сидел бы и сидел. Сидеть здесь можно, но без толку. Лиса не дура и сразу засечет «городьбу» и — отвернет... Как-то лиса вышла слева и начала нюхать что-то под снегом. Я уже не сомневался, что она будет у меня в рюкзаке. Поднял

ружье, она рванула, а я никак не могу как следует прицелиться: стволы уперлись в балку, так как я сидел в «колодце» из нагромождения бетонных балок. После выстрела лиса так рванула, что ее бег был похож на полет птицы. Следы дробы на снегу показали, что она прошла выше цели. Или сидел я на окраине дачного участка в тесном закутке веранды. Справа у моего бока сложен штабель досочек. Лиса вышла справа. Повернуться вправо не могу, мешают кладка досок. Жду, когда лиса переместится левее и окажется хотя бы передо мной. Но ей захотелось уйти еще правее! Пришлось вставать, доски загремели, а лиса рванула в чащобник. Промах был явным. Даже не пошел смотреть следы дробы.

Трудно предусмотреть все. Лишь со временем вырабатываются определенные навыки по стрельбе на засидке. Ночь есть ночь. Я люблю повторять, что ночью попадает в зверя не тот, кто хорошо стреляет, а тот, кто хорошо стреляет ночью. Лиса вынырнула из канавы. Казалось, ничего мне не мешало, плавно поднимаю ИЖ-27, выстрел, лиса завизжала, высоко подпрыгнула, перевернулась и рванула обратно. Протропил сколько мог, пока не сел фонарик. Решил добрать утром. Обрадовался, что за ночь снегопада не было. Но поземка на поле все перемелала... В двух местах по памяти раскопал на снегу пятна крови. И все. Лиса пропала.

С тех пор в грудь себя не бью. Идешь, бывало, ночью домой, слезы каплют из глаз от обиды за свои ошибки. Ведь если бы не... сейчас бы лису... Но лиса требует к себе уважения, большого терпения и настойчивости в преодолении своих ошибок. Тогда успех будет приходить все чаще и чаще.

В защиту прав и интересов потребителей

Вот уже пять лет я не могу найти защиты в правоохранительных органах. Подробно описывать не стану, так как это займет очень много времени и бумаги.

Еще в молодости мечтал приобрести охотничье ружье-полуавтомат с неподвижным стволом системы Браунинг. Но денег, как всегда, не хватало. В ноябре 1995 года мечта моя сбылась. Я приобрел полуавтомат тульского производства ТОЗ-87 № 955214 в ООО «Выстрел» г. Новосибирска.

Ружье оказалось бракованным, и по гарантии я вернул его в магазин, где пообещали его отремонтировать. Ремонт ружья длился почти год. Вернули его мне как отремонтированное, но фактически ничего не сделали. Я снова сдал ружье в магазин. Зам. директора Болоцкий Е. И. сказал, что мое ружье отправят спецсвязью на Тульский оружейный завод. Я ждал. На мои телефонные звонки отвечали, что, мол, не волнуйтесь, ружье в ремонте и скоро его получите.

Но ружья я так и не получил, а на мои вопросы мне просто перестали отвечать. Решил обратиться в суд. Дважды на суд приглашался директор ООО «Выстрел», но он так ни разу и не пришел. Суд на основании Закона «О защите прав потребителя» вынес решение о возмещении морального и материального ущерба. Исполнительный лист был направлен начальнику службы судебных приставов г. Новосибирска Панарину П. В.

Долгое время судебный пристав не давал ответа, а когда я приехал к нему, сказал, что «куда-то затерялся этот исполнительный лист». Тогда я собрал копии всех документов и отослал в областную прокуратуру. Оттуда они были переправлены в городскую прокуратуру с просьбой разобраться. Прокурор центрального района города ответил, что ООО «Выстрел» не находится по указанному адресу, хотя и состоит на учете в налоговой инспекции, но уже под другой маркой. В случае авансирования мной в полном объеме расходов по розыску должника, судебные приставы обязаны осуществить розыск должника или его имущества в соответствии со статьей «Об исполнительном производстве». Вот так! Как говорится, от чего ушли, к тому и пришли.

У меня нет средств платить судебным приставам, так как живу я на мизерную пенсию, и в город ездить за 300 километров — тоже не в состоянии. Кто мне поможет в этой беде? Мне не нужна плата за моральные и материальные издержки, вернули бы хоть стоимость ружья.

Ю. С. КРЕМЛЕВ
Новосибирская обл.

Лисица притормозила, принялась и отвернула от охотника

Фото А. Севастьянова

ОТЕЦ РУССКОЙ ФЕНОЛОГИИ

Р. БОБРОВ,
канд. с.-х. наук

В сентябре 1922 г. на экскурсионную станцию Петроградского Лесного института пришел пакет с удостоверением — мандатом на имя профессора Дмитрия Никифоровича Кайгородова, из которого следовало, что:

«Предъявитель сего Почетный член Государственного Института опытной агрономии, заведующий зоофенологической сетью Лесного отдела проф. Д. Н. Кайгородов согласно Постановлению коллегии Наркомзема (протокол от 15 сентября 1922 г. № 196) командировается Наркомземом на 6 месяцев в Эстонию для научных исследований движения и расселения птиц в Европейской России по линии их возвращения из Южной Европы и Африки вдоль эстонского побережья Финского залива и для установления связи с птиценаблюдательными станциями морского побережья Эстонии.

Вследствие вышеизложенного проф. Д. Н. Кайгородов, едучи с женою Валентиной Робертовной Кайгородовой, нуждается во внеочередном получении железнодорожных билетов, как при выезде из Петрограда, так и при обратном следовании к месту службы в Петрограде, что и удостоверяется Государственным институтом опытной агрономии за надлежащими подписями, с приложением печати».

На командировку было выделено 500 золотых рублей. Деньги по тем временам немалые, особенно если вспомнить трудности тех лет. Однако ущерб от прерванных войною и революцией научных наблюдений многократно превышал намечаемые затраты. Поездка Д. Н. Кайгородова в Прибалтику предполагала восстановление почти полувековых фенологических исследований, без которых невозможно развитие естественных наук.

«Фенология» в переводе с латинского — наука о природных явлениях (фен — явление, логия — наука). В научном определении фенология — это раздел биологических наук, изучающий закономерности характера и темпов годового круга живой природы. Она рассматривает связанные с ними периодические явления жизни растений и животных. Погодные явления — главная составляющая фенологии.

Истоки фенологических наблюдений — в глубине веков. Став человеком разумным, человек начал вникать в ход развития фаз окружающих растений, который начинался с весенних всходов (отрастаний) и заканчивался осенне-зимним отмиранием, или «засыпанием». Не могли уйти от внимания чело-

Д. Н. Кайгородов

века и периодические явления из жизни птиц и зверей. Тысячи лет назад уже следили за природой египетские, китайские жрецы. Они внимательно учитывали периодичность разливов рек, наступления засух. Накапливая наблюдения из поколения в поколение, обнаруживали определенные закономерности в жизни природы. Что касается жрецов, то приоритет полученных знаний они тщательно оберегали от непосвященных, а затем умело использовали знания для утверждения своего общественного положения.

Сохранялись сведения о важнейших природных явлениях в народной памяти, в его фольклоре, в древних записях. Летописцы отмечали время распускания листьев у деревьев и время цветения, начало полевых работ, созревание трав и начало сенокосения, прилет птиц, первую песню соловья, жаворонка, вылет пчел.

Стремление увязать время года с фазами роста и развития растений и жизнью животных характерно для старинных сельскохозяйственных китайских календарей. Славянские календари, кстати, тоже основаны на фенологических наблюдениях. Апрель у славян — цветень (цветение садов), май — травень (обильное отрастание травы), июнь — червень (краснеют вишни), июль — липень (цветение липы), август — серпень (жатва серпом хлебов), сентябрь — зарев (ревут олени, начало гона). Можно было бы продолжить календарь славян, и в названии каждого их месяца нетрудно угадать основную особенность того или иного времени года — его фенологию.

Систематические научные наблюде-

ния за сезонными природными явлениями начались в XVIII столетии. К числу первых фенологов в Англии относят семью Маршам. Она следила за перелетом птиц с 1737 г. С 1769 г. в Германии фенологией занимается Гофрид Рейгер. Среди основоположников фенологии считают Ренэ-Антуан Реомюра (1683—1757) — французского физика, начинателя научной термометрии. Дело Реомюра продолжили ботаник А. Адамсон (1727—1806) и аббат Котт (1740—1815).

В России начало фенологии как науки, то есть осмысленного подхода к наблюдениям за природными явлениями, также можно отнести к началу XVIII столетия, на время указа Петра I А. Д. Меншикову:

«Когда деревья станут раскидываться, тогда велите присылать нам листочки оных понеделньо наклеивши на бумагу, с подписанием числен, дабы узнать, где раньше началась весна».

Случилось это в 1721 г., то есть на 27 лет раньше, чем швед Карл Линней приступил за развитием растений и ходом погоды. И все же оставим приоритет начала фенологических наблюдений за Карлом Линнеем, поскольку, в отличие от А. Д. Меншикова, он был последовательнее в проводимых исследованиях. Линней раньше других создал фенологическую сеть из добровольных корреспондентов, которые в разных местах страны отмечали сроки распускания почек, цветения, созревания плодов и опадения листьев. Свои взгляды не периодические явления Линней изложил в знаменитом труде «Философия ботаники».

Русские ученые так же внимательно относились к фенологическим наблюдениям. К числу начинателей российской фенологии нельзя не отнести и Андрея Тимофеевича Болотова. Живя подолгу в тульской деревне, он внимательно следил за изменениями, происходящими в природе, изложив их в трех больших рукописях. Первый труд — «Письма о красотах природы» — посвящен ранней весне: первой тали, оживлению трав, прилету птиц. Вторая рукопись Болотова включает снеготаяние, третья — остальное время года. В каждой из рукописей А. Т. Болотова подчеркивал связь вегетации растений с сезонными изменениями в природе. Нельзя не назвать среди корифеев отечественной фенологии директора петербургского Аптекарского огорода И. П. Фалька и академика П. С. Палласа, регулярно наблюдавших за сезонной «ритмикой» в природе уже с 60-х годов XVIII столетия. В XIX в. фенологические наблюдения в России получают глубоко научное осмысление. Пре-

подаватель Московской земледельческой школы, автор одного из первых учебников по лесоводству, Н. И. Анненков, наблюдая за растениями в Подмосковье, в научных трудах отмечал сроки облиствления, появления первых бутонов и цветов, цветение, плодоношение, пожелтение и опадение листьев и вторичное цветение. Сведения Н. И. Анненкова получили известность и за рубежом.

Таким образом, фенология как наука в нашей стране имеет право отмечать более чем двухвековой юбилей. Тем не менее официальной датой считают 1845 г. Академик П. И. Каппен, сам много наблюдавший за сезонным развитием растений в Крыму, в том году обратился с воззванием в Академию наук о создании в России сети регулярных наблюдений. Весною 1847 г. член Географического общества профессор политической экономии Петербургского университета В. С. Порошин предложил организовать сбор сведений по географии сельскохозяйственных культур и периодических явлений в природе, определяющих условия земледелия.

После доклада В. С. Порошина о необходимости проведения и сбора фенологических наблюдений, в 1848 г. Русское географическое общество направило в Российские губернии программу фенологических наблюдений по гидрометеорологии, ботанике, зоологии, сельскому хозяйству, а с 1851 г. началась их публикация. С этого же времени в российской печати появляются систематические сообщения и научные статьи по этому вопросу. В первые годы фенологическая сеть России состояла из 40—50 корреспондентов. Для такой огромной страны, да еще с таким суровым климатом, это, конечно же, очень мало (Вестник знаний 1935, 7—12, XX 281/19). Чтобы ус-

тановить достоверные фенологические наблюдения на обширных российских пространствах, необходимы были тысячи квалифицированных ученых. Именно такую фенологическую сеть с тысячами наблюдателей и удалось создать замечательному русскому ученому Д. Н. Кайгородову. С 1883 г. он становится одним из главных организаторов и исполнителей фенологических наблюдений в России. Благодаря ему фенология в стране по уровню научного обеспечения, а главное — количеству наблюдателей природных явлений, оказалась ведущей в мире. Фенологическая комиссия, которой он руководил, усовершенствовала программу наблюдений. В российских губерниях появились фенологические центры, увязавшие свою работу с главным — петербургским центром. Конечно же, все это мог сделать только одаренный, талантливый человек. К многократным дарованиям Д. Н. Кайгородова можно отнести и его исключительные организаторские способности.

С 1885 по 1924 г. Д. Н. Кайгородов заведует фенологической сетью при Ученом комитете Министерства земледелия, а затем — при Институте опытной агрономии. При нем фенология в стране стала полноправной отраслью науки. Благодаря Д. Н. Кайгородову вводится специальная фенологическая «кайгородовская» терминология. Один из таких терминов — «фронт прилета птиц». Кайгородов составил графики весеннего прилета птиц. Собранные его сетью фенологические данные позволили стране создать лучшие в мире фенологические карты.

Надежность научной системы, научных взглядов проверяется временем. Труды Д. Н. Кайгородова оказались востребованными и после его смерти. Фенологической сети страны присвоили имя Д. Н. Кайгородова. До 30-х гг. она входила в Общество любителей мироведения. После 30-х гг. перешла в ведение Центрального бюро краеведения, затем — снова в Географическое общество.

Фенологическая сеть Д. Н. Кайгородова, оказавшаяся при русском Обществе любителей мироведения, за 5 первых лет своего существования превысила 2 тысячи корреспондентов. В 1934 г., через десять лет после смерти Д. Н. Кайгородова, фенологические наблюдения велись в 3000 пунктах страны. Материалы организованной Д. Н. Кайгородовым русской фенологической сети послужили основой для биоклиматического районирования европейской части страны. Во главе кайгородовской фенологической сети после его смерти оказались видные российские ученые: Н. П. Смирнов, О. Д. Святский, С. И. Хомченко, профессор Лесного института М. Н. Римский-Корсаков, Гай Эвальдович Шульц, Сергей Александрович Безбах.

К началу 60-х гг. в стране имелось 1686 корреспондентских пунктов наблюдений, в работе которых участвовало 3,5 тысячи добровольцев.

Современная фенология широко использует в своей деятельности достижения биологии, климатологии, ботаники и земледелия. Огромный прогресс, достигнутый современной наукой в этих отраслях знаний, помогает фенологам постичь самые сложные закономерности жизни природы.

В свою очередь, результаты фенологических наблюдений и исследований служат важным разделом работы земледельцев и всех тех, кто связан в своей работе с природой. Применительно к современному виду хозяйствования, современная фенология — это важнейший и многоплановый раздел экологии с чрезвычайно широким диапазоном научного и практического использования в различных отраслях производства и особенно в сельском и лесном хозяйстве, а также агрометеорологии, в озеленении городов и населенных мест. Сейчас трудно назвать раздел ботаники, который был бы полностью реализован в отрыве от сведений о сезонном развитии изучаемых объектов. Вся сезонная ритмика растений — одна из основных форм их жизнедеятельности. Она олицетворяет собой диалектическое единство организма и среды в их исторической динамике.

В лесном хозяйстве фенология представляет собой интерес при изучении сезонного развития древесных растений в различных геоботанических зонах нашей страны, включая горные леса с вертикальностью растительности. Она раскрывает динамику сезонного развития деревьев, кустарников, травянистой растительности и мохового покрова в различных типах леса, применительно к типам их лесного биогеоценоза, а также развитию древесных растений в различных типах леса, связи ритма, сезонного развития древесной растительности с их производительностью, репродуцирующей способностью, ходом естественного возобновления в различных лесорастительных условиях. Фенологические наблюдения имеют непосредственное хозяйственное значение при исследовании связи ритма сезонного развития лесных биогеоценозов со сроками охоты на пушного зверя и боровую дичь.

Много, очень много удалось сделать нашим ученым в области фенологии. Однако, отмечая все эти достижения, мы не можем не вспомнить с благодарностью о тех, кто стоял у истоков этой науки. «Задний переднему — мост». Успехи, которые мы имеем в области фенологии, стали возможными благодаря научным трудам, писательскому мастерству, организаторским способностям, многолетнему труду Д. Н. Кайгородова и тысяч бескорыстных его помощников — энтузиастов природоведения, которых он сумел привлечь к своему делу.

ПОВАДКИ ТУВИНСКИХ ВОЛКОВ

М. СМІРНОВ,
доктор біологічних наук,
професор Красноярського
госуніверситету

Лесной волк, живущий на южной границе своего распространения, в центре Азиатского материка, а именно в Республике Тува, изучен еще довольно слабо.

Наблюдения в течение 1970—1990-х гг. утвердили нас во мнении, что волк присутствует во всех ландшафтах этого, очень сложного по рельефу, региона. Наиболее обычные звери в бассейнах рек Каа-Хем и Бий-Хем, где их плотность достигает 0,1 особи на 1000 га (Смирнов, 1994). Эти места богаты дикими копытными, которые и составляют основу питания хищников, что наиболее ярко выражено в зимний период.

Нельзя сказать, что в это время добывание копытных — легкое занятие, особенно в горах, где глубокий снежный покров ограничивает возможности передвижения, свободу маневра. Надо учесть, что длина вытянутой передней ноги взрослого тувинского волка, по нашим измерениям, 42—48 см, кошули — 52—62, марала — 84—94, лося — свыше 100 см. При глубине снега в 50 см волк уже бороздит его грудью, а крупные копытные передвигаются еще вполне свободно. Поэтому во многих участках их зимовок маршруты волков ограничены руслами рек и солнцепечными склонами гор, где снег в половину мельче, чем на северных склонах и на дне долин. Порой волки натаптывают в глубоком снегу тропы, используя как основу следы других зверей. В январе 1980 г. на р. Хон в ельнике нами отмечены довольно утрамбованные волчьими тропами, местами проложенные по заячьим тропкам. Снег здесь был 60—70 см. Однако следует признать, что высоким адаптационным способностям хищников есть пределы. По наблюдениям в феврале-марте в верховьях рек Дотота (1978 г.) и Бий-Хема (1989 г.), стекающих с западных склонов Восточного Саяна, где снег достигал 80—120 см, лоси и северные олени зимовали в условиях полной безопасности — волчьих следов здесь не было. В глубокоснежье волк иногда оказывается беспомощным, особенно перед лицом людей, вооруженных моторизованными средствами передвижения. Нам известны два достоверных

Волк — обитатель всех ландшафтов Республики Тува

случая, когда волки, преследуемые трактором и автомобилем, попадали в сложную ситуацию. Поздней зимой 1972 г. некий тракторист, заметив волка на дороге, гнал его до деревни. Волк неоднократно порывался в лес, но по снегу трактор быстро настигал его, и зверь возвращался на дорогу. Однако, будучи выгнанным в деревню, он побежал через огороды и скрылся. Другой похожий инцидент, но с печальными для волков последствиями, произошел суровой многоснежной зимой 1975 г. Ехавшие через долину р. Ожу колхозники заметили трех волков, лежавших на копне близ дороги. В ближайшем селе колхозники сообщили об этом местным охотникам, которые, срочно прибыв на место, прямо с машины застрелили двух зверей, уже переместившихся на дорогу. Застигнутые вертолетными стрелками в глубинах горной тайги волки, не успевшие спрятаться в чаще, нередко бегут по льду речек, и здесь их легко убивают. Из дневника от 27.02.1980 г.: верховья р. Дерзиг, 13.15, заметили группу из пяти волков, которые, разбившись веером, с большим трудом прыгая в глубоком снегу, спешили через ерниковые заросли к ближайшему леску. Лишь один волк кинулся вниз к речке. Кое-как добежал до нее (снег доходил зверю до середины туловища, и он мог передвигаться лишь короткими прыжками), выскочил на лед и легко и резво устремился вперед. Вертолет настиг зверя на широкой чистой наледи. Метров на 25—30 стрелок не промахнулся. Волк кинул себя за бок, поднял голову, затем, согнувшись, добрал до прибрежного куста, лег под ним и замер, подогнув голову. Остальные волки скрылись в лесу. Через 20 мин уже в другой «покати» встретили у речки пару (самку и самца) вол-

ков. Убили обоих после недолгого преследования. Снег по берегам был 60—70 см, и звери поневоле улетывали по льду. Один из них пытался убежать в лес, но увяз в снегу и вернулся на лед.

Надо сказать, что если волк все-таки добегал до леса, то никакими ухищрениями выгнать его оттуда не удавалось. Так, 6.03.1982 г. преследуемый вертолетом волк бежал сначала по речке, а затем нырнул в куртинку молодого ельника и там остался. Вертолет грохотал всей мощью двигателей, зависнув так низко, как было возможно. Струи воздуха, гонимые лопастями вниз, ломали ветви, поднимали вихри сухого снега с деревьев и с земли, однако волк так и не показался более, накрепко замерев под сенью спасительных крон.

Из диких копытных в добыче тувинского волка преобладают маралы, кошули, реже — лоси. Можно говорить о зимней специализации одних кланов местных волков почти исключительно на маралах, других — на кошулях. Нападая, волки стараются поставить животных в невыгодные для них условия. Застав марала, пасущегося на солнцепечном склоне или отдыхающего на гребне (по-местному — «гриве»), волки, осторожно выйдя из «сивера», гонят его с максимальной скоростью, не давая опомниться, вниз на лед, разлившуюся наледь или в чашу противоположного склона, там «крутят», кусая за ноги и корпус, зверь слабеет, падает, хищники добывают его. Особенно рискованно для маралов зимовать на «островных» солнцепеках высоко в горах. По сообщению штатного охотника Г. В. Карандюка, на его участке в верховьях р. Бес (хр. Ергаки) в 1981 г. на солнцепеках, окруженных обширными пространствами заснеженных кедровников, остались зимовать пять взрос-

лых маралов. За зиму стая из семи волков загрызла трех маралов. В большинстве своем гибнут олени, загнанные волками на «отстой» (Смирнов, Кожечкин, 1998). Охотясь на маралов и косуль, волки могут, разделившись на группы, ходить параллельными курсами поверху и по подножью сопок. Согнанных со склонов копытных перехватывают идущие вниз «охотники». В конце зимы маралы бродят по замерзшим речкам, ручьям (по-сибирски — «ключам»), кормясь прибрежными травами, свисающими с речных обрывов, и побегами растущих на отмелях ив. Волки, тихо подкравшись из приопыленной уремы, прыгают сверху и делят растерявшихся животных.

В январе 1984 г., по сообщению директора Азасского заповедника С. А. Окамова, на 60-километровом отрезке пути по руслу р. Азас было найдено 17 задранных таким приемом маралов. В декабре 1982 г. на р. Хут был отстрелен взрослый марал с покусанными задними ногами. Он держался на очень крутом солнцепеке, передвигался с трудом, заметно приседая. В этом районе был центр обитания волчьей стаи, повсюду виднелись свежие следы хищников, по ночам окрестности оглашались их заунывным воем. Лосей волки выгоняют на лед или в чашу, где «кружат», хватая за задние ноги, промежность и брюхо. Косуль «берут» на лежах, прочесывая места их отдыха в густых ельниках или кустарниках, где косули не могут заметить хищников издали. Временами волки пытаются догнать животных, преследуя их на коротке.

Особо необходимо осветить поведение волков на путях миграций косуль. Мы занимались изучением миграций в течение 12 лет (1978—1989), работая ежедневно на стационаре в верховьях р. Хут в апреле-мае и сентябре-октябре-ноябре. Волки присутствовали здесь же, о чем свидетельствовали их свежие следы. Временами днем в поле нашего зрения попадались и сами хищники. Свои наблюдения мы проводили из укрытий (НП) в течение светлой части суток, обозревая из бинокля определенный сектор долины р. Сортуга, текущей поперек направления миграции. Волков встречали на пути к НП и находясь в них. В первый раз я увидел мес-

тного волка 3.05.1979 г. в 9.16, подходя к устью Сортуга. Он спустился с пригорка на поляну, я успел стать за ствол дерева. Темно-серый зверь трусил по тропке в мою сторону, опустив голову, и будто не заметил меня, но как-то мимоходом свернул вправо в ерник и исчез. 10.10.1982 г. в 10.15 новая встреча: с гребня левого берега Сортуга, на который я только что вышел, увидел в центре долины крупного светло-серого волка, который скорым шагом и легкими прыжками продвигался к правому берегу, лавируя между кустами. На лесистом склоне на мгновение приостановился, глянул в мою сторону и пропал из виду. 4.05.1985 г. в 14.40, находясь на НП, заметил, как вверх по центру долины трусой пробежал крупный серо-палевый волк, нырнул в овражек, по нему обогнул мой сектор обзора и в 200 м выше вновь забегал в лес, перемахнув через мой свежий по талому снегу след. 6.05.1986 г. в 16.15, следуя вверх правым берегом Сортуга к НП, я увидел в середине долины большого, почти белого волка, копавшегося в кочках, между которыми бурно текли талые воды. Зверь высунул из куста голову, принохиваясь и осматриваясь. Спугнутый выстрелом, он умчался огромными прыжками на левый берег. 19.04.1988 г. в 18 ч, возвращаясь от Сортуга к нашей избушке у р. Хут, я спугнул одного волка. 27.09.1988 г. в 10.30, находясь на НП, увидел бегущую по долине косулю, след за ней мелькала серая волчья «шуба». С прижатыми ушами и ужасом в глазах косуля в два прыжка преодолела Сортуг и пронеслась мимо меня. Волчица сбилась со следа, беспокойно оглядываясь, встала на кочку в 80 м от НП, но была убита.

Меня заинтересовало то, что встреченные на Сортуге волки и их следы нередко появлялись примерно из одного места в приустьевой части правого берега. При внимательном обследовании здесь обнаружил мощную ель с густой кроной. Пуд ней сухая, без растительности площадка, земля была разрыхлена и смешана с опавшей хвоей. Сухое, «теплое» (на солнцепеке) место с отличным обзором ерниковой долины Сортуга. По периферии площадки в нескольких местах волчья экскременты разной давности, вплоть до

относительно свежих куч, состоящих из шерсти и косточек косуль. Место очень удобное для отдыха и обозревания долины, которую весной и осенью пересекают сотни косуль. На путях сезонных перемещений копытных волки порой ведут себя, как и их конкуренты — двуногие охотники: сидят в засаде и отдыхают, скрываясь от непогоды и прямых солнечных лучей под старыми тенистыми деревьями. Попутно заметим, что кочевые охотники из аборигенов Южной Сибири прежде не строили таежных избушек, а останавливались на ночлег или «таборились» на более длительный срок, именно на таких местах: на солнечной стороне склона под защитой могучего дерева.

Охота из засад практикуется волками в разгар «хода» косуль. В начале же кочевки — ранней весной, когда снег еще глубок и утрами кое-где образуется наст, — четвероногие охотники стараются держаться как бы в потоке идущих мигрантов. 26.04.1983 г. нам удалось проследить фрагмент такой охоты. Судя по следам, взрослый волк осторожно крался, почти не проваливаясь, по затвердевшему за ночь снегу, мелкими шажками, иногда задевая когтями снег. Вокруг были свежие следы, лежки косуль, временами слышались их крики. Второй волк в эти минуты подвигался навстречу собрату и косулям, временами затаиваясь, выжидая. В этот раз охота окончилась безрезультатно. Через день по свежей пороше мы установили, что одиночный волк недалеко от этого места ходил зигзагами по главному пути мигрирующих косуль.

Волки, как правило, не покидают добытого марала или лося порой по нескольку дней, пока не съедят его полностью, и готовы стойко защищать свою законную добычу. Вертолетчики Кызылского авиаотряда сообщили нам, что, пролетая по заданию геологов над Тоджинским районом в марте 1981 г., заметили на льду р. Кижы-Хем разорванного марала, около которого лежали пять волков, причем звери не испугались, не убежали, а угрожающе оскалились на снизившуюся над ними машину. Привязанность стаи к добыче была убедительно продемонстрирована в уникальном случае: за три вылета в марте 1987 г. в долине р. Улуг-О была

уничтожена стая из шести волков (пара взрослых и четыре прибулых), каждый раз после очередного «налета» вертолета, потеряв одного-двух сородичей, возвращавшаяся к убитому ими маралу.

В местах успешных охот волков обнаруживаются характерные остатки добытых ими зверей. Лично нами непосредственно, т. е. на земле, на льду или вблизи от речки, ключа, под обрывистыми скалами в кустарниках, на опущенной нижней части густого «сивера» осмотрено свыше 40 таких «побоек», или «давлин», как говорят местные охотники. От съеденного волками марала обычно остается череп без носовых костей и нижней челюсти, иногда с шейными позвонками (у самок и молодых волки порой прогрызают затылочные кости, изымая головной мозг), кости таза. Здесь же валяются клочья шкуры, пучки волос, содержимое желудочно-кишечного тракта. Снег на площадке примерно 10х15 м бывает обрызган кровью и плотно утрамбован, образуя так называемую «утолку». От убитого и съеденного волками лося на месте «побойки» обычно обнаруживаются голова с обгрызенными губами, носовыми костями, жевательными мускулами, выгрызенным языком, а также позвоночник с костями таза, шерсть, содержимое желудочно-кишечного тракта, клочья шкуры. Отдельные куски от крупной жертвы, например кости конечностей и проч., звери растаскивают и прячут в снег, поэтому от «давлени» радиально расходятся их тропки. На месте поимки косули тувинские волки обыкновенно не оставляют ничего, кроме нескольких клочков шкуры, содержимого желудочно-кишечного тракта, пятен крови да «утолки» площадью около 5х5 м. Лишь однажды, 7.12.1980 г., по следам мы «прочитали», как три волка, схватив в припойменном ивняке косулю, спрятали невдалеке в кустах объединенные задние ноги. На р. Хут 10.12.1982 г. отметили, что хищник, поедавший косулю, разгрызал трубчатые кости и, высосав мозг, обломки выплевывал в снег. В конце ноября 1980 г. на р. Хон мы заметили, что волки, задравшие косулю, растаскивали небольшие клочки шкуры по своим тропкам и, приковав снегом, образывали мочой. В зимних экскрементах волков обнаруживаются непереваренные остатки копыт, клочки камуса, фрагменты сочленовых участков нижних отделов конечностей и кости черепа косуль, что подтверждает объективность полной утилизации тувинскими волками добытых ими косуль.

Рядом с «давленими» под деревьями или валежинами, где мало снега или он отсутствует, видны лежки волков и кучки их экскрементов. Окончив пиршество, звери, полные сил, покидают «побойку». Удаляясь от нее, волчата играют на ходу, валяются в снегу, бросая по пути обглоданные кости. Места удачной охоты волки посещают регулярно — они включают в сеть

зимних охотничьих маршрутов зверей. Интересно, что волки не спешат поедать трупы павших в голодные годы диких копытных. Ранней весной 1980 г., после очень тяжелой зимовки, в районе обитания волчьей стаи мы нашли не тронутые волками трупы погибших зимой взрослых самца и самки марала. В обоих случаях трупы были видны издали: маралу, например, лежала на льду посередине реки Хут. О подобных случаях рассказывали нам и охотники Каа-Хемского района, где падежи маралов указанной зимой проявились весьма заметно. С явным недоверием тувинские волки относятся к остаткам отстреленных зверей. В декабре 1982 г. мы добыли взрослого марала, оставив его внутренности лежащими открыто близ речки. Волки через два дня приблизились к ним на 50 м, потоптались, покружили, посидели на льду и удалились. К слову, кабаны, в отличие от волков, ведут себя менее «интеллигентно»: в январе 1980 г. к складированному в тайге мясу марала, застреленного накануне и закрытого его же шкурой, на которую был насыпан слой снега, с горы спустилась группа кабанов, которые «с ходу» прорыли к мясу траншею, погрызли и попортили мякоть крупных кусков малятины.

Весной, в апреле—мае, по нашим многолетним наблюдениям, средний размер групп волков (включая одиночек) — 1,6 (n=26 групп); зимой — в ноябре—марте этот показатель удваивается — 3,2 (n=200 групп), максимальный размер группы — восемь особей. Любопытно, что значительное число хищников (от 36,2 % при аэроблюдениях до 38,2 % при наземных регистрациях) отмечалось зимой в мелких группах (1—3 особи). Это отчасти объясняется тем, что члены крупных стай не всегда держатся вместе. Поодиночке, парами, тройками они выходят на разведку и охоту и вновь встречаются, объединяясь в стаю. В ноябре—декабре 1984 и 1985 гг. на восточной оконечности хр. Академика Обручева мы установили, что две стаи по восемь волков контролировали одна — верховья р. Бельдык, вторая — верховья р. Белин. Каждая из стай тр разбивалась на две-три группы, то собиралась воедино.

Средние размеры стайного участка волков в Туве около 600 км², границами его могут служить реки и хребты. Внутреннее и пограничное пространство участка зимой волки непрерывно метят. Главными факторами мечения, кроме самих зверей, выступают моча, кал, следы, звуковые сигналы (вой). В декабре 1981 г. на водоразделе р. Хут — р. Сейба нами прослежена, на протяжении нескольких километров, линия мечения предполагаемой границы участка местной стаи волков. Шаг по свежим волчьим следам, мы обнаруживали свежие мочевые точки с частотой около 1 на 100 м пути. Порции мочи звери направляли на выглядывавшие из-под снега вблизи тропы мелкие

кедрики, местами на валежины, лежащие поперек тропы. Вообще фекалии располагаются по территории, занимаемой стаей, весьма неравномерно. Наибольшая концентрация отмечается близ остатков задранного зверя, а также в местах, где волки периодически отдыхают или обозревают места вероятного появления потенциальной добычи. Экскременты рассеиваются также по тропам, а зимой — по льду рек, по обычным путям передвижения зверей. Весной до ледоходов здесь вытаскивает много волчьих кучек. В апреле 1987 г. нами на протяжении 8 км по льду р. Хут было отмечено 14 экземпляров волчьего кала.

Вой тувинских волков — удивительное по звучанию явление — мы слышали только в ноябре, декабре и январе, несмотря на то, что полевые работы проводили во все сезоны года в местах обитания волков. В ноябре и декабре 1978 г. в бассейне р. Хон волки начинали выть на вечерней заре в 16.20—17 ч, иногда продолжали и в 18 ч; в разные дни вой слышался из разных мест сопков, окружающих нашу избушку. Иногда все выли с одной «гривы», а временами стая разделялась на две части, устраивая переключку. Через два года, в январе и ноябре 1980 г. в данном районе мы слышали начало воя почти в те же часы: 16.40—17.30, иногда в 18 ч. Вой различался по высоте и характеру «песни». Тонкие молодые голоса временами заканчивали завывание тявканьем, взрослые начинали на более низкой ноте и заканчивали на высокой, мелодичной. «Пение» на вечерней заре бывало не каждый день и продолжалось примерно 10 мин, прерываясь и возобновляясь через полминуты. Утром и днем волки молчали, ночных наблюдений мы не проводили. В пределах охотничьего участка другой стаи, в низовьях р. Хут, в декабре 1980 г. мы слышали подобный упомянутому выше вечерний вой. В декабре же следующего года отметили иной рисунок воя: 12.12.1981 г. услышали голоса волков на утренней заре в 8.40, а пятью днями ранее звери начали выть в 12.15, причем взрослый выл на горе, а три волчка — у реки. Эта переключка продолжалась четыре часа вплоть до вечерней зари (16.20) с интервалами в 5—20 мин. Чаще волки «поют хором» или отвечают друг другу, переключаясь, реже воют безответно одиночные звери. Один случай такого воя был зарегистрирован в безлюдном подгольцовье на р. Тоймас (11.11.1985 г. в 7.20). Голоса волков не только обеспечивают связь между членами стаи, но и обозначают занятую стаей территорию. В тихую морозную погоду слышимость воя, производимого с возвышенных мест, достигала радиуса 2,5 км, распространяясь на площади 10—20 км². Волки же воспринимают вой, вероятно, на значительно большем пространстве. Похоже, что голосовая активность волков чаще проявляется в центральной, выделяющейся по обилию пищи, части их территории.

На наш взгляд, хищники мобилизуют весь арсенал средств мечения в наиболее трудный зимний период, чтобы оградить свой участок от поползновенной соседней-волков.

Характеристика тувинских волков была бы неполной без упоминания об их поведении при встречах со следами деятельности человека. В глухих местах, где люди появляются время от времени или неежегодно, звери со страхом относятся к их следам. В декабре 1984 г. мы обследовали тайгу по р. Бельдык, куда охотники не заходили несколько лет. Волки местной стаи боялись переходить через нашу свежую лыжню: вначале долго брели параллельно ей, подходили на 1–2 м, отступали и шли рядом, а достигнув места, где лыжня делала резкий поворот, они побродили в образовавшемся углу, повернули назад и более к лыжне не приближались. В декабре следующего года в верховьях р. Белина группа местных волков, натолкнувшись на нашу 2–3-дневной давности лыжню, долго шла параллельно ей. Волки останавливались, кружились, «совещались» и перемахнули через лыжню лишь там, где ее перемело снегом. Также недоверчиво волки реагировали на следы наших ног: осторожно, мелкими шажками подходили, топтались и уходили вспять. Там же, где волки привыкли к людям, они ведут себя довольно безбоязненно, иногда пренебрегая близостью человека, но на него предпочитают не нападать. Ночью группы волков могут проходить в 50–100 м от лесных избушек, где ночуют люди, пугая пасущихся поблизости лошадей. Лесник В. С. Кошкарлов, направляясь на саниях в пос. Сейбу 15.11.1980 г. в 9 ч (снег был еще неглубок), встретил на дороге стаю из 6 волков, которые спокойно шли ему навстречу и свернули в сторону, когда до саней оставалось около 100 м. Штатный охотник П. И. Полежаев, проезжая зимой 1982 г. на саниях по одному из проселков в Пий-Хемском районе, увидел двух волков, только что добывших косулю. Охотник забрал их добычу и поехал дальше, а волки, отбежав было на некоторое расстояние, дождались, когда сани отъехали на несколько десятков метров, и устремились к месту, где только что лежала добытая ими косуля. Тувинские волки прекрасно разбираются, насколько опасен встреченный человек, вооружен ли он. Г. В. Карандюк осенью 1981 г., не имея при себе ружья, собирал опавшие шишки кедра («паданку») и случайно натолкнулся на волка, подпустившего его на 50 м. Отбежав немного, зверь не спеша, шагом, удалился. Видя, что пастух не вооружен, волк может спокойно сидеть на опушке леса и ждать, пока он не удалится при объезде табуна, чтобы броситься на зазевавшегося жеребенка. Были случаи, когда голодные звери забирались через крышу кошары к овцам (сообщение егеря А. Е. Балагашева, г. Туран). Сытые же волки порой проявляют паразительную беспеч-

ность. Егерь-волчатник Г. И. Савин рассказал нам, как в июле 1986 г. семья из пяти волков в предгорьях Уюкского хребта в 2 ч ночи напала на овец, зарезав несколько животных из большой отары, а наевшись, удалилась в ближайший лес и улеглась на полянке в 700 м от «побойки». До волков наверняка долетала крики чабанов, искавших разбежавшихся овец, но хищники спокойно отдыхали, временами переменяясь след за сместившейся тенью деревьев, пока их не струнули подоспевшие охотники. На склоне долины р. Азас 23.02.1983 г. мы заметили с вертолета четыре волков, лежащих под деревом у свежеразранного марала. Они слабо реагировали на нас. Только один зверь встал на ноги. Отработавшая аэроучетный маршрут в верховьях р. Улуг-О 19.02.1986 г., мы застали семь отдыхавших в ерниках волков близ убитого ими марала. Все лежали не шевелясь, только прибылой поднял голову, чем выдал себя и всю стаю.

Охотоведы Тувинского охотуправления совмещали ежегодный авиаучет диких копытных с отстрелом волков. Мы не относимся к сторонникам такой «охоты», однако итоги ее представляют определенный интерес. Отстрелы проводили с вертолета МИ-8 в период 1979–1993 гг. За 15 лет общая протяженность маршрутов составила 63 750 км, было встречено 38 групп (общая численность 134 волка), из которых добыли 65 (48,5 %). Полностью уничтожено 10 групп (3 — одиночки, 4 — пары, 1 — тройка, 1 — четверка, 1 — шестерка). Из стай по 4 и более особи удавалось в среднем отстре-

ливать 43,4 % зверей (n=18 стай). В структуре добытых животных прибылые составили 39,7 %, самцы старше 1 года — 36,2 %, самки — 24,1 %. Думается, что волчье население страдало не столько от потерь в «живой силе» (в среднем в год добывали менее полупроцента от ресурсов вида в республике), сколько от возможной дезорганизации крупных стай в случаях, когда погибали взрослые особи. При отстреле с вертолета взрослая часть популяции, видимо, страдает в большей мере, чем при других способах истребления. По нашим многолетним данным (Смирнов, Шурьгин, 1985), при добыче традиционными методами соотношение взрослых к прибылым было (%) — 44:56, при авиаотстреле — 60:40. За упомянутый период (1979–1993) замечено с воздуха 30 «давлін» маралов и 4 — лосей.

При аэронаблюдениях очень хорошо заметна четкая приуроченность волчьих стай к многолетним, а точнее — многовековым местам зимних концентраций диких копытных, зачастую державшихся недалеко от хищников. Маралы, косули, лоси, несомненно, относятся к волкам как к одному из постоянных и неизбежных факторов окружающего мира. Много лет мы восхищались обилием зверей в высокогорных долинах ряда рек Тувы, пока сюда не стали забираться на вездеходах браконьеры с дальнобойными винтовками, после визита которых угодия постепенно пустели. Исчезали копытные, а вслед за ними и их серые спутники — волки.

Фото А. Севастьянова

Вой тувинских волков слышали только в ноябре, декабре и январе

ТОЛОДЖИМЕ, ЖАТЛЖИМЕ, ЗИМЖИМЕ...

Со следами деятельности медведей мне не раз приходилось сталкиваться во время полевых работ в дальневосточной тайге. Об одном из таких случаев я и хочу рассказать. Произошел он в Хабаровском крае в 1987 году.

На Каранакский стационар Дальневосточного отделения ВНИИОЗ мы выехали вдвоем с шофером Колей на грузовой машине в конце октября. Нам предстояло преодолеть 350 км. И хотя мы выехали из Хабаровска утром, добраться в тот же день до места назначения не удалось. Пришлось по дороге заночевать в поселке лесозаготовителей Кукане у местного егеря. Тогда-то я впервые и услышал от него о медвежьей нападке.

Сергей поведал о кормовой катастрофе этого года: кедровый орех не уродился, брусники мало, голубики нет совсем. Медведи голодные, наглые и злые как черти. В Кукане они задрали пять коров, был случай нападения на рыбинспектора, закончившийся его ранением, и даже отмечались попытки разрывания могил на кладбище. В Амурском промхозе медведи задавили двух охотников-промысловиков. Пресс хищников ощутили на себе и те, кто охотился за изюбями «на реву», поскольку косолапые выходили к «ревушим» охотникам вместо оленей. Две недели назад мой проводник Степан Семенович, за глаза именуемый «СС», хоронил знакомого егеря, также погибшего от медведя. Такова была обстановка, в которую нам предстояло «окунуться».

На стационар мы приехали на следующий день. Следы медведей были видны на лесовозных дорогах и шли в одном направлении — вверх по реке Каранак. Обустроившись в избе, отправились с «СС» за 12 км в Верхнее зимовье, где мне предстояло жить. Идти пришлось по звериной тропе, на последнем отрезке которой незадолго до того прошел крупный бурый медведь. Это не предвещало ничего хорошего. И опасения вскоре оправдались.

Подойдя к зимовью, увидели удручающую картину: дверь была открыта, посуда разбросана и некоторая помята, печка сворочена, лампа валялась на столе, керосин из нее вытек, оконное стекло разбито, толь с крыши частично сорван. Завершив разгром, мишка отправился дальше через старую гарь к водоразделу Каранака и Утанка, предоставив нам разбираться с плодами своей деятельности.

Вскоре снегу добавилось, занесло старые следы медведей, а новых не появилось. По-видимому, увиденные

нами в день приезда отпечатки принадлежали медвежьему арьергарду, завершившему переход хищников к местам залегания в берлоги. Правда, позже выяснилось, что отдельные особи еще подзадержались перед отправкой на зимние квартиры. Об одном из таких бедолаг мне рассказал Николай, когда мы встретились с ним в середине ноября.

В нескольких километрах от Нижнего зимовья, в котором он жил вместе с напарником — кинологом Хабаровского краевого общества охотников Сашей, находился стан лесорубов. Это в кинофильме «Девчата» лесорубы ходили обедать в поселковую столовую. Видимо, леспромхоз был организован

недавно, рубки только начались и лесосырьевая база была рядом. А в давно работающих хозяйствах вблизи поселков пригодных в рубку лесов уже нет, и лесорубам приходится трудиться в отдаленных угодьях вахтовым методом. Автобус привозит бригаду на лесосеку, а вечером увозит обратно в поселок. Обедают во временной столовой прямо на делянке — повара приезжают вместе с ними. Ночью на стане остается лишь сторож, в обязанности которого входит охрана строений и техники, а также подогрев воды для последней.

Однажды в конце октября сторож на стане у ключа Перевального услышал ночью снаружи какое-то подозрительное царпанье. Открыв дверь будки, в которой он находился, увидел медведя. Сторож успел захлопнуть дверь, запереться изнутри. Он стал бить топором по печной трубе в надежде отпугнуть хищника. Но на медведя это не произвело впечатления. Зверь перевернул находившийся у дома ящик, нашел там рыбу, съел ее, закусил собакой, которая была в конуре, и, каза-

лось, не собиравшись покидать кормное место. Напротив, он попытался выломать дверь и добраться до перепуганного насмерть мужика. Тогда тот решил бежать. Согласимся, это не было правильным решением, но в отчаянии человек совершает и не такие глупости. Пока медведь ломился в дверь, сторож разбил стекло, вылез в окно и побежал. Но от медведя не убежишь. Не успел он пробежать и сотню метров, как зверь настиг его. Мужик стал дико кричать и махать топором. На его счастье, это остановило хищника и он отошел в сторону. Сторож кинулся в противоположную.

Четыре километра до другого стана лесорубов он преодолел, по его словам, с мировым рекордом. Прибежав, укрылся в будке, а с рассветом рискнул вернуться обратно. Медведь к тому времени уже ушел. Тем не менее сторож изнутри закрутил дверь сторожки проволокой и устроился у окна, озирая окрестности. В таком виде его и застали приехавшие утром лесорубы. А вечером он уехал с ними в поселок, категорически отказавшись остаться.

На следующую ночь медведь опять пришел к стану. В домике-столовой он все перевернул, побил, порвал, пожевал консервные банки на помойке. Лесорубы обратились к охотникам за помощью. Второго ноября была устроена засада. Саша пришел пораньше, пока автобус еще не ушел, и расположился в сторожке. Как только лесорубы уехали, медведь направился к стану. Коля увидел его, идущего по дороге, и пошел за ним — из его двустволки стрелять было далековато. Между тем Саша занялся ужином, время от времени поглядывая в окно. Выглянув в очередной раз, увидел медведя в 50—60 метрах, который двигался в его сторону. Охотник вышел на крыльцо и из карабина СКС выстрелил, зверь упал. Вместе с подошедшим Николаем они дострелили хищника.

Медведь оказался самцом средних лет, очень худым. Поскольку не было возможности провести анализ мяса на трихинеллез, есть его не рисковали и скормили собакам. Часть мяса на свой страх и риск забрали лесорубы. Так закончилась эта медвежья эпопея.

Вернувшись после полевых работ в Хабаровск, я от других сотрудников отделения узнал, что и они пострадали от разгулявшихся мишек. Медведи нашли «захоронки» с продуктами и полностью их прикончили. Так что это явление было широкомасштабным.

Б. МИХАЙЛОВСКИЙ
г. Киров

Медвежья болезнь

Т. ПЛЕШАК,
старший научный сотрудник Северного филиала ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова, кандидат биологических наук

Медвежьей болезнью, по определению С. А. Корытина (1978), принято считать непроизвольное опорожнение кишечника или мочевого пузыря млекопитающих под воздействием ужаса или при маркировочном поведении.

Однако эта болезнь возникает у медведя не только от сильного испуга (при промахах на охоте, при неожиданных встречах с человеком). Случается она и при поедании зверем свежего мяса. Подобное отмечено нами в начале октября 1973 г. в Кировской области, когда медведь кормился у только что задранного волка лося, и в октябре 1987 г. в Архангельской области, где зверь длительное время посещал браконьерскую добычу. В обоих случаях все вокруг было буквально залито жидкими экскрементами.

Страдают медвежьей болезнью и другие звери. Так, С. А. Корытин (1986) сообщает, что примерно 10 % волков, преследуемых на самолете, поливают снег жидкими экскрементами черного цвета. Интересно, что при подлетах к зверям сбоку подобная реакция не возникает.

Несколько характерных эпизодов с приступами медвежьей болезни у различных представителей отряда хищников мы приводим ниже.

Мой прадед был заядлым охотником и все свободное время предавался этой страсти. Однажды весной, подползая к токующим тетеревам, он почувствовал, что кто-то шкрябает его по ноге. В те времена (происходило это в начале века в нынешней Западной Белоруссии) домашних свиней осенью и весной выпускали в лес на подножную кормежку желудями, и прадед подумал, что это проказничает чья-то хавронья, соскучившаяся в лесу по человеку. Недовольно взбрыкнув ногой, он пополз дальше. Через некоторое время его опять потревожили. На этот раз охотник оглянулся и замер: рядом с ним вполборота стоял весь в ключьях лисичей шерсти волк. Рассвирепевший прадед, забыв о шомполке, каким-то образом успел схватить зверя за хвост. Жидкая струя экскремента ударила прямо в лицо, потекла на одежду. От неожиданности и неимоверной вони охотник выпустил волчье «полено» из рук. Зверь скрылся в подлеске, а прадед, умывшись в ручье, задворками, до того «надушил» его волк, пробрался домой. Одежду пришлось выкинуть, так как даже после основательной стирки удушающий вонючий запах остался.

Свидетелем следующего случая медвежьей болезни нам довелось быть в деревне. Наш и соседский коты не ладили между собой, и каждая их встреча заканчивалась ожесточенной потасовкой. Баталии шли с переменным успехом. Однажды, убегающий с поля сражения и преследуемый по пятам, наш кот стал взбираться по стене дома к лазу на чердак. Противник не отставал, и побежденный «вылил» на него струю жидких экскремента. От неожиданности, а может быть и от вони, победитель буквально свалился со стены и юркнул в заросли.

В Пинежском районе Архангельской области 12 марта 1978 г. по следам мы установили следующее. На краю обширного, поросшего редким сосняком болота встретились два крупных самца лесной куницы. Один из них, видимо пришелец, сразу круто развернулся и стал удирать огромными прыжками. Хозяин территории, срезая дуги, бросился в погоню, которая длилась около 300 м. После этого преследователь остановился, долго топтался на

одном месте и повернул обратно. В начале преследования чужак испражнялся на ходу, застывшие кусочки экскремента были разбросаны вдоль следа примерно на протяжении 15 м. Следует отметить, что недалеко от места встречи хищников находились остатки пойманной раньше глухарки, уже почти полностью съеденной.

Прошло более 30 лет, а я до сих пор не могу забыть тот вечер. Уже в сумерках я подходил к дому, после месячной отлучки: сдавал экзамены на охотоведческий факультет. Во дворе тихонько свистнул, и из-за угла ураганом вылетел Рекс, моя охотничья собака в возрасте около 4 лет. «Поцеловав» меня в лицо, обрызгав мочой, он несколько раз с оглушительным лаем обежал вокруг дома и снова кинулся «целоваться». Моча у него продолжала непроизвольно литься. Так что медвежья болезнь случается не только от испуга, но и от радости. Ведь собака прекрасно понимала, раз вернулся хозяин, предстоит долгожданный выход на охоту.

У кого первого при такой встрече случится медвежья болезнь?

Потаенное место

Фото автора

Еще мальчишкой, бродя с ружьем по болотам, мечтал найти утиную дневку — потаенное место, куда после ночной кормежки слетаются кряквы и там, вдали от посторонних глаз, проводят день. Слышал от старых охотников и читал в книжках — бывают такие места, где одним выстрелом... И дальше назывались всякие фантастические цифры добытых уток.

Мест таких не находил, а вот когда стал чаще бывать в лесах не с ружьем, а с фо-

тоаппаратом, случались удачи.

Стояли яркие дни Бабьего лета, и захотелось сохранить на пленке что-нибудь из этого удивительного времени года. Золотой солнечный лес, клин журавлей, разноцветный ситец листьев, редкие последние цветы...

Возле бобровой плотины заметил утку. Она глубоко в воду опускала голову, что-то искала в илу. Стал подходить к ней, как к глухарю. Опустит голову — делаю шаг

или два. Подкрался близко, но ее теперь закрывала трава. Поднялся на поваленный ствол ольхи и мельком взглянул за тростники... Про крякву у плотины забыл и думать: заболоченный глеч за тростниками чернел от уток! Скорее назад, в обход, с той стороны к ним можно подбраться.

Резиновые сапоги не спасли, вода хлынула поверх голенищ, но все же дошел до края зарослей.

В тот день «исстрелял» не одну пленку. Насмотрелся и на уток, и на лысух, и даже удалось увидеть, как охотился ястреб-тетеревятник. Часто махая короткими крыльями, он низко летел между островами тростников, метался в сторону уток, но те мгновенно ныряли, и перед когтями оказывались только всплески воды. После неудачных попыток ястреб завернул в лес и больше не прилетал.

Другой охотник — болотный лунь появлялся часто. Не видел, чтобы он поймал кого-то, но фотографировать мне помогал. Поднимал уток на крыло, как будто показывал свое богатство: снимай, мол, — и пропадал куда-то. Потом, глядишь, снова неторопливо летит над плесом, волной поднимает перед собой уток, которые, едва пролетит, опять опускаются на воду. Прогонит в который раз ути-

ную волну по всему плесу, проверит, все ли здоровы, и улетает.

Было что поспинать в тот день.

А место оказалось совсем не потаенным, знакомым многим. Так уж случилось: в дни Бабьего лета утки облюбовали для дневки именно этот заболоченный плес.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ

КАТАНАЯ ДРОБЬ

А. ПАНТЮХИН, В. СКУБКО

Впервые о катаной дробе довелось услышать нам в станице Должанской от нашего учителя Дмитрия Ивановича Лукьянова, светлая ему память. Старый охотник рассказывал о чудо-дроби, называя ее каленой. При этом определение «каленая» он относил не к свойству твердости дроби, а прежде всего к степени воздействия этой дроби на цель. Из рассказов следовало, что основным отличием каленой (катаной) дроби является ее поражающая способность.

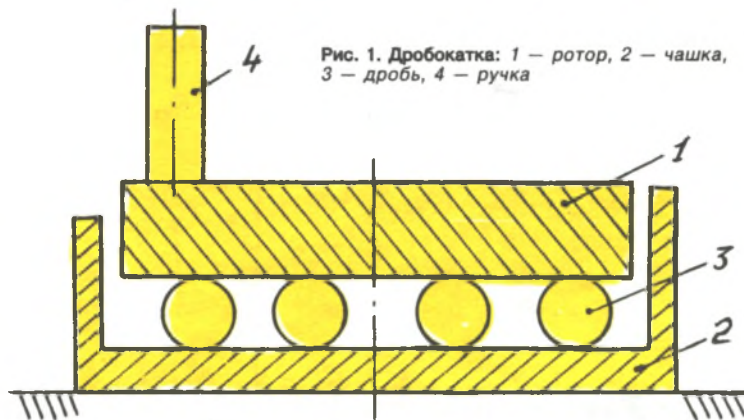
Большинству охотников известна только литая и штампованная дробь, так как катаную дробь промышленность не выпускала. И в настоящее время катаную дробь выделывают старые, большей частью сельские охотники, которые при стрельбе на дальние дистанции никакой другой дроби не доверяют.

Мягкая дробь изготавливается из чистого свинца, обладает его тяжестью, что обеспечивает высокую убойность. В этом состоит ее преимущество. Однако мягкая дробь сильно деформируется при выстреле, так как сминается друг о друга и истирается о стенки ствола. Ее сферичность нарушается, и такая дробь правильного полета иметь не может. По этой причине ожидать кучной стрельбы и равномерной осыпи мягкой дробью, а также постоянства боя нельзя. В этом заключается недостаток мягкой дроби, который практически сводит на нет ее преимущество, если рассматривать стрельбу на дальние расстояния, то есть стрельбу более чем на 35 м.

Твердая дробь изготавливается из свинца с применением примесей, в результате чего дробь получается менее тяжелой, но твердой. Преимущества и недостатки, указанные выше для мягкой дроби, при рассмотрении свойств твердой дроби меняются местами. Твердая, но облегченная дробь не обеспечивает дальнего полета. Следовательно, можно утверждать, что тяжесть и твердость дроби являются свойствами противоречивыми.

Подтверждение этому мы найдем в охотничьей литературе, где указывается, что твердая дробь летит кучнее мягкой на 7—15 %.

Однако чрезмерное повышение твердости дроби за счет снижения ее тяжести, доведение ее до твердости стальных шариков приводят к ухудшению качества выстрела. В. В. Леонтьев («Охотник», Лейла, С.-Петербург, 1995 г., с. 182) указывает на снижение кучности стрельбы стальными шариками на дистанции 36,6 м по сравнению со свинцовой твердой дробью в 1,8 раза.

С учетом сказанного выше можно с большей долей уверенности утверждать, что наилучшей дробью для стрельбы на дальние расстояния будет дробь, в которой оптимальным образом объединены преимущества мягкой и твердой дроби, то есть противоречивые свойства тяжесть и твердость.

Указанное объединение свойств, очевидно, может быть получено при использовании некоторого технологического приема в процессе изготовления дроби. Здесь мы подошли к необходимости краткого рассмотрения существующих технологий изготовления дроби. Таких технологий три: это литье, штамповка и катание. При кустарном изготовлении дроби применяются принципиально те же, но упрощенные технологии.

В случае получения дроби литьем и штамповкой ее свойства полностью определяются свойствами исходного материала — при литье это расплав, при штамповке это заготовка. Здесь нет действий, направленных на то, чтобы объединить преимущества мягкой и твердой дроби.

Теперь рассмотрим катание. При катании дробь прокатывается между двумя плоскостями. Нижняя плоскость может оставаться неподвижной, а верхняя вращаться.

Катание как способ получения шарика известен всем, потому что редко кто не закатывал ладонями шарик из хлебного мякиша.

Если дробь катать между плоскостями не только до получения сферы, а значительно дольше и под большим давлением, то поверхностный слой дроби упрочняется за счет уплотнения свинца и дроби придает свойство твердости. Данный эффект аналогичен эффекту наклепа на стали.

Таким образом, при катании свойства дроби зависят не только от свойств исходных заготовок, но и от степени уплотнения ее поверхностного слоя. Поэтому катаная дробь наилучшим образом объединяет в себе

лучшие свойства мягкой и твердой дроби. Она тяжеловесна и имеет упрочненный поверхностный слой, что и позволяет указать на ее преимущества.

Подтверждение этого мы можем найти у Л. П. Сабанеева («Охотничий календарь». Т. I. Москва, 1992, с. 268): «Аккуратно приготовленная катаная дробь обладает весьма серьезными достоинствами и далеко оставляет за собой те расхожие сорта литой фабричной дроби, которою стреляют почти все охотники Европейской России, Сибири и Кавказа. Она сохраняет тяжесть свинца, отчего тяжелее всякой литой дроби, а зерна ее безукоризненно ровны и круглы».

Теперь авторы предлагают результаты своего семилетнего опыта изготовления катаной дроби и стрельбы ею.

Здесь сразу следует заметить, что ничего сверхобычного в результатах стрельбы катаной дробью нет, однако нам представляется бесспорным факт, что катаная дробь может служить верным средством к усилению боя ружья.

Нами проведены испытания дроби с целью определения резкости боя в зависимости от технологии ее изготовления. Резкость боя оценивалась по глубине проникновения дроби в сухую, строганную сосновую доску. Измерялась глубина в диаметрах дроби.

Для испытания была взята литая и штампованная дробь № 0 основных российских производителей дроби. Катаная дробь № 0 была получена из штампованной дроби № 0 при помощи кустарных дробокаток.

Другие условия испытаний: мишень \varnothing 750 мм; расстояние до мишени 35 м; ружье ИЖ-27; дульное сужение — полулук; капсулы жевело, гильзы полиэтиленовые, порох «Сокол», пыжи-контейнеры, закрутка гильз одинаковая у всех патронов; навески пороха «Сокол» (2,15 г) и дроби № 0 (32 г) одинаковые для всех выстрелов (дробь клалась по счету); количество выстрелов в серии — 5 (пять патронов с каждым типом дроби).

Из условий испытаний видно, что одна серия выстрелов отличалась от другой только типом используемой дроби (литая, штампованная, катаная). Качество осыпи и кучность оценивались принятым методом, и сразу же отметим, что эти показатели для литой, штампованной и катаной дроби были примерно одинаковы. Для оценки резкости боя измерялось заглубление каждой дробины, попавшей в круг. Осреднение в серии производилось с учетом всех попавших в круг дробинок.

Показатели резкости боя приведены в таблице.

Из ее анализа видно, что катаная дробь обеспечивает по сравнению с литой и штампованной дробью лучшую резкость боя.

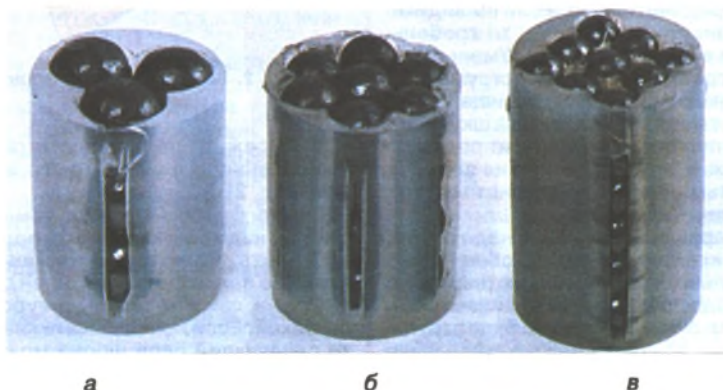

Рис. 2. Компоновка катаной дроби и картечи в специальных контейнерах:
 а — картечь диаметром 8 мм в контейнере 12 калибра; в снаряде 9 картечин, общий вес снаряда 31 г, вес контейнера 2,3 г, высота 26 мм;
 б — картечь диаметром 5,9 мм в контейнере 12 калибра; в снаряде 28 картечин, общий вес снаряда 34 г, вес контейнера 1,6 г, высота 26 мм;
 в — дробь № 00 в контейнере 12 калибра; в снаряде 54 дробины, общий вес снаряда 30 г, вес контейнера 2,2 г, высота 28 мм

Заметим, что большинство охот с применением мелкой дроби требуют быстрого выстрела и раскидистого боя, для чего в высшей степени подходит хорошо выделанная литая и штампованная дробь наших отечественных производителей. И поэтому результаты таблицы вовсе не означают, что катаная дробь является лучшей из всех. Повторимся, что речь идет о возможностях повышения убойности выстрела крупной дробью на дальних дистанциях.

Стрельба по дичи катаной дробью наводит на мысль о том, что излишняя резкость боя при стрельбе на близких дистанциях не всегда полезна, а может быть и вредна. Многократно мы замечали, что заяц, пробитый насквозь

Тип дроби	Глубина проникновения в диаметрах дробинок (мм)
литая	2,6 (11,1)
штампованная	2,9 (12,3)
катаная	3,3 (14,0)

(прошитый), не остается на месте, а уходит далеко и может быть утерян. Наилучшим вариантом, вероятно, является такой выстрел, при котором дробь проходит цель и остается под шкурой с обратной стороны. Это означает, что энергия поражения полностью передана цели. Если же дробь прошла цель, то только часть энергии передана цели. Впрочем, данное предположение признается спорным.

Перейдем теперь к описанию дробокатки, что не займет много внимания читателя. На наш взгляд, наиболее доступной сегодня для охотника является простая дробокатка, представленная на рис. 1. Она состоит из чашки (основания) и ротора. Заготовками могут являться кусочки свинца или от-

риант — расклинивание дроби при существующем ее размещении в гильзе (в контейнере) остается.

Для исключения эффекта расклинивания дроби и уменьшения ее деформации при выстреле можно использовать специальные пластмассовый контейнер, в котором дробь или картечь укладывается столбиками, образуя дробовой (картечный) снаряд.

Из рисунков видно, что дробь и картечь укладываются в столбики. Шарики жестко фиксируются шариками контейнера и соседними шариками. При выстреле дробины не расклинивают друг друга, поскольку силы пороховых газов действуют по оси дробовых столбиков и нет смещений одних дробинок относительно других.

Контейнеры имеют продольные окна (просечки), а в верхней части технологические перемычки. Эти перемычки удерживают снаряд в собранном виде и разрушаются при прохождении дульных сужений, в результате чего контейнер раскрывается и освобождает заряд. Для гарантированного раскрытия контейнера можно рекомендовать при снаряжении патронов перемычки разрезать. Для чего контейнер с дробью вставляется на определенную глубину в гильзу, перемычки разрезаются и контейнер досылается в гильзу.

Какие достоинства имеет практическая стрельба дробовыми снарядами описанной выше компоновки на дальних расстояниях? Для ответа на этот вопрос нами проводились испытания. Цель испытаний — сравнить по кучности боя выстрелы с обычным пыхом-контейнером и специальным контейнером на дистанциях 35 и 50 м.

Условия испытаний: мишень Ø 750 мм, расстояния 35 и 50 м, капсули, порох, гильзы одной партии.

Одна партия патронов снаряжалась пыхом-контейнером и в него засыпалось 54 шт. катаной дроби № 00, гильза завальцовывалась.

Другая партия патронов снаряжалась так: порох, пороховая прокладка 2 мм, два древесноволокнистых пыжа, прокладка 1,5 мм, контейнер с катаной дробью № 00 (54 шт.), гильза завальцовывалась.

Результаты стрельбы позволяют сделать следующий вывод — стрельба на дистанциях 35 и 50 м дробовым снарядом катаной дроби № 00 (как показано на рис. 2в) по сравнению с пыхом-контейнером позволяет получить кучность на 7—10 % выше. Это означает, что на дистанцию 50 м и мишень диаметром 750 мм снаряд приносит дополнительное 4—5 дробинок № 00, а такая добавка может решить исход дела.

Заклучая, можно сказать с определенной обоснованностью, что использование катаной дроби с укладкой ее в специальные контейнеры позволяет увеличить дальность дробового выстрела. Однако следует заметить, что не все номера дроби могут быть уложены указанным образом в контейнеры.

литая дробь. Процесс закатывания дроби очень медленный, поскольку выделка идет по единицам дробинок и требует от охотника большого терпения и времени.

Первыми закатываются дробины большего диаметра, которые убираются и катание продолжается. Признаком того, что дробь хорошо закатылась, является появление на зернах дроби чешуек свинца.

При обычном способе засыпки дробового (картечного) снаряда в гильзу, как известно, нет никакой упорядоченной схемы размещения одних дробинок относительно других. Дробь размещается случайным образом и при выстреле сминается по ряду причин, основными из которых являются: истирание о ствол, смятие дробинок из-за внутренних перемещений в дробовом снаряде и расклинивания одних дробинок другими.

Применение пыжей-контейнеров исключает первую причину. Действие расклинивающего эффекта в определенной степени уменьшается при использовании пыжей (амортизаторов), но достаточного обоснования их жесткости не существует, и поэтому справедливо будет принять наихудший ва-

УЛУЧШЕНИЕ ПРИКЛАДИСТОСТИ ЛОЖИ

А. ДОЛОДАРЕНКО

Ложи серийных охотничьих ружей изготавливаются по стандарту и не каждому охотнику подходят по его телосложению. Известная охотничья поговорка гласит: «Стреляют стволы, а попадает ложа!» И если вы хотите метко стрелять, то лучше усовершенствовать неприкладистую ложу, чем привыкать к ней, как рекомендуют некоторые охотники. Тем более что исправить ложу в состоянии практически каждый охотник. Можно, конечно, заказать мастеру-ложейнику новую ложу, но это обойдется вам примерно в 10 % от стоимости ружья, что не каждому по карману. Таблицы с размерами ложи в зависимости от телосложения стрелка приведены в литературе (ж-л «Охота и охотничье хозяйство», № 2 за 1976 г.). Размеры ложи определяются ее длинами (C_1, C_2, C_3), положением (погибом) гребня (А, Б), боковым отводом (Е, Д) и углом между положением прицельной планки и плоскостью затыльника приклада (питчем), см. рис. 1.

При длинной ложе ее легко обрезать. Короткую ложу можно удлинить, поставив амортизатор или приклеив недостающую часть из дерева той же породы, что и ложа. Для надежного крепления добавляемую часть, кроме клея, надо посадить на два деревянных штифта диаметром не менее 10 мм либо дополнительно привернуть шурупами. При удлинении или обрезании ложи легко изменить и ее питч, соглашаясь с необходимыми требованиями.

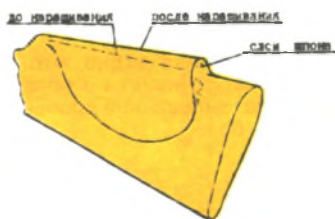
1. Места снятия размеров с ложи

Подходит ли вам ложа по высоте гребня, легко проверить. Для этого вставьте ружье в плечо стволами вверх (градусов под 60), плотно прижмите щеку к гребню и, не отрывая головы от ложи, опустите стволы до горизонтального положения. При нормальной высоте гребня вы должны видеть только срез прицельной планки и мушку строго на середине планки. Если вы видите всю планку или часть ее, то гребень высок и его надо срезать. Уменьшить высоту гребня легко. Его состругивают рубаночком и тщательно зачищают поверхность мелкой наждачной шкуркой, а затем пропитывают и красят под цвет всей ложи. Если же планки не видно и полностью или частично тонет мушка, то гребень надо наращивать.

Для наращивания гребня надо иметь шпон и клей по дереву (удобен ПВА). Желательно, чтобы шпон соответствовал породе древесины ложи, иначе внешний вид ружья сохранить будет трудно.

Последовательность операций при наращивании гребня следующая.

1. Очистите гребень и часть ложи от лака и пропитки наждачной шкуркой или напильником.

2. Ложа измененной формы

2. Вырежьте подходящего размера кусок шпона и приклейте его на ложу (см. рис. 2).

Для того чтобы шпон не ломался на сгибах, надо слегка смочить водой поверхность, на которую не наносится клей. До высыхания клея шпон фиксируйте на ложе тесьмой, шнуром или бечевкой. Если использовать клей ПВА, то следующий слой шпона можно наклеивать через 25—30 мин. Количество слоев шпона зависит от высоты наращивания гребня и толщины шпона. Если нижние слои шпона могут не соответствовать породе древесины ложи и

САМОЗАРЯДНЫЙ ОХОТНИЧИЙ КАРАБИН

М. БЛЮМ

ГД-18

В тульском Центральном конструкторском исследовательском бюро спортивно-охотничьего оружия разработан новый самозарядный карабин ГД-18 для промысловой и любительской охоты калибра 7,62 мм, рассчитанный на применение патронов отечественного производства 7,62Х54. Несмотря на то что этот образец называется карабином, его, скорее всего, следует отнести к разряду винтовок, так как длина его ствола 620 мм. Это способствует увеличению кучности стрельбы, начальной скорости пули и снижению дульного давления, а значит, и отдачи. Поскольку отечественные карабины имеют стволы короче на 70—100 мм, то начальная скорость возрастает примерно на 25—50 м/с. Такая прибавка в скорости положи-

тельно скажется на убойности при стрельбе на большие расстояния. Конечно, вес винтовки 4,8 кг немного многоват для интенсивного ношения, но зато такой «инструмент» позволит точно положить пулю на достаточно большом расстоянии.

Начальная скорость полуоболочечной 13 г пули при стрельбе из этой винтовки равна 760 м/с, а на дистанцию 300 м она приходит со скоростью порядка 570 м/с при энергии, равной 216 кгс-м, то есть вполне достаточной для добычи животного весом порядка 200 кг. При стрельбе пулей весом 9,7 г, начальная скорость которой равна 855 м/с, энергия на расстоянии 300 м будет равна 193 кгс-м, что тоже впол-

не приемлемо для поражения таких же по величине животных, но траектория полета будет несколько иной, поэтому винтовку следует пристрелять разными пулями и потом в соответствии с полученными при пристрелке данными устанавливать прицел так, чтобы попадать туда, куда прицеливаешься.

Карабин устроен таким образом, что перезарядка при стрельбе происходит за счет энергии пороховых газов, отводимых через отверстие в стволе с таким расчетом, что перезарядание происходит в любую морозную погоду, не говоря уж об обычной температуре осеннего дня. Часть пороховых газов, отведенных из канала ствола, попада-

Вологодская областная универсальная научная библиотека

даже могут быть заменены простыми рейками из любой древесины, то наружный слой надо тщательно подобрать не только по породе, но и по текстуре.

3. После высыхания последнего слоя шпона, примерно через 10—12 ч, аккуратно срежьте стамеской или острым ножом лишнюю древесину по всему периметру, а поверхность очистите от следов клея и отшлифуйте мелкой наждачной шкуркой.

4. Проверьте еще раз, подходит ли вам теперь гребень по высоте. При необходимости подгоните размеры до требуемых, удаляя часть древесины или наращивая ее.

5. Покраску и отделку поверхности шпона и зачищенных участков ложи производите любым доступным вам способом, руководствуясь опытом или литературой (ж-л «Охота и охот. хозяйство», № 10 за 1987 г.).

Наращивание гребня по высоте удобно совмещать с изготовлением или увеличением толщины щеки на ложе, так как при этом легче избежать резких перепадов на стыках новой и старой древесины. Гребень вообще лучше делать не острым, а скругленным, ибо такой гребень не бьет по щеке даже при усиленных зарядах.

Нетрудно видеть, что, изменяя форму гребня или толщину щеки, легко изменить и боковой отвод ложи в пятке (Е).

Многочисленные исправления формы лож, проведенные автором по описанной выше технологии, удовлетворяли требованиям не только охотников, но и спортсменов-стендовиков.

ет в камеру, где находится подвижной поршень, который через шток толкает затвор назад. При этом извлекается из патронника и экстрактируется из ствольной коробки стреляная гильза, взводится курок ударного механизма и сжимается возвратная пружина, которая после прихода затвора в крайнее заднее положение отправляет его вперед. Затвор при этом захватывает за крайнюю очередную патрон из магазина и досылает его в патронник ствола. Ствол заперт и готов к очередному выстрелу. Из карабина допускается только одиночная стрельба. Конечно, карабин имеет предохранитель, но не автоматический. Ложа охотничьего типа пистолетной формы очень удобна для целевой стрельбы. Цевье деревянное, закрывает ствол снизу и сверху. Внутри верхней части цевья расположен газоотводный механизм. На карабине можно установить оптический прицел. Общая длина винтовки 1,2 м. Карабин снабжается отъемными магазинами на 5 и 10 патронов.

КОНСУЛЬТАЦИИ ОРУЖИЕВЕДА М.БЛЮМА

Охотник из Вологды Петр Васильевич Панин просит рассказать о какой-то неизвестной пуле иностранного производства под названием «Совестра».

В 1993 г. охотником и французским военным инженером Жан-Клодом Совестром была разработана подкалиберная охотничья пуля для гладкоствольного оружия, получившая название пуля-стрела Совестра (Sauvestre). О патроне, снаряженном этой пулей, за рубежом пишут, что она обладает высокой начальной скоростью (500 м/с), настильной траекторией полета и устойчивостью. Все это в совокупности приводит к высокой кучности стрельбы. Стрельба из ружья ИЖ-94 с оптическим прицелом показала, что разлет пуль составил 20 см при стрельбе на дистанцию 75 м, что является обычным результатом для стрельбы пулевыми патронами из гладкоствольного оружия. При стрельбе в моем присутствии патронами отечественного производства, снаряженными пулями Полева, были получены лучшие результаты, так как поперечник рассеивания оказался равным 6,8 см при стрельбе на 50 м, а это значит, что при стрельбе на 75 м пули не выйдут из круга диаметром 10,2 см. Стрельба велась патронами «Тайга». Поскольку вес пули Совестра равен 26 г, а пули Полева 29 г с пустотой в головной части, то можно предположить, что отечественная пуля по убийности будет выше французской. За рубежом такие пули используются как в обычных патронах, так и в патронах магнум. Применять эту пулю можно и в нарезном оружии, и в гладкоствольном с любым дульным сужением, так как она подкалиберная.

Распространяется пуля Совестра французской фирмой «Europ Arm». Пулевые патроны с такой пулей снаряжаются в гильзы длиной 70 мм для 12 и 20 калибров и в гильзу длиной 67,5 мм для патронов 16 калибра. Французские специалисты предполагают, что такая пуля «делает ненужным использование нарезного оружия на охотах со стрельбой до 50 м, а при калибре 12 магнум такой эффект она дает на расстоянии до 100 м». Попадая в животное, пуля из-за своей высокой скорости наносит парализующий удар и тем самым останавливает животное на месте, не позволяя ему напасть на охотника. В теле животного пуля оставляет лишь небольшую раневую канал, не портя мяса. Кстати говоря, пуля не делает рикошеты и поэтому относительно безопасна при загонных охотах.

Для патронов, снаряжающихся этой пулей, подобраны специальный порох и капсуль, создающие оптимальные

внутрибаллистические параметры при выстреле, позволяющие получить наиболее благоприятные сочетания начальной скорости с максимальным давлением пороховых газов и минимальным дульным давлением. Пуля имеет твердый сердечник, помещенный в рубашку из свинцового сплава, и пластмассовый стабилизатор в виде оперения стрелы. Свинцовая рубашка располагается между двумя половинками пластмассового пыжа-обтуратора, который впереди имеет внутренние скосы для быстрого отделения его от пули при вылете из канала ствола. Стабилизированное пулю в полете оперение располагается в пороховом заряде снаряженного патрона. Вес пули со стабилизатором и пыжами-обтураторами равен 31 г. Диаметр пули равен примерно 11,43 мм. Энергия пули при стрельбе на 50 м равна 249 кгс·м при скорости пули на этом расстоянии, равной 433 м/с, а при стрельбе на 75 м энергия составит 212 кгс·м при скорости 400 м/с. Справедливости ради следует отметить, что это очень неплохие показатели для пули при стрельбе из гладкоствольного оружия.

Если охотник пристреляет свое ружье с помощью перемещения прицельных приспособлений на 96 м (это считается самой рациональной дистанцией пристрелки при использовании пуль Совестра), то пуля пролетит выше линии прицеливания (реально это значит, что пробины от пули на этой дистанции расположатся выше точки прицеливания) при стрельбе на 25, 50 и 75 м соответственно на 3,85 см, 5,2 см и 3,6 см. На 96 м все пули придут в точку прицеливания (ошибку стрелка и технический разброс пуль при этом утверждения я не учитываю), а при стрельбе на 100 м пули уйдут ниже линии прицеливания на 1,3 см. Это говорит о том, что любое животное, расположенное от стрелка не далее 100 м, будет поражено, если его убойная зона не меньше 5,2 см плюс радиус технического разброса пуль на дистанции выстрела. Конечно, все эти рассуждения не учитывают ошибку стрелка, так как она не всегда предсказуема, и только очень хороший стрелок с прекрасными прицельными приспособлениями (оптическим прицелом не менее 6-кратного увеличения) и при постоянной тренировке может свести ее к минимуму, а если повезет, и к нулю. Если принять разброс пуль равным 14 см при стрельбе на 50 м, то диаметр убойной зоны должен быть не менее 12,2 см (5,2 плюс половина диаметра разброса, то есть 7) плюс ошибка стрелка. В общем, практически убойную зону следует принимать равной примерно 20 см, то есть с такой пристрелкой спокойно, без перестановки прицела можно отстреливать таких животных, как лось, кабан, медведь, косуля.

В любом деле эксперт — это квалифицированный специалист в определенной области знаний, которому доверяют экспертизу того или иного объекта. В охотничьем собаководстве эксперты потребовались со времени проведения первых выставок и полевых испытаний охотничьих собак, то есть в конце XIX столетия. Эксперты приглашались из числа самых авторитетных знатоков: заводчиков, владельцев питомников, опытных охотников. Эксперт, или, как тогда говорили, судья, не имел официальных документов или удостоверений, подтверждающих его полномочия. Ему доверяли судьейство собак как общепризнанному знатоку в этом деле.

Судейство исконно русских пород собак: борзых, гончих, лаек, как правило, доверяли заводчикам, отличившимся в разведении этих собак. На Руси было много страстных охотников, от мелкотравчатых со смычками борзых или парой гончих до царской охоты со сворами борзых и стаями гончих.

Фото В. Животченко

Кому доверить экспертизу собак?

Но только немногие удаивались чести быть приглашенными судить собак. На ринги выставок или в поле выходили только те, кто заслужил это право своей безупречной репутацией, большой любовью к охотничьим собакам и всему, что сопутствует охоте с ними. Главными достоинствами судей считались не их звания или регалии, а знание дела, подтверждаемое собственными достижениями, объективностью суждений и доброжелательностью. Судьи должны были уметь гласно и понятно для всех высказать свое мнение о собаках публично и изложить его в своем отчете.

Мы должны быть благодарны первым судьям, поскольку они были той движущей силой, которая позволила сохранить охотничьи традиции и заложить основы для развития охотничьего собаководства в России.

Напомним имена таких выдающихся судей, как Н. Н. Челищев, Н. П. Пахомов, М. Д. Менделеева-Кузьмина, А. С. Тюльпанов, Р. Ф. Гернгросс, и этот список может быть продолжен — каждый из знатоков пород должен помнить своих предшественников.

Важной вехой в охотничьем собаководстве был первый съезд кинологов России в 1925 г. На этом съезде были приняты многие стандарты пород, правила полевых испытаний, которые по

существу не утратили своего значения и по сей день.

В дальнейшем охотничье собаководство вместе со всей страной пережило тяжелые времена. Однако в крупных кинологических центрах в начале 30-х годов стали появляться очаги организованного разведения собак. Например, в Ленинграде в 1931 г. было создано «Общество кровного собаководства» (ЛОКС), в Москве образовалась аналогичная организация при Московском обществе охотников. В 1939 г. собаководство перешло в ведение Главохоты РСФСР, и судьи были переименованы в экспертов. Было разработано положение об экспертах, регламентирующее порядок присвоения званий, права экспертов и их обязанности.

Эксперты стали подразделяться по категориям: 2, 1, республиканской и всесоюзной. Установлены также нормы для присуждения этих званий. Требовались обучение на кинологических курсах с последующими экзаменами и стажировка на выставках и полевых испытаниях по установленному регламенту. Разработанные правила и положение об экспертах прошли проверку временем и показали на практике свою действенность. На этой базе были воспитаны сотни экспертов по охотничьему собаководству, с честью выполня-

ющих свой долг по совершенствованию охотничьих собак.

В охотничьем собаководстве всегда были сильны традиции — и в организации проведения охот, и в подходах к испытаниям собак в поле, оценках собак на выставках и даже при выборе кличек собак той или иной породы. Использование опыта предыдущих поколений охотников позволяет избежать серьезных ошибок при корректировке различных положений и правил в процессе развития охотничьего собаководства. В частности, российские собаководы с давних времен внимательно изучали и отбирали приемлемые для наших условий правила полевых испытаний собак. Например, в 1887 г. совет общества любителей породистых собак (ОЛПС) рассмотрел три способа оценки легавых собак в поле. Сущность первого способа заключалась в оценке индивидуальных качеств собак по определенной шкале, отражающей чутье, поиск, стойку, дрессировку (постановку и послушание). По второму способу, выработанному в Англии и европейских странах, собаки, выпускаемые попарно, сравнивались между собой. В результате таких испытаний из некоторого количества пар оставалась лучшая — победительница. В третьем варианте испытаний судья предоставлял право без конкретных обосно-

Фото А. Дигилевича

ваний определять лучших собак в поле, руководствуясь собственным опытом, не опираясь на какие-либо правила. Вице-президент ОЛПС Ю. Э. Янсон указывал, что ими был принят первый способ оценки собак, подчеркивающий индивидуальные качества каждой собаки, что важно для ведения селекционно-племенной работы в породах.

В дальнейшем, на первом кинологическом съезде России в 1925 г., была принята система оценки работы легавых собак в поле в баллах, разработанная Р. Ф. Гернгроссом. Эта система с незначительными изменениями действует у нас и до настоящего времени. Следующие попытки ревизии оценки по элементам работы легавых собак свелись только к небольшим поправкам и уточнениям формулировок в правилах. Они прошли испытание временем и доказали жизнеспособность и действенность на практике. Правила полевых испытаний охотничьих собак всех пород диктовались потребностями самих охотников, они в концентрированном виде отражали стремления собаководов-охотников к своему идеалу.

Однако неумный зуд перестроек, которым подвержена Россия в последнее время, не миновал и охотничье собаководство. Здесь не место для обсуждения общественно-политических аспектов этого процесса. Посмотрим, что получилось в результате перестройки охотничьего собаководства. А получилось довольно неприглядная картина, во многом подобная и глобальным переменам в обществе. Отметим две основные особенности нашей перестройки в собаководстве.

Первая особенность — это предоставление всевозможных свобод в области собаководства, т. е. права самостоятельной селекционно-племенной деятельности любому, кто этого пожелает. В результате в Петербурге суще-

ствует уже 24 различных клуба и питомника, разводящих охотничьих собак, зарегистрированных в российской кинологической федерации (РКФ), т. е. образовался некий рынок охотничьих собак. Хорошо это или плохо с точки зрения рядового охотника-собаковода, попробуем разобраться.

Действительно, и в дореволюционной России существовало множество питомников собак. Царские охоты составляли тогда основу для их разведения. Содержание охотничьих собак было привилегией богатых людей. Напротив, после Октябрьского переворота охотничье собаководство приблизилось к простому народу, оно приняло новые организационные формы. Создались общественные кинологические организации, контролируемые государством, и это дало определенные положительные результаты, несмотря на трудную жизнь, разрухи и войны. При теперешнем рыночном отношении к охотничьему собаководству рядовой охотник часто теряется на этом базаре. Имея желание и умение охотиться с собаками, он не в состоянии приобрести хорошую охотничью собаку по причине высокой стоимости, да еще не будучи уверенным в том, что его не обманут, не подсунут собаку с липовыми документами.

Вторая особенность перестройки в собаководстве — это ориентация на западные нормы разведения собак. После включения российского собаководства в международную кинологическую федерацию (ФЦИ), приоритетными стали так называемые сертификатные выставки собак, или шоу-выставки. Охотничьи собаки, участвующие в таких выставках, могут получить титулы чемпионов и без высоких результатов на полевых испытаниях.

Вместе с тем традиционные выставки охотничьих собак, в том числе об-

ластные московские, ленинградские и в других крупных кинологических центрах России, получили наименование открытых и по сравнению с сертификатными считаются в определенных кругах выставками второго сорта, поскольку на них не присуждаются титулы кандидатов в чемпионы России (САС) и тем более кандидатов в международные чемпионы (САСИБ). Однако именно на этих открытых выставках, предусматривающих комплексную оценку собак (бонитировку), производится их отбор для разведения в клубах и питомниках.

Известно, что на сертификатных выставках ранга САС или САСИБ принимает участие крайне малое количество охотничьих собак по ряду причин. Первая из этих причин заключается в том, что большинство охотников-собаководов не видит в этих выставках большого толку, поскольку на них не производится анализ выставляемого поголовья с точки зрения их рабочих качеств. Выдаваемые розетки, кубки, титулы и звания могут тешить только небольшую группу владельцев собак, рассчитывающих на пропаганду своей личной собаки или питомника и сопутствующий коммерческий успех.

Вторая причина — это высокая стоимость записи на сертификатные выставки и сопутствующих документов, в том числе и оформление родословных РКФ, длящееся годами.

Третья причина — это своеобразное суждение охотничьих собак международными экспертами, особенно зарубежными. Предпочтение, как правило, отдается не тем элементам экстерьера, которые свидетельствуют о возможности данной собаки в поле, а чисто внешним атрибутам, особенно умению ведущего (хендлера) выгодно преподнести собаку на ринге. Поэтому большинство охотников-собаководов предпочитают участвовать в открытых выставках. Экспертиза на этих выставках гласная: эксперт обязан обосновать расстановку собак на экстерьерном ринге и дать объяснения на ринге выставочного показа — каковы достижения каждой из собак в поле (по рабочему потомству) — и вручить владельцам собак соответствующие награды и призы.

В крупных кинологических центрах России продолжается давняя традиция проведения областных выставок охотничьих собак, собирающих большое количество участников, заинтересованных в сохранении и развитии национального охотничьего собаководства. В Петербурге, например, 20 мая сего года проходила очередная 84-я областная выставка охотничьих собак, на которую приглашены все клубы и питомники, разводящие охотничьих собак.

В последнее время участились попытки пересмотреть многие правила и положения, регламентирующие проведение выставок, полевых испытаний, положения об экспертах по охотничьему собаководству, исходящие от ру-

ководящих органов РКФ и РФОС. В течение 1999 г. в клубы и питомники поступило около десятка проектов по изменению действующих документов, появляются и новые. Однако беда в том, что эти новые положения и правила издаются без опоры на региональные охотничьи организации, т. е. областные общества охотников, советы экспертов в регионах и кинологовский совет Росохотрыболовсоюза, мнения которых не принимаются во внимание исполнительными органами РФОС.

Согласно новому положению об экспертах по охотничьему собаководству продвижение экспертов на повышение категории крайне затруднено. Например, для присвоения звания эксперта I категории по породам необходимо эксперту II категории провести экспертизу не менее 300 собак со стажем работы не менее 5 лет, а для получения Всероссийской категории — экспертиза 500 собак в ранге эксперта I категории. При этом еще установлено ограничение по давности отчетов, т. е. собаки, отсуженные за пределами указанного срока, уже не учитываются. Аналогичные требования выдвигаются и к экспертам по полевым испытаниям. При таком положении об экспертах мы очень скоро останемся только с экспертами низших категорий и перспектива их роста станет проблематичной.

В Вестнике РКФ-12 за 1999 г. опубликованы положения об экспертах по породам и полевым испытаниям, в которых предусматриваются только три категории экспертов в охотничьем собаководстве: международная, национальная и по общим выставкам. При этом охотничья ветвь РКФ — Российская Федерация охотничьего собаководства (РФОС) до сих пор не определила роль экспертов ассоциации «Росохотрыболовсоюз» в системе РКФ. Полевые дипломы, присужденные экспертами

высоких категорий, оказывается, недействительны на сертификационных выставках, если эти эксперты не выполнили каких-то формальных условий, установленных РКФ, а попросту говоря, не заплатили назначенную плату за право числиться действующими экспертами. Это унижительно для отечественного собаководства и корпуса экспертов, работающих по национальным правилам полевых испытаний охотничьих собак, которые должны признаваться и ФЦИ, а в противном случае нам нечего делать в этой организации.

Тем не менее жизнь продолжается, и нельзя не считаться со сложившейся структурой в российском собаководстве. Нужно только найти разумные, приемлемые для охотничьего собаководства пути сотрудничества. По нашему мнению, необходимо наконец привести все документы РФОС, касающиеся выставок, полевых испытаний, положения об экспертах и другие к законченному виду с учетом мнения кинологовской общественности в регионах. Для этого, может быть, и не обязательно созывать очередной кинологовский съезд, решения которого все равно не выполняются. Достаточно рассмотреть упомянутые наиболее проблемные на расширенном Президиуме РФОС с приглашением компетентных представителей из крупных кинологических центров, а также ведущих клубов и питомников охотничьих собак.

Принятые документы по охотничьему собаководству, если они положительно восприняты на местах, должны действовать без существенных изменений не менее 5 лет.

Хочется верить, что найдутся правильные решения, которые позволят сохранить лучшие охотничьи традиции собаководства в России для новых поколений собаководов-охотников.

Фото В. Животченко

В. ЧАЩУХИН, А. СКОПИН
Отделение охотоведения Вятской государственной сельскохозяйственной академии, Киров

Исследование пищевой специализации растительноядных животных связано с выявлением химического состава кормовых растений и адаптаций зверей и птиц к потреблению тех или иных растительных органов. К сожалению времени эти проблемы недостаточно изучены из-за исключительной сложности химического состава различных растений и специфики пищевой специализации фитофагов.

Приоритетным направлением изучения химического состава кормовых растений является определение компонентов, отражающих энергетическую ценность растения, в частности белков, жиров, углеводов и минеральных элементов. К сожалению, содержанием данных компонентов химического состава нельзя объективно объяснить всех фактов избирательного поедания растений. Например, во многих случаях не учитывается наличие воды, содержание которой имеет немаловажное значение при выборе корма копытными и играет важную роль в процессе использования растений в качестве подкормки в зимнее время (Данилкин, 1996).

Содержание белков, жиров, углеводов, минеральных элементов и воды представляет собой положительный аспект оценки кормовых растений. Отрицательный аспект оценки кормов практически не учитывается. В большинстве случаев не рассматриваются компоненты химического состава растений, которые могут оказывать негативное влияние на физиологическое состояние организма животных, в частности на функционирование желудочно-кишечного тракта, сердца, печени, почек, половой системы. Это так называемые вторичные метаболиты, не играющие значительной роли в процессах роста и размножения растений, например алкалоиды, гликозиды, флавоноиды, терпены. Эти вещества рассматриваются как химическая защита растений от поедания фитофагами и многими исследователями признаются в качестве факторов формирования пищевой специализации животных.

Одним из доступных методов определения токсичности растений, обусловливаемой продуктами вторичного обмена, признается метод биологических тестов с простейшими организмами (Таланов, Хмелевский, 1990). Сущность метода заключается в выявлении реакции парameций на водные экстракты из различных органов растений. Подобные одноклеточные организмы принимают участие в процес-

ОХОТНИЧЬИ ЖИВОТНЫЕ: ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ КОРМА

сах пищеварения жвачных животных, в связи с чем этот метод широко применяется для токсикологического анализа в сельскохозяйственном кормопроизводстве, что позволяет использовать его для анализа кормовых растений охотничьих животных. В данном случае зарегистрирована продолжительность жизни парамедий в водных экстрактах некоторых хвойных и цветковых растений. По времени наступления аномальных реакций и гибели парамедий регистрировали уровень содержания токсичных веществ в различных органах растений. Полученные результаты соотносили с фактами избирательного поедания видов растений.

При анализе хвойных растений зарегистрирована быстрая гибель парамедий, что свидетельствует о высоком содержании в них токсичных веществ. Для этих растений характерно продуцирование вторичных метаболитов терпенового ряда (Кинтя и др., 1990). Наибольший уровень токсичных веществ отмечен в вегетативных органах лиственницы сибирской и ели сибирской, менее токсичными видами оказались сосна сибирская и пихта сибирская. Наименьшее количество вторичных метаболитов выявлено в хвое и побегах сосны обыкновенной и можжевельника обыкновенного. Причем в летних пробах растений наблюдали более быструю гибель тест-организмов. Очевидно, синтез терпеновых вторичных метаболитов к зимнему периоду замедляется.

При сравнении полученных результатов с особенностями питания лесных животных прослеживается, что в большинстве случаев высокое содержание токсичных веществ сопровождается снижением кормового использования вегетативных органов растений. Плохая поедаемость ели и лиственницы одинаково характерна как для марала, косули, так и для лося, наиболее адаптированного к питанию хвойными. Очень редко используют их вегетативные органы в качестве корма глухари, тетерева и рябчики, главным образом осенью, когда происходит снижение концентрации токсичных веществ. Питание этими видами растений носит случайный характер. Например, лоси при экспериментальном скормлении потребляли всего около 60 г хвои ели в сутки (Калецкий, 1978). Поэтому понятна низкая заселенность многими растительноядными животными сплошных массивов из ели и лиственницы, где большая часть фитомассы для них недоступна по причине ее токсичности.

Пихта сибирская также нечасто встречается в списках кормовых растений охотничьих животных. Чаще всего ее вегетативные органы встречаются в зимнем рационе лося на территории Кировской области, Республики Коми и Татарии (Александрова, Красовский, 1961; Филонов, 1983). Редко используют ее хвою и побеги в качестве корма благородный олень, зубр, бобр и глухарь. Хвоя и побеги сосны сибирской менее токсичны по сравнению с пихтой, но лишь у обыкновенного и каменного глухарей в зимний период они входят в основную группу кормов.

Сосну обыкновенную и можжевельник копытные поедают наиболее часто в сравнении с другими хвойными. Это характерно для лося, благородного и пятнистого оленей, косули, зайца-беляка, глухаря. В качестве основного кормового ресурса их вегетативные побеги встречаются только в рационе лося и глухаря. В некоторых случаях выявлена индивидуальная предпочтительность к этим кормам. Например, отмечены случаи добычи глухарей, желудка которых почти полностью были наполнены можжевеловой хвоей (Романов, 1979). Однако поедание сосны обыкновенной и можжевельника носит вынужденный характер даже для специализированных фитофагов и приурочено к зимнему периоду, когда токсичность их вегетативных органов минимальна, а спектр альтернативных малотоксичных источников корма узок. О вынужденности поедания копытными сосны также свидетельствуют факты потребления ее хвои и побегов лишь в определенных количествах, с которыми может справиться индивидуальная система детоксикации организма. Поедание веточными вегетативных органов сосны в больших объемах приводит не только к физиологическому стрессу, но и к гибели животных. Подобный случай был отмечен в Воронежском заповеднике, где от поедания сосновой хвои погибли благородные олени (Мертц, 1953).

При обследовании древесных покрытосеменных растений также выявлена неоднородность содержания токсичных вторичных метаболитов. В отличие от хвойных состав вторичных метаболитов этих растений гораздо шире: таннины, фенольные соединения, алкалоиды и другие. Совокупное их действие на тест-организмы показало, что последние дольше жили в экстрактах из вегетативных органов рябины, ивы, осины, а в экстрактах из побегов крушины, дуба, березы и клена погибли быстрее. Известно, что такие виды, как рябина, ивы, осина,

являются предположительно читаемыми кормовыми растениями не только большинства копытных, но и других растительноядных животных. Почки рябины в зимне-весенний период имеют большое значение для глухаря, тетерева, рябчика. Листья осины могут занимать значительную часть рациона глухаря в начале осени. Побеги осины в зимний период становятся основным кормовым ресурсом лося, оленей, бобра, зайца-беляка. Крушина, дуб, береза, клен поедаются копытными реже и являются второстепенными кормовыми растениями, используемыми животными лишь тогда, когда предпочитаемые корма недоступны. Например, поедание березы в больших количествах отмечено либо в северных регионах, где в зимний сезон спектр кормовых растений наиболее узок, либо в угodyях с дефицитом предпочитаемых кормов. В южных районах поедание ее вегетативных органов невелико. Здесь для лося, благородного и пятнистого оленей, зайца-русака побеги березы — корм второстепенный (Владышевский, Ельский, 1974; Груздев, 1974; Протоколова, 1961).

Отмеченные предпосылки в формировании пищевой специализации растительноядных животных можно использовать в практике охотничьего хозяйства при оценке качества охотничьих угодий и, в частности, при определении их емкости. Понятие емкости охотничьих угодий неразрывно связано с такой характеристикой мест обитания, как состояние кормовых ресурсов, которое определяет жизнеспособность популяций. Чем больше в угodyях площадь малотоксичных кормовых растений, тем больший объем фитомассы могут изъять охотничьи животные с этой территории и тем выше будет оптимальная плотность их популяции.

О важности учета доступных кормовых ресурсов при проведении оценки емкости угодий известно давно. Доступность ресурсов должна рассчитываться не только исходя из объемов теоретически пригодной для питания фитомассы в пределах кормового поля животного, но и исходя из качества этой фитомассы (Юргенсон, 1973). В настоящее время появляется возможность оценки качества растительных кормовых ресурсов посредством определения уровня токсичных веществ в различных органах растений, что можно учитывать при проведении биотехнических мероприятий и уточнении методических подходов для производства охотустроительных работ.

Как говорят собаководы-охотники

**БОРИС
ИВАНОВИЧ
МАРКОВ**
(1935 - 2000)

Умер Борис Иванович Марков — давний и верный друг нашего журнала, его неизменный автор в течение многих лет, ведущий постоянной рубрики «Фотоархив».

Борис Иванович был Охотником милостью Божией, знатоком русской охоты с гончими, хранителем самобытной, колоритной лексики русских псовых охотников.

Его любимцами были русские пегие гончие, которых он судил на всех крупных республиканских, региональных и областных выставках охотничьих собак и заводчиком которых был сам.

В скромном человеке с негромким голосом и спокойным взглядом серо-голубых мечтательных глаз было трудно предположить горячий темперамент истинного гончатника, представителя самого шумного, азартного племени из многообразного отряда российских охотников. Но на охоте он преображался: азартно порскал, горячил собак, он наслаждался охотой, певичими голосами гончих, мастерски трубил в рог.

Борис Иванович очень любил и хорошо знал историю отечественной псовой охоты, был собирателем охотничьей литературы, коллекционером материалов о прошлом нашей охоты, о деятельности ее выдающихся корифеев, делился своими знаниями с читателями журнала в своем «Фотоархиве».

Преподавание в вузе он сочетал с упорной кропотливой работой над словом дома. В нашем журнале, в альманахе «Охотничьи просторы» регулярно появлялись статьи, очерки и рассказы Бориса Маркова. Его перу принадлежит одна из

лучших книг, выпущенных под рубрикой «Молодому охотнику» издательством «Физкультура и спорт», — «Гончие и охота с ними», очень полная и глубокая, написанная с большим знанием и любовью.

Борис Иванович является автором труда «Русская охота и охотники», изданного за собственный счет в двух книгах, посвященного истории охоты на Руси и памяти соотечественников-охотников, оставивших славный след в прошлом российской охоты. Это издание было акцией подвижничества, потребовавшей от автора большого напряжения не только творческих сил, но и мобилизации материальных средств, вплоть до продажи части вещей, потому что небольшая зарплата преподавателя, конечно же, не могла обеспечить публикацию двухтомника за свой счет.

В 1997 году, к 850-летию Москвы, Борис Иванович в одиночку выпустил новую объемистую книгу, которая должна была бы потребовать привлечения целого авторского коллектива, — «Москва охотничья», познакомив тысячи читателей с малоизвестной стороной жизни столичного города-юбиляра.

Свои силы для работы в области охоты Борис Иванович Марков черпал в фанатичной преданности ей и глубокой любви.

Он был добрым, обаятельным и милым человеком, хорошим товарищем.

То, что сделал Борис Иванович Марков во славу русской охоты, заслуживает большого уважения и благодарной памяти как современников, так и потомков.

Будем его помнить.

Б. МАРКОВ

Охотничий язык дошел до нас из глубокой древности. Первое руководство об охоте возникло в Греции в IX веке до нашей эры. Оно принадлежит греческому писателю Ксенофону. Книга называлась «Кинегетикос». Ксенофон много и славно охотился, держал целую псарню породистых собак, в том числе и для охоты на зайца. После Ксенофонта, но уже в I половине второго века новой эры, вышла книга Арриана, описывающего охотничьих собак, способы охоты с ними. Уже в те далекие времена в этих книгах встречаются такие понятия, как нестомчивость, паратость.

Первым охотничьим рассказом считается повествование или наказ великого князя Киевского Владимира Мономаха — «Поучение детям», в котором

князь подробно рассказал о своей охоте в 1073—1093 гг. Тогда в охоте обозначался ловчий — кудесник царских и великокняжеских охот.

Первое наиболее подробное описание гончих мы встречаем в 1739 г. в реестре при псовой охоте ея Императорского высочества и собственных собак обер-егермейстера Артемья Петровича Волянского: «Выжлец русский черно-пегий Свистун, 9 осеней». Следовательно, примерно в начале 17 столетия (1605—1606 гг.) от охот польских королей появилось и у нас слово «выжлец» (кобель).

С развитием псовой охоты в летописях того времени возникают новые слова: псарня, псари. При царствовании Василия III (1505—1533), который был страстным охотником, появляются новые уложения и слова. Например, когда выезжали на охоту, говорили:

едут осеневать в отъезжее поле; и возраст выжлецов и выжловок определяли по осеням.

Примерно в начале XVI в. в охотничьем словаре появляется магическое слово — Охота. До этого охоту называли ловом — «ловы деяти».

После Василия III самым страстным охотником был царь Алексей Михайлович (1645—1674 гг.), который написал целый трактат об охоте «Урядник», или «Новое уложение и устройство чина сокольничьего пути». Слово «урядник» означало изложение правил или распорядка, а все учреждение охоты называлось Сокольничьим путем.

С развитием псовой охоты создаются огромные псарни, выходят наставления, вводятся новые слова и охотничьи термины.

В 1846 г. стремянный Николай I А. М. Венцеславский издает свою кни-

гу «Псовая охота вообще», написанную блестящим охотничьим языком. Вот что писал он о голосах гончих: «Чудные голоса костромских собак... бесподобные голоса, восхищают сердце охотника своей гармонической громкой истройной музыкой». После этого книги: Н. Реутта, П. М. Мачеварианова, П. Губина, М. Андреевского, Л. Вакселя, С. Романова, Н. Основского, Е. Прокудина-Горского, Н. Киреевского, А. Ивашенцева, Г. Розен, Н. Кишенского и, наконец, творения Леонида Павловича Сабанеева. Все перечисленные издания написаны настоящим нашим русским охотничьим языком. В то время на страницах многих изданий разгорелась ожесточенная полемика о правильности использования охотничьих терминов.

Наша русская художественная литература И. Бунина, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Куприна, Ф. Свечина, И. Тургенева и др. воспева радость русской охоты, сцены которой написаны тем же красочным метким языком. В ж. «Природа и охота» (1875 г.) П. М. Мачеварианов обвинил Н. Реутта и А. Венцеславского в незнании языка. В свою очередь, П. М. Губин обрушился с уничтожающей критикой на П. М. Мачеварианова в ж. «Природа и охота» (1879 г.). Среди знатоков псовой охоты, да и вообще среди литераторов, возникла полемика о голосах гончих, об использовании отдельных терминов. Афанасий Фет в поэме «Псовая охота» писал: «...над гулками извивами долин и ждет рогов и заливного лая». И далее: «Но уж давно весь голосистый лес на злобный лай стократно отозвался».

Гон никогда, даже отдаленно, не напоминал лай. Для сравнения приведем цитаты из поэмы Некрасова «Псовая охота»: «Варом варит закипевшая стая». Или еще краше: «Гон так певуч, музыкален и ровен, что твой Россини, что твой Бетховен».

«Псовая охота» Н. А. Некрасова — одно из выдающихся творений не только поэта, но и настоящего знающего охотника. Каждая строка — гимн русской охоте. Нельзя сравнивать гон вязких гонцов с лаем, ибо лай — это дребезжание, по образному выражению Н. П. Кишенского, напоминает «звуки разбитого горшка» по сравнению с залиvistым, подобным звукам концертного рояля, голосом породной гончей. Сейчас многие пишут и говорят о голосах гончих как о лае, поэтому нам необходимо вернуться к нашим истокам.

У гончих ценится голос с заливом. Говорят, гончая залилась. Голос с заливом совершенно не прерывается и делится на несколько нот, начиная с дисканта переходит в другие тональности, поэтому кажется, что ведут зверя несколько гончих. «Это такая гармония, которую ни словами, ни пером передать невозможно, — писал П. М. Губин в полном руководстве по псовой охоте. — Ничто не может сравниться с теми хватающими за душу звуками, когда на утренней заре, когда еще не

совсем сошла роса с травы, когда царит кругом полная тишина, и воздух прохладный и редкий, когда каждое тихо произнесенное слово раздается в воздухе чрезвычайно далеко и отчетливо, начнет добираться такая гончая в добор по красному зверю».

С первых звуков у охотника екнуло сердце. Кажется, весь мир, вся жизнь в этом звуке, и вдруг зверь побудился, смычок свалился, залился. «Помкнули», — говорят гончатники. Как в котле заварился, закипел яркий, музыкальный гон. Нет, тогда не смотрите в глаза охотнику. Кто лично сам никогда не слышал голосистых с заливом гончих, тот и на сотую долю не может понять, какая это волшебная музыка, которая у страстных охотников расстраивала нервы до предела. Я видел, как плакал эксперт-гончатник И. Н. Нефедов, когда гонял Дунай — В. Х. Браушкина. На Пушкинских испытаниях гончих Ю. А. Нейман, когда гонял Трубач Б. С. Тишкина, не стесняясь вытирал слезы и говорил: «Не могу, не могу, как же это хорошо, какая песня, такая грустная, бесконечная».

Впервые залив был введен в шкалу расценок гончих на испытаниях в 1901 г., когда 25 октября близ станции Мытищи проводились испытания смычков. Залив оценивали в 5 баллов, а силу голоса в 10 баллов, мастерство, полаз, вязкость по 20 баллов. Особое внимание обращали на дружность гона, т. е. на ровность ног. Старинные правила и отчеты именитых экспертов, таких как К. В. Мошнин, А. И. Милюков, — настоящие родники охотничьей терминологии. Цитирую: «Заяц вернулся к меже, но он не залег, а слез на широкую про-

секу, где его перевидели и гончие насадили вновь... и гончие опять на следу, и продолжается тот же ухо в ухо, ровный несмолкаемый гон. Обе гончие замечательно спелись, сгонялись и верят друг другу безусловно... (ж. «Псовая и ружейная охота», 1902 г., № 9). Где можно услышать сейчас, что гончие спелись, т. е. настолько ровный, дружный гон, что трудно сказать иначе. Когда говорят, что гончие одних ног, это значит, что гонят ровно, не растягиваясь на гону, ухо в ухо.

Патриарх русской охоты, незабвенный Николай Павлович Пахомов, всю свою жизнь притороченный к гончим, боролся за чистоту охотничьего языка. На одном из своих юбилеев он говорил: «Охотничий язык не терпит промазов и искажений, требует подлинных знаний и делается смешным при неумелом его использовании... Стоит прочесть немеркнущие в своей красоте строки, посвященные охоте Л. Толстого в «Анне Карениной», И. Тургенева в «Записках охотника», Е. Дрянского в «Записках мелкотравчатого», как станет понятным все богатство и своеобразие охотничьего языка, впитавшего в себя точность и меткость выражений».

Даже на минуту не могу себе представить, чтобы Н. П. Пахомов или В. И. Казанский когда-нибудь или где-нибудь сказали или написали, что они в осеннем лесу на чернотропе слышали, как лаает гончая собака. Во-первых, не собака, а выжлец, а во-вторых, не лаает...

Без использования охотничьего языка нельзя красиво и образно писать об охоте. Так неужели же охотничье слово загроужает рассказ и делает его

С картины Р. Студеникина

С картины Р. Студеникина

трудным для чтения? Тогда обратимся к Л. Н. Толстому. В романе «Война и мир» каждое охотничье слово придает речи его героев блеск, самобытность, простоту и народность: «...Русак отсел. Опять надела красавица Ерза, другая борзая, увидев хозяина с цветной дорожки, выгибая спину, стремительно бросилась к крыльцу, поджав правило, стала тереться о ноги Николая.

— Что же, свалить стаю? — спросил Николай». Свалить, а не соединить. Когда набрасывают смычок или одиначку, кричат: «Вались, вались!» — когда гончие побудят, помкнут зверя, гончая подваливает к гону, говорят: валкая выжловочка или выжлец. Минимальное время нужно для свальчивости. Смычок имеет несколько значе-

ний, также как меткое образное слово — течь. Прекрасно написал в стихотворении «Охота» В. И. Казанский о смычке:

*«День угас. Придется, видно,
кончить.
На смычок мы с другом взяли
гончих
И скорее спать!
Спим. А снятся лес, да стоны
гончих».*

Смычок — два ошейника, соединенные железными кольцами, на которых водят гончих. Надеть на гончих смычки — значит сомкнуть их. Две гончие составляют смычок, который должен быть подобран по росту, окрасу, типу. У борзых несколько собак составляют свору. Сосворивать борзых — значит

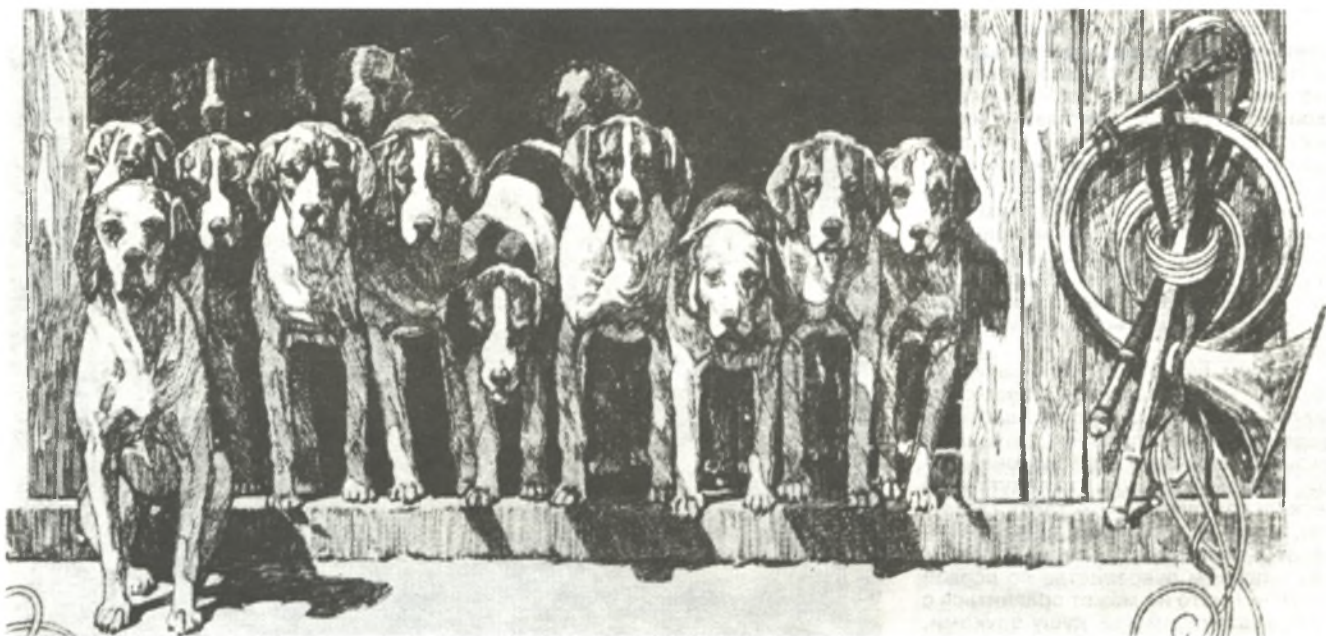
приучать их ходить в одной своре. У каждой породы охотничьих собак свои термины. Оплясывать зверя — так говорят про трусливую борзую. А если собака берет зверя мертво, говорят: по месту, в горло. Собаки помкнули зверя — говорят только про гончих, а про борзых говорят: пометили, воззрились, приспели. В старину существовали обряды и традиции с ауканьем и песнями:

*«Вы, охотнички, вставайте,
Лошадей, дружки, седлайте.
На смычки собак смыкайте,
Все готовыми ступайте».*

Ловчий подавал сигнал в рог выступать, и с любимыми песнями охота выступала в отъезжие поля. Лица у всех охотников были наряднее и веселее любого праздничного наряда.

Старинное русское слово — течь. Так говорят про гончих, которые текут, подобно ручью, за своим пестуном — доержачим. Если гончая прихватила след, говорят — стекла, натекла. Шкурка добытого зверька, из которой лезет волос, считается теклой. Волос не лезет, а течет. В старину слово «стекать» имело еще другой смысл. Если гончая «садилась на ноги», т. е. отказывалась работать, говорили, что такие собаки недолговечны — по третьей или четвертой осени стекают, слабеют. Слово «течка» употребляется охотниками, когда их собака запустует. Отдалившего зверя нередко называли слезшим, которого очень трудно добрать, но, обладая сильным чутьем, гончая все-таки добирается, стекает давно слезшего зверя. В этом случае добор просто необходим, чтобы успеть за гончими и не отслушать их.

Все эти слова — охотничьи самоцветы: сосворить, помкнуть, натечь — со-

здают живую картину охоты, живой образ крестьянина-псаря в парадном костюме с кинжалом и с рогом за плечами, его образную меткую речь, и в нашем сознании оживает Русь, забытая, древняя, с ее обрядами и вековыми традициями.

Вспомним стихи И. Бунина:

*«Трубят рога в полях далеких.
Звенит их медный перелив.*

*Как грустный вопль среди широких,
ненастных и туманных нив».*

Прекрасно использовал охотничий язык А. Куприн. Им написаны чисто охотничьи рассказы: «На глухарей», «Завирайка», где используются слова: «выжлец», «тропить», «пороша», «запсовел» (т. е. взматерел).

Рассказ И. Соколова-Микитова «Глушаки»; Ф. Свечина «Две души» — подлинные шедевры охотничьей классики.

Н. П. Пахомов часто говорил, что для всех нас, охотников, «Две души» — «... один из шедевров нашей родной литературы, под которым не отказался бы подписаться даже И. Тургенев» («Охотничьи просторы», 1959 г., № 12).

Не могу не выразить слов восхищения и восторга рассказами Н. П. Смирнова. «Он, этот язык вольнолюбивого племени охотников, следопытов и птицеловов, давно уже стал полноценным достоянием нашей общенациональной сокровищницы... Каждый культурный человек понимает и ценит это значение охотничьего языка», — писал Н. Смирнов («Охотничьи просторы», 1960 г., № 15).

Вот почему, несмотря на то, что со дня выхода в свет «Записок мелкотравчатого» Е. Дряньского прошло полтора века, они читаются с неослабевающим интересом, хотя написаны чисто охотничьим языком с использованием всех тонкостей псовой охоты: «...заяц в мгновение ока отрос от него и очутился на рубеже», или «Карай нескоро сладился, объехал Азарного с ушей, а тот... говоря языком охотника, начал «удить», т. е. ходить сзади».

Хотелось бы очень, чтобы и нынешние литераторы, пишущие об охоте, не забывали традиционно-русский охотничий язык.

(Публикация В. П. Марковой)

ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ МИРА

Ирландский красно-белый сеттер — довольно старая порода охотничьих собак Ирландии. Он был создан значительно раньше, чем красный сеттер, и впоследствии был им вытеснен. Последний раз красно-белые сеттеры на выставке были показаны в 1908 г. Позднее эту породу охотники поддерживали только как рабочую. В 20-х годах много усилий для сохранения этой по-

роды приложил католический священник преподобный Ноубл Хьюстон из Каунти Даун. Несколькими десятилетиями позднее преподобный Дохерти представлял группу энтузиастов, решивших возродить эту двухцветную породу. Красно-белый сеттер везде очень редок. До последнего времени в России был неизвестен, но в 1998 г. одна собака появилась на любительской выставке собак.

Ирландский красно-белый сеттер выше среднего и крупного роста (высота в холке 58—69 см, вес 18—32 кг), уравновешенного характера, ласковый, дружелюбный. Шерсть по корпусу немного удлинненная, тонкая, слегка волнистая, украшающий волос развит, но не обильно. Окрас двухцветный — чисто-белый с красными пятнами на голове и по корпусу; сплошной крап недопустим. Собака сильная, мощная, с правильными пропорциями. Корпус заметно удлиннен, голова пропорциональна корпусу. Черепная часть довольно широкая, морда длинная, тупая, переход от лба к морде хорошо выражен. Уши довольно длинные, висячие, посажены на уровне глаз. Хвост обильно опушен,

украшен несколько удлиненным волосяком.

Красно-белый сеттер — прекрасная легавая собака, с которой охотятся на луговую, полевую и болотную дичь. У него сильно развита охотничья страсть. Поклонники этой собаки утверждают, что на охоте она не уступает красному сеттеру, но лучше видна в поле. Благодаря своему покладистому характеру эта собака может быть и преданным компаньоном.

Истрийская гончая — одна из старейших пород гончих Югославии. Произошла она от финикийских борзых, которые смешивались с европейскими гончими. Существует две разновидности истрийских гончих: короткошерстная и грубошерстная, которых не скрещивают между собой и признают за самостоятельные породы. В России эта гончая неизвестна.

Истрийская короткошерстная гончая среднего роста (высота в холке 46—53 см, вес 16—23 кг), грубошерстная, на 5 см выше и на 1,5 кг тяжелее. Поведение этих собак уравновешенное, дома они миролюбивы и спокойны. У короткошерстной гончей шерсть короткая, тонкая, гладкая; у грубошерстной — грубая, длиной 5—8 см, с хорошим подшерстком. Окрас у обеих разновидностей белый с рыжевато-желтыми пят-

нами на ушах и на голове около ушей. Истрийские гончие крепкого пропорционального сложения с несколько растянутым корпусом, на крепких ногах. Голова пропорциональна корпусу с несколько широковатой черепной частью и удлиненной мордой с сухими губами. Уши небольшие, висячие, посажены высоко. Гон (хвост) типичен для гончей.

Истрийские гончие — прекрасные охотники, которые особенно ценятся за умение работать по кровяному следу. Эта гончая энергична и напориста. Она обладает уникальным низким, звучным голосом (бравурным басом). За красивую внешность она приобрела популярность выставочной собаки. Может содержаться и как любимец семьи, но все же она больше используется для охоты.

Л. ГИБЕТ,
эксперт-кинолог
Всесоюзной категории

**КУПИМ ШКУРКИ
СОБОЛЯ, БОБРА, КУНИЦЫ
БЕЛКИ, КОЛОНКА, ОНДАТРЫ**

Цены договорные

610000, Киров,

ул. ЭНГЕЛЬСА, 79,

«ВЯТКА-МЕХ»

ТЕЛ/ФАКС (8332) 62-57-23

Вадим Борисович Чернышев

Вот уж странность так странность: Россия девятнадцатого века родила немало замечательных писателей-охотников, но сто лет назад никому не взбрело в голову объединить их в почетный «литературно-охотничий клуб» и назвать поименно. В начале 900-х годов в России выходило около десятка журналов и газет для охотников, и ни одно из изданий не обнародовало список литераторов, посвятивших свою лиру охоте.

С наступлением нового века наш журнал, решив восполнить досадный пробел, воздаёт должное хотя бы прошедшему столетию. Галерея литературных портретов русских писателей-охотников, представленная в рубрике «На большаке охотничьей литературы: XX век», создана В. Б. Чернышевым. Это не случайное совпадение, ибо сам Вадим Борисович уже много лет занимает достойное место в охотничьей литературе. Конечно, трудно представить себе компанию взявшихся за руки писателей, дружно шествующих по пыльному российскому тракту, долгий двадцатый век развел их во времени и пространстве, но все-таки накрепко соединил любовью к охотничьим просторам.

Не счесть тропинок и троп, разбегающихся перед делаемым первые шажки ребенком. В рассказе-интервью* о своей охотничьей и литературной судьбе Вадим Борисович говорит о том, что самые ранние ощущения окружающего мира, поселившиеся в его младенческой памяти, были связаны с дикими утками и картиной живой природы. В нее-то и шагнул подросший малыш, позже пришла охота, а уж дорога от природы и охоты еще со времен Аксакова напрямик ведет в литературу.

Чего греха таить, и в давнюю и в нынешнюю пору на охотничью тему написано немало произведений, весьма далеких от того, что называется художественной прозой. Говорить о тонких материях, о ткани подобной прозы как-то не с руки, — какая там ткань, так, грубое, старинной выделки полотно. В том, что старинный журнальный раздел «Литературные странички» не превратился в темный подвал для складирования низкопробного чтения, заслуга не только редакции, но и таких авторов, как Вадим Чернышев.

«Покажите язык» — так называлась давняя критическая статья остроумного литературоведа С. Рассадина. В медицине врачи, а в литературе читатели часто определяют по языку состояние здоровья человека или литературного текста. В рассказах Вадима Чернышева мирно уживаются говор образованного горожанина и особая, подчас архаичная лексика, столь милая сердцу охотника. Писатель, выросший в старой интеллигентной семье, бережно хранит и лелеет словесное богатство русской речи, кощунственно попанное и растворенное новоязом бездарных писак последнего десятилетия.

Как тут не вспомнить Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, многолетнего друга и литературного наставника Вадима Чернышева. Уж кто-кто, а Иван Сергеевич на дух не переносил словесного тумана и кривлянья на бумаге, от которого размазывается и мутнеет смысл сказанного. Так что Вадиму Чернышеву в разные годы жизни досталось не только «Ружье по наследству» (название его раннего рассказа), но и литературные заветы Учителя.

В народе говорят: «Где родился, там и пригодился». Вадим Чернышев родился в Ульяновске, а пригодился всей России. Охотничья литература — весьма своеобразный жанр, наверное, в том или ином виде она существует, скажем, в Бельгии, Португалии, Греции. Но ни один европейский охотничий писатель не похваляется тем, что его рассказы читает такая многочисленная аудитория, да еще на столь обширном пространстве: несколько лет назад тираж «Охоты и охотничьего хозяйства» самую малость не дотягивал до миллиона экземпляров.

Молодому поколению остается только завидовать охотничьей биографии Вадима Чернышева. Писатель побывал с ружьем во многих уголках и медвежьих

углах России: Камчатка, Сибирь, Поволжье, Карелия, Калмыкия, Крым, средне-русская полоса... Многие сотни верст и встреч копились и копились, тревожили память, складываясь в рассказы и книги. Широка география охот Вадима Борисовича, но самыми яркими, конечно же, были первые вылазки по птице, а чуть позже с гончими по зверю. Надо заметить, что собаки (и даже цепной волк!) с детства были рядом почти всегда, им посвящена целая серия рассказов: «Лада, Набат и другие», «Пальма», «Полет и Ракета», «Угадай», «Здравствуй, Пыж!», «Вальда», причем первый из них был опубликован в нашем журнале более тридцати лет назад. А самый ранний по времени рассказ писателя «Волчик, Волченька» увидел свет не где-нибудь, а в «Новом мире» эпохи А. Т. Твардовского.

Просто докопаться до источника, до творческих корней и корешков талантливого человека, владеющего пером, исследователь непременно споткнется, заплутает в русской душе и густом, но прекрасном лесу российской словесности. Любая схема может только выявить, обозначить штрихпунктиром то, что происходит в душе пишущего человека. У Вадима Чернышева текст совпадает с нравственной полноценностью и цельностью природы. Это совпадение стоит дорогого, оно исключает фальшь, смысловую недосказанность и ложную интонацию.

Творчество Вадима Чернышева открыто для читателя, как и его помыслы. Можно по-разному относиться к тому, что в его последних произведениях («Оползень», «Час вороны»), помимо традиционных, «охотничьих», зазвучали мотивы социальной несправедливости, но никто не откажет писателю в честности и не запретит его сердцу болеть от несправедливости нынешней жизни. Тем более что в этом сердце всегда хватало места и для

* Охота и охотничье хоз-во, 1992, № 3—4.

На большаке охотничьей литературы: XX век

тепла, недавний рассказ «Пойма» — яркое тому доказательство. Из-за того что у рассказа есть подзаголовок «Документальный очерк», может возникнуть заблуждение. На самом деле никакими документами в повествовании не пахнет, если не считать «документом», а правильнее сказать, летописью сам рассказ с реальными героями (да еще какими — писатель Олег Волков, охотовед Михаил Павлов!) и светлой, мастерски написанной картиной охотничьей весны со сказочным разливом на реке-красавице Чепце в глуши вятских лесов.

Любопытно, что неторопливый, эмоционально приглушенный литературный стиль Вадима Чернышева не нашел да и вряд ли обретет подражателей среди молодых литераторов. Новому поколению недосуг плести узорную словесную вязь, гораздо проще рассказать об охоте взахлеб, подменив редкие и нужные, но не приходящие на ум слова частоклоном вослицательных знаков или пустословием.

Место и роль охоты в России во все вре-

мена вызывали если не споры, то интерес, иногда нездоровый или даже враждебный. И здесь как нельзя кстати писательское перо, взвешенное и точное слово. Увы, термин «публицистика» плохо вяжется с поэзией охотничьих скитаний, но как еще назвать голос в защиту охоты, без нужды охаянной псевдогуманистами? «Связь», «Похвальное слово охоте», «Дом, в котором живет охотник», «Этика охоты» — вот неполный перечень статей, в которых Вадим Борисович изложил свое охотничье кредо, своеобразный кодекс культурного охотника.

Накопленный охотничий опыт, литературный материал не всегда укладываются в форму рассказа или публицистической статьи, но под рукой всегда есть иные жанры, в том числе и очерковый. Вадимом Чернышевым с художественным блеском и знанием дела написаны очерки об охоте на глухаря, тетерева, вальдшнепа, с подсадной, с гончими и легавыми собаками.

Существует и еще одна малоизвестная

охотникам ипостась Вадима Чернышева — детский писатель. Уже много лет он пишет рассказы и истории для юных читателей, причем пишет почти без уменьшительных суффиксов и прочего ритуального сюсюканья, от которого иногда буквально слипаются страницы детских книжек. Рассказы Вадима Чернышева для юной аудитории находятся на устойчивой орбите вокруг природы, доброго крестьянского и охотничьего быта, птиц и зверей. Собственно говоря, на этой же орбите, открытой Аксаковым полтора века назад, враждует и вся «взрослая» охотничья литература.

Орбита, полюсы и космос — понятия отдаленные, пустынные, но и на земной тверди, на большаке охотничьей литературы никогда не было многолюдно, на продуваемом ветрами просторе спрятались не за кого, мало кому по плечу одолеть долгий и нелегкий путь к сердцу читателя. Вадим Чернышев — ходок крепкий. Редкостный.

М. БУЛГАКОВ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ОХОТЕ

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Говорят, охотником надо родиться, намеренно постигнуть умом страсть к охоте нельзя. Что ж, возможно, так оно и есть. Но если человек вдруг почувствует становящееся все более непреодолимым желание взять в руки ружье и закатиться куда-нибудь в глушь — кто знает, оживает ли в нем дремавшая врожденная страсть, или он приобретает ее заново?

Для того чтобы осуществилось влечение, проявившееся так или иначе, необходимы соответствующие условия. Если страсть действительно сильна, человек будет искать и непременно найдет возможность создания таких условий. Или, хотя бы, чего-то напоминающего их... Рыбак, сидящий на льду бетонированной лужи у Московского Дворца школьников на Воробьевых горах, — что видит он, глядя на уходящую в лунку лесу, часами ожидая, когда там, на метровой глубине, клюнет плавающий среди ржавых железяк, битых бутылок и старых автопокрышек полутравершковый ротан-головешка? Ему, вероятно, представляется простор большой воды, шепчущийся под ветерком тростник, рывки рыбины, в дугу сгибающей удилице... Рыбак, быть может, пережил когда-то такое, и теперь

это — на всю жизнь. Или просто мечтает об этом. А значит — попадет на такую ловлю, это сбудется обязательно, ежели и в самом деле «охота пуще неволи».

Видел однажды в Питере, как девочка не могла стащить с «мертвой» стойки своего красного сеттера, дрожащего от возбуждения, вперившего горящий взгляд в беспечно прыгавшего, поклевывавшего хлебные крошки с плит возле Казанского собора воробушка, не подозревавшего, какую бурю страстей вызвал он в сердце красавца-ирландца. Наверное, инстинкт охотника не мог, не имел другой возможности заявить о себе. А неподалеку возле читавшего на скамье хозяина сидел доберман-пинчер и удивленно-холодно наблюдал эту сцену. Очевидно было, что одна собака чувствует волнение другой, но никак не может понять, чем же, собственно, оно вызвано? Может быть, действительно, охотником нужно родиться?

Не так давно, в прошлом веке, да и в начале нашего столетия, под словом «охота» понималось всякое страстное влечение души к занятию, с основной профессией обычно не связанному, именуемому ныне нелепым словом

«хобби»: были любители рысистого бега, «господа конские охотники», были охотники пения канареек, перепелиного «боя», соловьиных трелей... Бесстрастные люди часто смотрят на горячие увлечения таких охотников как на чудачество, которое вызывает лишь потерю времени и денежные затраты — и, бывает, немалые! Но всегда ли с насмешкой или с осуждением? Не с застенной ли завистью?

Чем лучше живет общество, чем свободнее от материальных пут, тем больше возможностей для такого «чудачества». Но любое из увлечений, в свою очередь, делает человека более свободным, более интересным его быт — здесь его утешение, удовлетворение желаний, его любовь. И жизнь всего общества становится тем более разнообразной и многоцветной, чем больше в нем «чудаков» — ведь именно они, «чудаки», украшают мир...

Я рос в семье, где все мужчины были охотниками. Меня окружали предметы охотничьего обихода: висащие под рогами красивые ружья, пахнущие старой потертой кожей патронташи и сумки, чучела зверей и птиц. Любимым занятием раннего детства было листать старинные охотничьи журналы, атласы

и определители растений и животных. Я рассматривал иллюстрации в томах Брема, четвертями откладывал на краю стола истинные размеры животных, изображенных в 1/10, 1/20 «естеств. величин». Разговоры об охоте, снаряжение патронов, осмотр и чистка ружей, сборы на охоту — все это чрезвычайно волновало меня, разжигало нетерпение испытать все самому, все потрогать своими руками. Мне не было шести лет, когда я получил в подарок «монтекристо» — маленькое ружье со толстым граненым стволом, негромко, но верно и сильно бившее свинцовыми пулями. Иногда взрослые брали меня на охоту, но чаще я ждал их возвращения дома. С трепетным волнением разглядывал я их трофеи, перебирал и гладил перышки птиц, мое воображение расплялось от их рассказов, запахов леса, костра, болотной тины... Я стал охотником задолго до того, как сделал свой первый выстрел. И так же естественно, как начал ходить, как научился держать в руке ложку и освоил грамоту, на тринадцатом году жизни я взял двустволку Зауэра и самостоятельно отправился на охоту. Это было более полувека назад...

Нельзя сказать, что за это время условия охоты не изменились. Как любое явление жизни, они зависят от социально-нравственной обстановки общества. Беспардонно-хищническое, откровенно потребительское отношение к природе народнохозяйственных, в первую очередь природопользовательных отраслей привело к сильному повсеместному оскудению охотничьих угодий. Стало больше городов, обезлюдели деревни, увеличилось количество охотников-горожан — «охотников выходного дня», чувствующих себя в угодьях людьми временными, но никак не рачительными хозяевами. Снижение общего нравственного уровня людей (не здесь рассматривать его причины, это тема отдельного разговора), массовое экологическое невежество еще более усугубили осквернение природы, ухудшение жизни диких животных, в том числе и охотничьих, сокращение их численности. Это звучит на первый взгляд парадоксально, но при таких обстоятельствах единственным верным защитником охотничьих животных остается лишь сам охотник. Только он, бережливый, настоящий охотник, заинтересован в том, чтобы сохранилась дичь, сохранилось то, что приносит ему самую большую радость, — охота.

Поэтому и охота должна быть другой, нежели пятьдесят лет назад. Не всем старым охотникам, помнящим «вольное полевание», нравится, должно быть, стрельба по «квитанциям», но ничего другого предложить сейчас нельзя: охота должна быть строго регламентирована и должна производиться только по разрешениям в охотничьих хозяйствах, организованных на научной основе. Если же смотреть с этической стороны — а это главное! — охота должна быть привилегией насто-

ящих охотников, только это дает ей право на дальнейшее существование.

Что означает: «настоящий охотник»? Сергей Тимофеевич Аксаков, автор классических «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии», ставил это понятие в зависимость от того, какую дичь — изысканную, «царскую», или любую — предпочитает охотник. Но уже давно, после появления его «Записок» и «Записок охотника» Ивана Сергеевича Тургенева, под

ды выстрела, шляется в угодьях и в конце концов разрешается пальбой по সরоке, по опустошенной бутылке или квартальным столбам. Такой стрелок не имеет морального права причислять себя к охотникам, если он даже имеет надлежащие документы на право охоты и соблюдает установленные для нее сроки.

В поведении человека на охоте, как и в его отношении к природе, проявляется подлинная, не показная, внутрен-

С женой Аллой. Тверская область, д. Кулотино. Август 1994 г.

настоящим понимается охотник именно аксаковско-тургеневского толка, для которого охота — это прежде всего поэтическое приобщение к живому миру природы. Охота — не стрельба по живой мишени, охотнику мало хорошо владеть оружием и быть метким стрелком — свое желание пострелять и продемонстрировать снайперское мастерство он может и на стенде в стрельбе по тарелочкам. Охотник должен знать «в лицо» деревья, травы и всех, не только промысловых, птиц и зверей, различать их повадки, голоса — только в этом случае он будет чувствовать себя в природе, как «свой в своем», и получать от охоты высшее духовное удовлетворение. И чем глубже будет его общее знание природы, тем более одухотворенной, интересной будет охота. Без этого человек с ружьем превращается в равнодушного шалопая-налетчика, который, изнывая от жаж-

ня культура — не зависящая непосредственно от полученного образования. На охоте человек остается наедине с природой и ведет себя, как подсказывает ему только его совесть. Без преувеличения можно сказать, что для человека, изначально не испорченного, охота — это дальнейшая школа нравственности в его отношениях с природой.

Предвижу, сколь бурные возражения могут вызвать эти слова у противников любительской охоты: о какой нравственности может идти речь, когда ни в чем не повинное животное лишается жизни?!

Да, это так: охотник или рыбак так или иначе убивает живое существо. Ни одному нормальному человеку само убийство животного не может доставить удовольствие. И если бы от охоты остался только сам факт убийства — я уверен, что настоящие охот-

ники навсегда бы расстались с ружьем. Ведь большинство из них не могли бы сделать даже то, что делает почти любой крестьянин, когда он забивает бычка, режет поросенка или барана. Сельский хозяин идет на это не из жестокости, убийство тоже не доставляет ему радости, и никому в голову не придет осуждать его. Почему же охотник так рад удачному выстрелу, так гордится своим трофеем, так уважительно, даже любовно разглядывает его, старается в лучшем виде доставить домой, чтобы показать близким и знакомым?

Только потому, что все это происходит на охоте. Ну и что? Какая разница, животное-то убито... Да, не очень основательное объяснение, но другого, признаться, я не знаю. И потому в извечной полемике так трудно убедить противников охоты в ее праве на существование. Давний спор этот не имеет смысла, потому что стороны говорят на разных языках: хулители охоты отрицают то, о чем не имеют ни малейшего представления, а охотники не могут дать им такого представления — как можно заставить их пережить свои чувства? Случается, что охоту начинает отрицать тот, кто некогда охотился. Такое, по-видимому, может быть, если человек никогда не был охотником, был лишь стрелком, «человеком с ружьем», убивавшим ради развлечения, и с годами стал осуждать свое прежнее безнравственное занятие. А если он действительно испытывал охотничью страсть — охаивать ее задним числом еще более безнравственно, как безнравственно всякое предательство, как безнравственно было бы предать свою первую наивную и пылкую юношескую любовь...

Знаю твердо: не жестокость лежит в основе настоящей охоты. За свою полувековую охотничью жизнь мне не приходилось сталкиваться со случаями жестокости среди охотников. Но я мог бы привести десятки примеров самой изверской, бессмысленной жестокости людей по отношению к животным, которые не были, да и не могли быть охотниками, потому что охота и жестокость — явления, исключаящие друг друга. Это давно заметил еще Аксаков, наблюдая деревенских мальчишек: «Сколько раз случилось мне замечать, что многие из них не пройдут мимо кошки или собаки, не толкнув ее ногой, не лупнув в нее камнем или палкой, тогда как другие, напротив, защищают бедное животное от обид товарищей, чувствуют безотчетную радость, лаская его, разделяя с ним скудный обед или ужин; из этих мальчишек непременно выйдут охотники...»

Не отличая по своему неведению браконьерства от охоты, ее противники приводят факты зверства браконьеров. Но при чем же здесь охота? Браконьер — злейший враг настоящего охотника, обкрадывающий его, дискредитирующий, лишаящий радости культурной целомудренной охоты.

Нельзя поносить и ставить под сомнение чистоту любви к женщине лишь потому, что встречаются подонки, похаблящие это чувство; не следует делать обобщений и на основе каких-то фактов браконьерства или низкой культуры отдельных охотников. Если запретить любительскую охоту, как требуют ее противники, браконьерам это будет лишь на руку: они не считались с законами никогда, не будут признавать и этот запрет. Куда как выгоднее будет им в угодах без риска попасться на глаза охотнику!

Любой охотник, наверное, может припомнить случай, когда радость от удачного, казалось бы, выстрела сменяется огорчением, сожалением, даже состраданием... Не всегда трофей добывается «чистым» выстрелом, случаются подранки, их приходится добывать. Это единственная, но очень неприятная сторона охоты. Еще хуже, когда охотник, не имеющий собаки или не обладающий достаточным опытом и настойчивостью для того, чтобы добрать зверя или птицу, оставляет их в угодах. Иногда они выживают, но чаще обречены на гибель. Или становятся легкой добычей хищников. Это самый большой грех охотника.

Чувство сострадания, остающееся невостребованным в повседневной жизни очень многих сограждан, лежит у охотника близко к сердцу, оживает не только на охоте, но и в быту. Этим, наверное, и объясняется, почему среди охотников нет жестоких людей. В молодости чувство сострадания обычно поглощается неумейной охотничьей страстью, но с годами, как это бывает нередко, заявляет о себе все больше, и старые, некогда очень горячие охотники надолго, а то и навсегда, зачекляют ружье, — и вовсе не потому, что не хватает сил на охоту. Но и отставив ружье, старый охотник сохранит на всю жизнь благодарные воспоминания об охоте как о лучшей поре своей жизни...

«Охота никогда не была для меня простой забавой или простым развлечением. Бродя с ружьем, я учился думать и наблюдать. Еще в первых юношеских скитаниях росла любовь к родной земле, обострялось внимание. Охотничье ружье было моим верным спутником, приобщавшим меня к прекрасному царству природы» — так писал на склоне лет замечательный русский писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов. Кстати сказать, именно такой, как у Аксакова, как у многих других настоящих охотников, была его охотничья судьба: к шестидесяти годам своей жизни он расстался с ружьем...

А вот что сказал об охоте другой писатель и ученый, Алексей Алексеевич Ливеровский: «Славлю охоту! Она сделала меня мужчиной, здоровым и выносливым, уверенным в своих силах. В детские годы была любимой игрой и отучила бояться неведомого леса, темноты, мистики неосознанного. В дни молодости вводила от дружеских попо-

ек, картежной игры, дешевых знакомств, показной стороны жизни. Зрелом — натолкнула на радость познания родной природы. Под уклон жизни — спасла от многих разочарований и психической усталости».

Полнее, кажется, не скажешь! Охотился Алексей Алексеевич до последних дней. А когда угасло зрение в правом глазу, он, уже в преклонном возрасте, освоил стрельбу с левого плеча...

Я обязан охоте очень многим, и прежде всего — близостью к природе, чувством родства с нею. Ощущение своей свободы и полной независимости, физического здоровья, приволья окружающей природы, возможность наблюдения жизни животных, утоление жгучего любопытства к потайному в этой жизни, утоление охотничьей страсти, обладание охотничьим трофеем — все это постоянно составляло мое счастье. Охота свела меня и подружила со многими интереснейшими, близкими по духу людьми. Давно сложилось мнение, что охота — лучшая «разрядка» от повседневных дел, здоровый отдых, всесторонняя физическая подготовка и т. п. Все это так, но главное все-таки в том, что охота — образ жизни, состояние духа, мировоззрение. Даже проживая в городе, охотник особенно остро чувствует сезонное изменение погоды, по скудным приметам зажатой громадами домов и асфальтом природы видит то, что происходит в лесу и в поле, ловит в мутном от электрического заряда небе клики пролетных гусей, радуется как дорогой находке, вдруг обнаружив среди множества следов где-нибудь в парке знакомый отпечаток лап забредшего ночью за городскую черту отважного зайчишки, и только охотнику какие-нибудь тощие охристые, заиндевшие бурьянки городского пустыря напоминают о том, как мелькнет, бывало, в таких вот зарослях голубовато-сивая спина русака или краснорылая, с темными ушками, лиса...

Ни в чем не убежден я так твердо, как в том, что близость природе и любовь к ней делают человеческую жизнь полнее и счастливее. Надежнее всего это извлекать человека от одиночества, от ощущения тоски и скуки. Оглядывая свое прошлое, вижу его как непрерывную цепь охотничьих поездок и скитаний, встреч с природой в разных местах, в различные времена года, как череду охотничьих удач, радостных впечатлений — память охраняет, стремится удержать самое светлое. Пытаюсь мысленно исключить из жизни все, что было связано с охотой, — и не могу представить, чем бы могла утешиться душа, не будь этого. Благодарю тебя, Охота. Счастливи чувствовать себя своим, среди своих людей, на своей родной земле...

Фото В. Ускова

ШИРОКИЙ

Удобно расположившись в пассажирском кресле «Жигулей» девяносто девятой модели, я приближался к Приморско-Ахтарску со скоростью 120 километров в час. Поглядывая в окно на убранные поля и начинающие румяниться осенними красками лесные полосы, перебрасываясь с водителем немногословными фразами и курил — одну сигарету через каждые 50 километров. Сигарет получилось всего три — и мы въехали в черту города, стоявшего на берегу Азовского моря. Полтора часа — такая вот недлинная дорога на охоту вышла в этот раз. Для моей флегматичной «Нивы» понадобилось бы два с половиной... А мне — дополнительные сигареты. Так что быстроходная машина сохранила мое здоровье и сэкономила деньги. Когда я поделился этой мыслью с Сашей, он кивнул, но возразил: «Мы приедем быстро и вовремя, но ты не знаешь Жору!» Жора был знакомым Саши, он устраивал охоту, был, так сказать, хозяином. Для меня это — первая охота в их компании, на которую был я приглашен в результате двухлетних переговоров, согласований и утрясок; я сам, впрочем, никакого участия в этом не принимал и событий не торопил — хватало своей охоты. Но когда поступило конкретное предложение, — согласился. Хотя никогда не любил на охоте быть приглашенным. Или скорее — никогда им не был. А вот у себя гостей-охотников принимаю с удовольствием. «Ты не знаешь Жору! — повторил Саша, притормаживая перед последним поворотом. — Жора отличный мужик, но у него есть единственный недостаток: он страшно медлителен. Очень! Так что после того, как он нас встретит и пойдет собираться, у нас с тобой будет предостаточно времени выкурить сэкономленные по дороге сигареты. А вот и Жора!»

У подъезда на скамейке сидел плотный чернявый мужчина. Мы затормозили и вышли из машины, он подошел. Познакомились.

— Ты мотор сделал? — спросил Саша.

— Витек вчера доложил, — не совсем, как мне показалось, уверенно ответил Георгий Филиппович. — Все о'кей.

— А кто еще поедет? — Саша передавал подошедшей супруге Жоры нехитрые гостинцы.

— Еще Сашка — он уже на станции, нас ждет.

— А подъездки?

— Сашка берет свой, а еще два спрятаны на месте в камышах.

— Ты иди собирайся, время-то идет...

— Да мне только рюкзак и ружье взять, остальное все на лодочной. — Жора ушел в дом и появился всего через сорок минут.

— Господи, Жора, — удивленно развел руками Саша. — А мы только заку-

рить хотели — а ты уже! Ничего не забыл?

— Заглохни, — добродушно отозвался учитель географии. — Я что, без носков должен выпрыгивать? Пока выбирал, пока надевал... Ты вот укроп взял?

— Укроп? Для уха? — вставил я. — У меня пакетик специй есть.

— Укроп, да! — не обращая внимания на мои слова, напирал Жора.

Саша смеялся, почесал затылок.

— Ну забыл, Жорик, каюся — забыл просто... А ты? — неожиданно спросил он.

— Я? — смутился Жора, но рукой махнул тут же. — Санька должен взять.

Кинули вещи в машину и поехали, как оказалось — на лодочную станцию. По пути Саша продолжал просвещать меня как новенького:

— Сашка этот — золотой мужик, но у него единственный недостаток — полное отсутствие чувства юмора. Так он — умница, золотые руки и главное, из той породы людей, которым бывает хорошо тогда, когда и другим вокруг хорошо и удобно. Вот увидишь. Но юмора не понимает, хоть убей! Вот представь: разговор че-то зашел про свиней домашних, кто и как их бьет-режет, — как я их, мол... Ну, говорю, когда прежде всего поросенка покупаю, выбираю с самым длинным хвостом. И пока он растет, хвост, естественно, растет тоже и ко дню забоя отрастает эдак в метра полтора длиной. Вот я его хвостом этим привязываю — ну, не знаю — к столбу там или дереву и иду за ружьем. Беру ружье, пулей заряженное, и иду прямо к кабану. Он, видя меня с ружьем, понимает, что смерть ему идет неминуемая, и, естественно, бросается на меня с дикой ненавистью в последний бой, забыв про привязанный хвост. А тот его созда неожиданно — дерг! Кабан оборачивается в ярости (что там такое?), а я в это время — бац! — точно за ухо, и наповал. Ну тут же, понимаешь, я экспромт этот придумал — для смеху! Все смеются, а Сашка, гляжу, смотрит на меня с выражением таким сложным: ему вроде и кабана жалко, и одновременно он осознает, какая я полная сволочь. Может, думаю, ошибаюсь я... Ведь ясно же, что шутка! А он так серьезно, даже с волнением в голосе говорит мне: «Ну на хрена так делать-то?..»

Подъехали к лодочной станции — по глазам ударили ширь неба и воды, далекий горизонт. Здесь атмосфера особая: по засыпанному ракушкой берегу деловито сновали серьезные дядьки в

камуфляже — перетаскивали моторы, весла, шесты и прочий лодочный инвентарь, снимали со ступеней разномастные плавсредства, спускали в прибойную пену, загружали охотничий и рыболовный скарб. На некоторых катерах и лодках — мощные малолитражные импортные моторы: «Меркурий», «Маринер», «Дахатцу»... Тут не в диковинку и спутниковые навигаторы, и американские золоты. Берегись, рыба! А как уберечься-то? От такой техники действительно, как от осени, «не спрятаться, не скрыться»...

А вот и наш попутчик, Саша-местный, жилистый мужик лет сорока пяти с цепким, но приятным взглядом. Грузимся в два катера, в Сашкин, кроме того, засовываем подъездок — небольшую дюралевую плоскодонку для охоты. Вещей очень много, хотя нет ни одной ненужной. Меня поразили огромные мешки из мелкоячеистой сетки — в каждом по три десятка больших объемных пенопластовых чучел. Да, размах поистине морской. В отдельных ящиках ершится на ветру перьями подсадные. Одну я глажу пальцем по голове и говорю ей: «Катя, Катя...», хотя даже не знаю, есть ли у нее вообще имя.

Я забрался в лодку к Саше-местному, уселся удобно на мешок с теплой одеждой. Хозяин чутко повозился с мотором, разок дернул шнур, и «Вихрь» заработал ровно и мощно, словно запел — пока низко и негромко. У Жоры выходило не так ладно, но вскоре и его мотор заворчал у кромки прибрежного камыша. Все, вперед! Эх, надо бы по маленькой — перед отплытием! «Нельзя! — кричит Жора. — На лодочной нельзя». Может, шутка? Бог его знает, с их морским юмором...

Мы запрыгали по бугристой от волн спине лимана. Волны серые, мутные, потому что глубина здесь от силы полтора метра, и свежий ветер срывал с самых высоких белые чубчики пены. Когда водой стегнуло по руке, я ртом хватил по тыльной стороне ладони. Влага была соленой. Все-таки море...

Наша лодка шла впереди, но это продолжалось совсем недолго. Саша сбросил обороты и стал разворачивать катер. Я оглянулся и увидел, что посудина компаньонов стоит боком к волне и Сашка-приезжий, в ней стоя, вращает длинным шестом у борта.

Когда подошли к ним, Жора был очень спокоен.

— Все, кранты, — сказал он, — Вода не поступает, мотор аж задымился.

«Господи, — подумал я, — ну почему именно сейчас...» Я ничего не говорил, потому что мне просто нечего было сказать. Я был гостем и единственно, что понимал, так это то, что на задыхавшемся от отсутствия охлаждения двигателе далеко не уедешь. Так что же — «ку-ку, Гриня»? Саша-местный сплюнул за борт и сказал:

— Ну че, Васькин возьмем?

— Конечно, а че делать? — махнул рукой Жора. — Давай на буксир меня...

Мы вернулись на станцию, поменяли мотор и скоро уже вновь летели, разбивая встречные волны, к противоположному краю лимана. И все ближе становилась стена камыша, обрамлявшего этот край, и стало понятно, что правим мы в гирло довольно широкого канала. В гирле, под прикрытием камышовой стенки, вода была тиха и спокойна. Не сбавляя скорости, мы влетели на блестящую ленту канальной воды, слева и справа потянулись тростниковые заросли. Иногда слева или справа мелькали узкие каналы-отводы, словно туннели в камышовых стенках, а то вдруг тростниковые декорации распахивались пошире, открывая глазу обширные мели с сиреневой и бордовой кипенью травы. Среди разливов цветной пены огромными пучками темно-зеленых игл стояли мочаки. Очень светлые, почти голубые цапли горбатой изогнутыми силуэтами замерли среди них.

Но небо было серым, совсем не голубым, и на этом сером фоне очень высоко плыли несколько колпич, ослепительно белых. Я ткнул вверх пальцем и проорал, обращаясь к Саше-рулевному:

— Есть их можно?

— Можно, — сдержанно ответил он. — Стрелять только нельзя.

«Ну вот, — подумал я с облегчением. — А говорили — нет чувства юмора...» Мы в очередной раз повернули и неожиданно догнали лодку Жоры, который после смены мотора шел все время впереди. Лодка стояла поперек канала. «Выпить, наверное, решили, — подумал я. — А почему нет? Или...» О

другом не хотелось думать, но оказалось, что именно — «или».

— Один цилиндр не пашет, — деланно улыбнулся Жора. — А искра есть...

— Ты смотри! — глупо брякнул я. — А еще ехать и ехать. Да?

— Да нет, — сдержанно бросил Саша-местный. — Тут вот — на моторе две минуты.

«Бог есть», — подумал я.

— Мы вот что сейчас сделаем, — рассудил Жора. — Саня пусть повозится с движком, а то он всю дорогу просидел сиднем, а мы пока — по стопочке. И если эта зараза не заработает нормально, то вы поедете дальше вдвоем, Саня перелезет к вам, там будете табор ставить и рыбу на уху наловите. А я потихоньку приплыву на одном «горшке».

Он достал пакет с домашними пирожками и кастрюльку с мочеными помидорами. Я понял, что дорога на охоту близка к своему логическому завершению. Вскоре наша байда мягко ткнулась носом в очень обжитой участок вала. Земляной вал, насыпанный давным-давно при рытье канала, был здесь довольно высок, в сплошной тростниковой гриве выпоптана за много дней обширная поляна, а посередине ее толстым слоем на землю настилен аккуратно срезанный тростник — место для палатки. Жора на уполовиненном моторе отстал, и его пока не было слышно.

— Так, — быстро оглядев место, сказал Саша-хозяин. — Ты иди лови окуней на уху — тут через полсотни метров перекресток каналов, там и кидай. А мы с Саней будем разгужаться, и я за подъездками сплаваю.

Малодушно обрадовавшись предоставленной мне как гостю поблажке — возможности уединиться от хлопот по обустройству бивуака, — я без лишнего слов схватил свой спиннинг, коробку с рыболовными принадлежностями, пустое пластмассовое ведро и потрусил в указанном направлении.

Вал порос космами мягкой желтой травы с вкраплениями терпко пахнущих кустов полыни; в обступавших с

боков тростниках виднелись звериные тропы, под ногами попался черный кабаный помет. Небо вокруг было серым, мутным, но до дождевой черноты, как казалось, дело дойти должно было не скоро. Впрочем, на взморье осенью ненастье неожиданно и труднопредсказуемо. Незаметно переменится ветер, быстро потемнеет, как-то особенно неуютно начнут гнуться к земле, к седым солончакам волны мятущегося тростника, резко стегнут холодные капли, и — прости-прощай надежда на охотничью идиллию! И что с того, если ты знаешь, какая хорошая охота бывает в плохую погоду... Разыгравшаяся на море волна погонит утиные табуны в прикрытые камышом лиманы, и будет утва идти низко, ужимаясь от непогоды, задевая метелки тростниковых грив, — не зевай, охотник, настал твой час!

Но только нужны ли они мне, эти утиные табуны, эти безумные минуты с бешеной стрельбой по низко летающей матерой птице, когда, кажется, только и слышишь свои рвущие сетку дождя дулети да грохочущие падения в воду утиных тел, свернувшихся в воздухе в угловатые комки? Сколько мне нужно привезти с охоты уток, гусей, чтобы считать ее удачной или — вот более емкое и либеральное слово — состоявшейся? Разве можно это определить простой цифрой? Конечно нет! Но это — для меня. А вот вокруг меня — близко ли, далеко, неважно — существует множество людей, для которых охота (во всяком случае, на меня они производят именно такое впечатление) — чисто математическое действие. Суммируются расходы: бензин, путевка, водка, даже продукты, патроны, затем полученный результат делится на количество добытой дичи, и вот вам, пожалуйста, готова цена одной головы. Ой-е-ей — до-ро-гая все же дичинка-то ныне! Я иногда говорю таким — если вижу в этом хоть какой-то смысл, — ну а удовольствие свое не забыл записать в статью доходов? Удовольствие нынче дорого стоит! А чаще ничего не говорю.

Вот и перекресток каналов, вернее, тройник — то ли канал здесь разветвляется на два, то ли от основного отходит рукав — как хотите считайте; но то, что всякая рыба, а в особенности хищная, в частности окунь, такие места жалует, — истина непреложная и множественными примерами доказанная. Я оттоптал в невысоком мелком тростнике пятачок, обломал с боков стебли, чтобы не мешали ловле, и достал из коробки пакетик с виброхвостами. Из-за камышей донеслось тарыхтенье мотора — подъезжал Жора. Я выбрал белую с черной спинкой рыбку, сделанную из желатинообразной резины, хвост которой, без всякой надежды на эрекцию, составлял самую изюминку заграничной придумки с устрояющей величины никелированным крючком, торчащим из спины, когда из-за поворота показался ущербноцилиндрический катер с массивной фигурой Георгия Филипповича на корме.

Я привязал обманку к леске, размахнулся и послал ее в направлении приближавшейся лодки. Она булькнула недалеко от борта. Жора выключил двигатель, склонил голову и с интересом стал смотреть в воду, скользя по инерции. Я подмотал леску, перехватил ее пальцем и отвел дужку лескоукладывателя.

— Стучит? — спросил Жора.

— Да я всего раз закинул — вот сейчас, — ответил я.

— Кидай второй, — рассудительно посоветовал Жора. — Если не стучит — переходи на другое место.

Я кивнул и одновременно пожал плечами. Потом почувствовал удар по леске у самого берега, машинально подсек и поднял над водой трепыхавшегося окуня граммов на триста. Он тут же сорвался и шлепнулся в воду.

— О! — сказал я восторженно.

— Кидай, — отечески улыбнулся Жора.

Он порылся среди вещей в лодке и вытащил спиннинг, сделанный, по моему, из шести для прыжков в высоту. Лязгающая катушка была примотана синей изолентой. Чудовищных размеров блесна с двумя якорями, изготовленная, судя по всему, целиком из ложки для обуви, внушала заведомое уважение к рыбе, которая при виде ее мгновенно не пускалась бы наутек в открытое море.

— Это на щуку, — перехватив мой взгляд, бросил Жора. — А тут в основном окунь.

Он откусил зубами блесну, привязанную к леске «ноль восемь», и нацепил маленького фантастического оранжевого цвета виброхвоста с двойным хвостом, как у тетерева. За это время у меня было еще два схода на два заброса. Потом Жора взмахнул спиннингом-шестом, и поклевки прекратились — во всяком случае следующий мой заброс оказался пустым. Лодку снесло за поворот, но там сразу стали раздаваться всплески и удовлетворенные возгласы Георгия Филипповича. Я

еще раз забросил и снова ничего не поймал.

— Ты смотри, — поражаясь своему нахальству, заканючил я. — Два заброса — и ничего!

Жора появился из-за камыша, орудуя длинным дубовым шестом.

— Давай ко мне в лодку, — скомандовал он. — Уже темнеет, надо на уху по-быстрому надергать.

Я малодушно, но быстро перебрался в его просторную посудину. Сплавившись метров двадцать от развилки каналов, мы начали блеснить. Это была рыбалка, это была именно ловля! Со всем не голодный по рыбацкой части — у нас в плавнях хорошей рыбалкой никого не удивишь, — все-таки сознаю, что такого клева на спиннинг мне видеть не доводилось.

Можно было бросать приманку влево, можно — вправо, далеко или близко — безразлично, окуни брали ее жадно и беспощадно. Можно было, в конце концов, вообще никуда не бросать, а просто, опустив в воду у самого борта лодки, водить ею туда-сюда — все равно сразу следовала поклевка, и очередной полосатый хищник повисал на крючке. Жора, кстати, так и делал, и пока я подтягивал к лодке одного разбойника, успевал бросить в лодку двух, а то и трех. Очень скоро окуни отгрызли моей резиновой рыбке хвост. У Жоры это случилось уже с двумя, бесхвостых рыбы хватать не хотели, и последнего виброхвоста, маленького, самой, как оказалось, уловистой флуоресцирующей окраски, встречающейся, наверное, только в тропических морях и детских рисунках, Георгий Филиппович великодушно отдал мне. Я быстро наполнил окунями просторное ведро. Уже совсем свечерело, и мы закончили ловлю.

А на стане царили порядок и уют. Стояла по-хозяйски укрытая полиэтиленовой пленкой палатка, вещи были перенесены и сложены, и поодаль жужжала фиолетовым огоньком небольшая плита на пропане. На ней парил в ожи-

дании окуней объемистый казанок с водой.

Я заглянул в посудину — там, кроме воды, ничего не было видно.

— Клади рыбу, — кивнул мне Саша-местный. — Мы пока стол накроем.

Я принес ведро и стал переключать окуней в кипяток. Я брал каждого за хвост и аккуратно опускал в казанок, когда подошел Саша-ахтарец и, бросив: «Та так доже долго», вывалил все ведро сразу. Потом он обильно посолил притихшую воду, а затем принес и затолкал в казанок вязанку укропа.

Пока мы у импровизированного стола на широком носу вытаскивали на берег катера отдавали должное «Золотому кольцу России» и больше разговаривали, чем закусывали, закуска основная как раз поспела. Саша-местный принес казанок и, прикрыв крышкой, слил парующую уху в канал. Я не успел удивиться, как казан оказался на столе, крышка снята, укроп выброшен, и в нос ударил аромат, который трудно с чем-либо сравнить.

Я взял одного крупного окуня, легко снял спадающую кожу с чешуей — и вот, пожалуй: чистое, белое, пахучее мясо, сочное, легкое, очень напоминающее из-за укропного аромата мясо раков. В каждой из рыбин к тому же находился крупный розового цвета желудь икры, особый деликатес.

— Мы обычно в таких случаях только икру и едим, — скромно заметил Жора, и я ему, конечно, поверил.

— Я раз такое дело и на охоту завтра не поеду, — сказал я решительно. — У меня жена уток диких не очень... приветствует. Куры у нее любимая птица. Буду окуней целый день ловить. А то придумают тоже — вставать потемну, грести куда-то... Патроны тратить... Стар я уже для этого.

— Как это? — поднял на меня глаза Саша. — Ты что, за окунями за двести верст ехал?

Меня разбудили возня и шум, хотя очень приглушенный. Понял — мои компаньоны собираются на охоту. Было очень темно и вставать не хоте-

лось. Уютное, расслабляющее тепло внутри спальника не отпущало, и лень, проклятая лень баюкала и сковывала движения. Я знал, что это состояние отчасти спровоцировано «Золотым кольцом России» и потому искусственно, а также хорошо знал, что стоит пересилить эту дремотную негу, встать, одеться, сесть в лодку и выплыть в прудутренний лиман, на первый легкий ветерок, на мягкую волну и увидеть, как розовеет восточный край плавней, — куда и денется рассудительная немочь! И мысли будут совсем иные — как можно спать, завернувшись в стеганый мирок, отгородившись от чуда рождающегося дня с криками птиц и свистом их крыльев? И все-таки, выбираясь из спального мешка и натягивая заголо-нувшую одежду, я бормотал: «Господи, зачем меня угораздило родиться охотником? Кто, кто придумал эту охоту на утренних зорях? Ведь все, все нормальные люди сейчас спокойно спят и видят самые сладкие сны — и только охотники должны куда-то идти, плыть...»

Все это я бормотал достаточно громко, чтобы вызвать насмешки товарищей по охоте, потому что знал — это тоже помогает стряхнуть с себя оцепенение сна. И другие способы есть. Вот хотя бы рюмка водки. Кстати...

— Жора! Ты не знаешь — не наливают тут?

— Та давно все налито — тебя только и ждем!

«Господи, — подумал я, — какие все же деликатные люди в Приморско-Ахтарске». Я давно уже почти проснулся, оделся и стоял на четвереньках, колеблясь, ехать мне на утрянку или нет, и жаловался.

— Саша! Ты знаешь, сколько я убил за свою жизнь уток и гусей?

— Давай вставай.

Укрепленная на шесте лампа шахтерского фонаря освещает стол и три фигуры в камуфляже.

— Жора! А далеко плыть-то? Лиман хоть как называется...

— Широкий. Толкаться всего двадцать минут.

— Ага! — ухватился я за последнюю надежду остаться ловить окуней. — Я же на шесте не умею — вообще никогда не толкался. Двадцать лет на «бабайках» — так в Гривенской распашные весла называют, в моей родной станице.

— Так ты родился в Гривенской? — с интересом спросил Саша.

— Нет, я там пару раз чуть не умер.

Но я все-таки выбрался на охоту в Широкий. Когда мои товарищи по охоте поняли, что я искусством толкания шестом владею, как французская гувенатка кик-боксингом, меня усадили в подъездок к Жоре и привезли в готовый скрадок. Заботливый Саша-ахтарец укрепил мой подъездок кольями, накидал вокруг меня чучел и посадил двух подсадных.

Не стану описывать саму охоту — может, это для другого рассказа. Скажу только, что стрелял я в то утро ужас-

но плохо, делая фантастические промахи по встречным, поперечным и угонным птицам, и сбил только двух — заполошенно налетевшую со стороны моря свиязь и пестрого широконосого селезня, очень красивого.

Жоре тоже не везло, и взял он двух или трех серых. Саша, с которым мы приехали, довольствовался единственным чирком, а Саша-местный, лишенный чувства юмора, добыл что-то около двадцати уток разных пород — были здесь свиязи, шилохвости, широконоски, кряквы, краноголовые и красноносые нырки и серые утки. Охотились мы по их правилам — «на котел», моих уток мы с большим аппетитом съели в шулуме вечером, от своей доли я, конечно, отказался с легким сердцем, добычу разделили на троих, так что досталось каждому по восемь уток. По местным меркам это почти ничего, и Саша-ахтарец горестно вздохнул:

— Нас убить надо за такую добычу... два дня прошатались, а толку...

Жора на прощание сказал мне:

— Ну, извини за плохую охоту...

Я попытался найти слова, доказывающие, что я в охоте ценю не саму добычу, а обстановку, при которой она была — или не была — добыта. Не знаю, удалось ли мне это. Зато окуней я привез домой — примерно... Но я же говорил, что не люблю арифметики. Кто хочет — пусть считает. Вон они — на балконе вялятся...

Дописывая последние строки, я вдруг вспомнил, о чем еще хотел рассказать. Море, Азовское море, от нашего табора на Широком было совсем близко — его неумолчный шум присутствовал постоянно, неизбежно, странным образом оттеняя тишину плавней, в которой лишь шептались тростники, всплескивала рыба да вскрикивали птицы. Этот звук не был тем равномерно чередующимся, пульсирующим шумом прибойа, с которым каждый хорошо знаком. Он был похож на глухое слитное рокотанье, какое могут издавать одновременно тысячи волн на огромной площади воды, помимо нашей воли заставляя нас ощущать непреодолимую притягательность моря. И я часто оглядывался в его сторону и прислушивался к его шуму. Из-за плавневых тростников и вереницы густых верб, росших на берегу, самого моря видно не было, но оно жило, дышало рядом, напоминая о себе торжественным и тревожным гулом.

Вчера был дождь, холодный осенний дождь, который льет уже половину моего отпуска. Но я верю, что он в конце концов перестанет. Наверное, поэтому я сел в машину и поехал в рыболовный магазин, где купил несколько разноцветных резиновых рыбок-виброхвостов.

Я еще поеду в Широкий.

Рисунки Б. Игнатъева

Слепы В. В. Современная русская охота. Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 10 000 экз. 512 с.

В книге лесоведа, кандидата с.-х. наук, приведены сведения об охотничьем оружии, боеприпасах, охотничьих собаках, по биологии, повадкам, местам обитания охотничьих птиц и зверей, способам их добычи, а также технологиям выделки меха и этике современной охоты.

Гусев В. Г. Настольная книга охотника. М.: Цитадель, 1999. — 10 000 экз. 447 с., ил.

Автор дает информацию, основанную на многовековом опыте и лучших традициях российской и мировой охотничьей культуры. В книге рассказывается об охотничьем хозяйстве нашей страны, об охотничьих ружьях и боеприпасах, о биологических основах, средствах и методах охоты, об охотничьих временах года.

Охота (Сост. Леонтьев В. В.). СПб.: ООО «Диамант», ООО «Золотой век», ТОО «Лейла», 1999. — 640 с., ил.

Книга рассказывает о жизни, повадках и местах обитания диких зверей. В ней даны советы по выбору места и времени, оружия и боеприпасов для охоты на определенную дичь. Она знакомит с методами охоты без оружия и подручными охотничьих средств, говорит о применении собак на охоте, их дрессировке и натаске.

Птицы. Серия «Природа России». Фотоэнциклопедия. Автор текста В. Иваницкий. М.: «АСТ», «Астрель», 1999. — 10 000 экз. 335 с.

Свообразие этого издания в том, что уникальную по полноте портретную галерею пернатых России (на 800 цветных фотоиллюстрациях более 500 видов птиц) сопровождает коллекция наиболее интересных научных фактов. Практически о каждой птице, обитающей на отечественных просторах и сопредельных территориях, читатель сможет узнать что-то занимательное. Особую ценность представляют те снимки, на которых фотоанималистам удалось запечатлеть редкие и исчезающие виды птиц.

Энциклопедия для детей. Т. 2. Биология. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Аванта+, 1999. — 20 000 экз. 704 с.

Издание содержит много нового, современного материала; количество иллюстраций увеличилось до 1500. В книге увлекательно рассказано о том, как устроены живые существа, как они дышат, питаются, размножаются, почему менялся их облик на протяжении миллиардов лет. Отдельные статьи создают портретную галерею самых интересных растений и животных. Авторы — ведущие российские ученые — не избегают острых, еще не решенных проблем биологии, рассказывают не только о сегодняшних достижениях науки, но и стремятся заглянуть в ее завтрашний день.

В чужой монастырь...

Ю. КОТЛЯРОВ

1

Моему Благоклонному Читателю уже кое-что известно о нашей местной знаменитости Косте Гриценко, по прозвищу Костыль. Я как-то представлял и его самого, и имеющуюся у него частную собственность: борзого кобеля Жилина и мотоцикл ИЖ-49. И вот теперь снова рискну обратиться к этой весьма колоритной фигуре с тем, чтобы в более развернутом виде представить вам другие грани этого своеобразного украшения нашего поселка.

Дать однозначную оценку его характеру весьма затруднительно. На первый взгляд он производит впечатление простоватого и немногословного флегматика. Но под этим показным простодушием скрывается хитрый и, я бы сказал, изворотливый тип, обладающий своеобразным чувством юмора.

Внешность у него самая карикатурная: несмотря на чуть ли не саженный рост, весит он не многим более трех пудов, да и то в одежде. Глядя на его утлые конечности, просто диву даешься, и как это они не переломаются, подобно спичкам, от тех жизненных перегрузок, коим постоянно подвергается их владелец. Какова его шевелюра и есть ли она вообще — этого, пожалуй, никто вам не скажет по причине того, что он круглый год носит на голове ушанку. Сшита она из меха неизвестного современной науке зверя: какая-то помесь полосатой гиены и задней части павиана. Впрочем, сам Костыль называет ее «пыжиком». Из-под известной теперь и вам ушанки выглядывает маленькое, сухонькое, какое-то птичье личико, нижняя часть которого покрыта скудной растительностью, простирающейся пегими кустами. Все оттого, что Костылева жена регулярно устраивает там «прополку», ввиду какой-нибудь очередной его провинности.

Раз уж я упомянул его жену, то не грех и о ней рассказать поподробней. Она является полной противоположностью своего «дражайшего» супруга. Представьте себе несколько закормленную таксу рыжей масти: маленькая, толстенькая и на кривоватых ножках. Добавьте к этому ядовитый скандальный характер, который также свойственен вышеупомянутой породе, — и портрет готов. Злые языки нарекли ее Каштанкой. Но назвать ее так в лицо — не родился еще такой герой. Мужика своего она поедом ест, и надо быть Костылем, чтобы так стоически и даже как-то пренебрежительно переносить ее бесконечные, говоря языком специалистов-норников, «хватки». А впрочем, он и дома-то бывает нечасто. Наверное,

потому, что Каштанка, подобно все той же дипломированной таксе, сразу выживает своего «поносившегося» супруга...

Одним из самых больших увлечений Костыля является охота. Она у него на втором месте после главного деревенского хобби: игры в «литробол». Охотится он с одинаковым азартом на все, на что только можно охотиться, и всеми мыслимыми и немыслимыми способами и орудиями. Причем вся эта охота у него осуществляется под девизом «Максимум эффективности при минимуме затрат». Он, например, за всю свою бытность не истратил ни копейки на приобретение боеприпасов, так как безвозмездно занимает все необходимое у коллег по увлечению. У одного «нашкуляет» десятка два капсюлей, у другого — «жмену» пороха. А чего стоит его необычайное чутье на то, кто-где льет дробь! (Кстати, такое же чутье у него и на выпивку.) Только мужики скучкуются за сараями с дроболойкой, не успеют еще и паяльные лампы разжечь, Костыль уже тут как тут, «падает к ним на хвост». Хлопочет, дает дельные советы, ныряет рукой в ведро за готовой продукцией, придирчиво ее рассматривает, пробует на зуб... Глядишь, а он уже тут самый главный. Командует. Одному: «Прибавь огня», другому: «Долей воды», третьему: «Подбрось свинцу». Следующего по счету командирует «в шинок» за обмывкой («Штоб дробь круглей лилася»), Ну, мужики, делать нечего, и делаются с ним, отдают ему весь литейный брак: «лепешки», «огурцы», с хвостами, со свечами, а также нестандартные по размерам — от «мышинного глазу» и до «фасоли» включительно. Но Костыль не в претензии. Во-первых, дареному коню в зубы не смотрят; а во-вторых, этой своеобразной «шрапнелью» он безуспешно отстреливает все подряд без разбору: от перепелки до косули. «Шрапнель», вылетая из стволов его ружья, производит такой ужасающей силы свист и вой, похожий на звук падающей авиационной бомбы, что аж кровь в жилах стынет. У новичков, впервые попадающих с ним на совместную охоту, с непривычки от ужаса волосы дыбом встают.

Да, еще чуть не забыл упомянуть, что вместо пыжей Костыль использует дровесные опилки. По этой причине он после нескольких ружейных салютов с ног и до ушанки покрывается «перхотью».

Но чаще всего Костыль «одалживает» уже снаряженными патронами. Для этого у него отлажена своеобразная беспроектная тактика. Вылавливает он, скажем, очередную жертву и под большим секретом сообщает ей, что,

например, нашел такое озеро, где «тех уток, как грязи: ногой ступить некуда!». Ну, у «жертвы», естественно, глаза загораются «галогенками», и она вьюном перед Костылем вьется, чтобы он показал место. А тот: «Я бы рад, мне и самому туда еще раз выбраться охота, но у mine патронов нема, все там пораспулял. Виденное ли дело: два десятичка крякашей за зорю взял, а мог бы и больше, если бы...» и т. д. И все! «Жертва» сама, как говорится, на блюдечке с голубой каемочкой тащит искусителю пару-тройку пачек, считая при этом себя самой хитрой на свете. Костыль не гордый: от подачек не отказывается. А дальше уже, как правило, на поверку оказывается, что «утка как в воду канула, а ведь еще вчера...» и так далее.

Но и некоторые «жертвы», особенно из числа «бывших в употреблении», перед ним в долгу не остаются. Бывает, что подсовывают ему такие «снаряды», на какие только способна уже их фантазия. Самая невинная шалость, когда в гильзу вставляется пустой капсюль, или нет пороха, или вместо дроби засыпают либо соль, либо горох. Здесь с особой, я бы сказал, иезуитской изощренностью действует Мишель Дудье. Но и того можно понять: Костыль — его ближайший сосед, в связи с чем доставляет Мишеля чаще других. И потому у последнего про запас всегда имеются «спецпатроны под Костыля». Любые на выбор: с двойным зарядом пороха; с дробью, пересыпанной «для кучности» красным молотым перцем, ну и с прочими, тому подобными сюрпризами. В последнее время если Костылю, «куды деваться», приходится пулять «Мишкиными шутихами», то он сначала крестится свободной левой рукой, затем по-черепашьи втягивает голову по самую шапку в плечи и закрывает оба глаза. А после выстрела тщательно осматривает свое ружье. И тому есть особая причина.

Пару лет назад Мишелевой компании удалось каким-то чудом добыть лицензию на отстрел косули (или козла, как говорят у нас в Сибири). Костыль, естественно, затесался с ними: «Знаю верное место, иде этих коз, как грязи...» Дошло до дела, он, обычная история, свои патроны «дома позабыл». Ну, Мишель дал ему пару штук из своих запасов. Костыль, наученный уже горьким опытом, взял их с опаской, словно ампулы с цианистым калием. Но тот его успокоил: «Бери, не сомневайся. Они у меня пулями Майера заряжены. Это такие, с дыркой посередине, а в ней резьба, — чтобы от воздуха закручивались: для точности боя». И надо же тому случиться: выскочил козел ни на кого другого, а на Костыля! Тот «вда-

рил» по нему и уложил наповал. Все сбежались к трофею, радуются, Костыля поздравляют. И тут кто-то говорит: «Костя, а что это у тебя один ствол, как торцовый гаечный ключ?» Он глянул и аж побледнел. Действительно, правый ствол, из которого только что стрелял, в чохе принял форму шестигранника — хоть болты им закручивай. Тут же вытащил из левого ствола оставшийся патрон, расковырял его, а там: обыкновенная гайка «на семнадцать». Вот те и пуля Майера! Воистину «с дыркой посередке, а в ней резьба». С нашим зверобоем тут истерика сделалась. Насилу его мужики от Мишеля оттащили... Долго Костыль после этого на него дулся, но потом ничего, отошел. А сейчас даже доволен, говорит, что «шестигранный» чок «хорошо дробь кладет».

А вот еще был с Костылем случай... Хотя давайте все по порядку. Итак, представьте себе следующую сцену: понедельник, курилка, идет обсуждение минувшего открытия зимнего сезона, пришедшегося как раз на Октябрьские праздники. После бурных и длительных дебатов, когда накал страстей заметно ослаб, Мишель Дудье поведал оставшейся в курилке публике... А что он поведал — слушайте сами.

2

«В пятницу, 6 ноября, накануне открытия, взял я отгул и рванул в район центр путевок прикупить на всю нашу компанию, да бензником к охоте затариться. В доме охотника сами знаете, что перед открытием творится. Народу — пушкой не прошибешь. Понакурено: дым коромыслом, и вокруг: жу-жу-жу... Будто в улей, дымом растревоженный, угодил. К председателю не подступиться. В мирное время его Толька кличут, а сейчас восседает важный такой — Анатолий Иванович и команды егерям подает: «Выпиши тому, выпиши другому». Одним словом, упивается человек кратким мигмом почета и всемогущества. Пока дождался своей аудиенции, с мужиками потрещался. У них только и разговору: куда, с кем, на чем, по скольку с собой брать... И всех мандраж бьет в предвкушении.

...Сгреб я свои путевки и покатил на заправку. Подъезжаю, что такое?! Машин в очереди — штук до полусотни. А сама очередь в виде кольца: машины, как на арене цирка, кругами ездят. Которая заправится, сразу же по новой в хвост очереди пристраивается. Кое-как приткнулся и я на своем «москвичонке» в этот круговорот и спрашиваю: «На кой, мол, мужики, хороводы крутите? К завтрашней демонстрации, что ли, тренируетесь?». А они в ответ так неласково: «Вона, читай, коли грамотный» и пальцами в объявление тычут, что к окошку заправочной прилеплено. Подхожу, читаю: «В связи с распоряжением райисполкома норма отпуска бензина не более 10 л за одну заправку». Вот оно что! Прикинул: чтоб полный бак залить, при-

дется четыре «круга почета» совершить. Что ж делать, дотемна, поди, управлюсь. И начал круги нарезать. Снаружи мороз под мидус двадцать, а снег сыплет (пороша!), а я лишний раз двигатель не завожу, чтобы горючку зазря не палить. Потому и в салоне дубак, впору хоть волков морозить. Ну, волков не волков, а этих «слуг народа» широкомордых, что придумали над нами очередное издевательство, не мешало бы самих вот так полдня покружить. Глядишь, может, малость поумнели бы!

Где-то в районе моего третьего витка, смотрю, подлетает к заправке бортовой УАЗик-«головастик». За рулем Миня Копейка и с ним его свояк, а мой соседка — Костыль. Я их как земляков пропустил перед собой. Они ко мне с тем же вопросом, что и все вновь подъезжающие. Ну, я им пояснил обстановку. Костыль: «Е-пэ-рэ-сэ-тэ... это выходит, нам тут что? До ночи пропеллером крутиться? Черт дернул с Копейкой увязаться: он мне пообещал литров двадцать за открытию нацедить». Затем залез в кабину и давай о чем-то шушукаться со свояком. Тот сперва был невесел и вдруг ка-а-ак залывается смехом, аж голову на баранку уронил. И только через силу из себя выдавливает: «Ой, не могу... ну ты и клоун!» А Костыль ему кулак кажет: «Смотри, испортишь дело — сам у меня покойником станешь!» И с этими словами... стал раздеваться. Разделся. Остался в одних носках, шапке и сатиновых трусах. Как сейчас помню: трусы огромные такие в горошек и до колен — семейные, одним словом. Костылевы ноги торчат из них, как карандаши из бочки. Затем он в таком виде забрался в кузов УАЗика, где снял с себя и носки. Лег и прикрывшись с головой лежавшей там тряпичей — палатка, наверное, вся какая-то драная. У меня от удивления аж глаза на лоб полезли. Ведь не месяц же май, тут и в шубе зуб на зуб не попадает. Я к Копейке, а тот уже дух перевел и рукой меня отстраняет: «Не встречай, лучше смотри: мы час здесь бесплатную спектаклю устроим».

Как подъехали они к колонке, Копейка pistolет в бак записал и — до заправки. В окошко, куда деньги суют,

мордой уткнулся и что-то туда с надрывом в голосе кричит. Мне из своей машины слов не разобрать. Долго у него с заправщицей через эту амбразуру перепалка шла, я уж и наружу выбрался, интересуюсь, чем дело кончится. Вдруг из заправочной выскакивает бабень, центнера на полтора весом, и на всех парах прет к колонке, да так, что щеки студеном трясутся. Кричит: «Будя брехать: «Покойника везу!»! Что только не придумают, лишь бы на халаяву заправиться. А ну, отъезжай, не то я тебя сейчас так этим шлангом перепояшу — ты у меня сам жмуриком станешь». Выхватила pistolет из ихнего бака и в Копейку им так и целит. Взбеленная баба! А Копейка: «Не веришь, так на, смотри!» И сдерживает с лежащего Костыля дерюжку. Я глянул и обомлел... Лежит себе Костыль, закрыв глаза, — ну вылитый покойник! Весь синий, худой, и ни один мускул на нем не дрогнет. Хотя, там и мускулов-то нет — одни ребра да кости. И что бросилось мне в глаза: на пальцах его волосатых ног — длинные, скрюченные, как у орла, ногти. Цветом желтые, будто прокуренные. Бабень эта только увидела, — как заверещит поросенком и бегом, еще шибче, обратно покатились. Копейка ей вслед: «Не заправишь доверху, так и простою всю ночь у твоей бендюжки с этим мертвецом. Мне его, может, за сто верст везти. А она, вишь, лимиты тут устраивает!» Только толстуха дверь за собой захлопнула, pistolет вроде того и ждал: сразу бензином зажурчал. Уж и бак полный, а она все льет и льет. Как через край поперло, я его подхватил в свою горловину записал. И мне, с перепугу, под самую завязку накатила. Так вот и попользовался чужой славою! Короче говоря, получилось у них, как в той сказке, где лиса, прикинувшись дохлой, у проезжего старика всю рыбу из саней перетаскала...

...Ну, про нашу охоту чего рассказывать. Сами уже знаете, что бывает, если семеро мужиков соберутся вместе на праздники... Не успели за огороды отъехать, сразу выпили по стопочке. Сперва «для сугреву», затем за открытие, следом за очередную годовщину Великой Октябрьской революции, и... понеслось. Даже ружья не расчехляли. А так, посидели на полянке, попили-закусили, языки почесали, песни попили, некоторые еще и поплясали вокруг костра. И к обеду по домам разбежались: отмечать праздник в домашней обстановке.

Вечером вышел во двор у скотины управиться. Гляжу, а по нашей улице мотоцикл с коляской катит. На нем аж пятеро наших станционных гроздьев висят, во все стороны ружейными стволами ошетинились. «Ну, — говорю сам себе, — цирк уехал, клоуны остались. Эк они его, бедолагу, словно мухи облепили». Проехали мимо меня к костылевским воротам и давай их приступом брать. Ногами-кулаками стучат, угрозы какие-то выкрикивают. Козе понят-

но: опять Костыль чего-нибудь отчебучил, и пострадавшая сторона на разборки прикатила. «Да, — думаю, — пропал наш Костыль. От такой оравы, еще и с ружьями, так просто не отвертеться». Но тут из ворот Каштанка выскочила, да как кинется на мужиков. Отлаяла их так, что тем мало не показалось. Досталось и им самим, и их родне по седьмое колено включительно. Ретировались бедолаги в срочном порядке. Стоят среди улицы и загоривки чешут. Подошел я к ним. Спрашиваю: «Это вы чего, с демонстрации, что ли, едете? Какую-нибудь там живую архитектурную композицию верхом на мотоцикле представляли, или как?» А они моего юмора не поняли. Видно, от Каштанкиной контратаки у них еще контузия не прошла. «Нет, — отвечают, — это мы с охоты едем». И давай мне наперебой свои обиды высказывать. Я как в воду глядел: точно, нагрел их Костыль. На охоте. А дело было так...

Сговорились станционные накануне ехать охотиться шестером на двух мотоциклах: Федотовом и Петюни Слезкина. Утром собрались, а Петюни-то и нет. Подъехали к нему делегацией. Оказывается, жена под домашний арест его посадила. Вы же знаете Петюнину поговорку: «Кто празднику рад, тот за неделю пьян». Вот и перестарался. Жена и ружье, и ключ от мотоцикла спрятала, а самое главное: опохмелиться не дала. Он и выбыл из игры. Стоят мужики, соображают, как дальше быть. Тут на их несчастье Костыль катит на своем ИЖ-49 с Жилиным в коляске (наверное, от сывока: поминки по «покойнику» с ним всю ночь справляли). Они ему: «Костыль, поехали с нами. А то у нас одной боевой единицы не хватает и с техникой напряженка». А тот: «Коли будет выпить и закусить, то согласен. Шас, только за ружьем сгоняю». Федот, тот у них за главного, еще попросил его: «Ты не бери с собой Жилина. Нас и так по трое на мотоцикл приходится, да к тому же он у тебя шибко вороватый. Этим летом, пока мы на Мостовом с лодок рыбачили, твой кобель на берегу все наши «сидора» распотрошил и мой термос с чаем кокнул».

Мухой обернулся Костыль. Подлетел к ним на своем драндулете в полной экипировке: с ружьем на шее и пустым патронташем перепопсанный. Говорит им: «Давайте, мужики, упрямые подалее от поселка — к Лабзовскому разъезду. Оттуда и погоним в сторону дома. Там нынче никого не будет, вся дичь — наша. Только вот у меня все заряды вышли. Помогите горю, кому сколько не жалко». Ну, те от своих щедрот снабдили его: полный патронташ набил, да еще пяток штук по карманам распихал. Да чего там — свои, дескать, люди — сочтемся!

Больше часа пилили до этой Лабзовки. Пока доехали, замерзли как цуцки. Перед началом атаки остановились покурить да горячим чайком из термоса побаловаться. Костыль им: «Чай —

не водка, много не выпьешь! Может, вдарим по сто граммов для верности глазу? Что-то у меня колосники горят». Те в ответ: «Нет, у нас правило такое: до первой крови — ни капли в рот». А у Костыля, действительно, после ночных «поминок» уже ломка началась: башка гудит, трясет всего и в кишках — органичная музыка. Но куда деваться, подчинился большинству. Стали мужики разбиваться на две группы, чтоб чередоваться: кому в засаду, кому в загон. А Костыль: «Я в загон ходить не могу. Во-первых, сами видите — какой больной. И, во-вторых, в засаду надо на мотоциклах заезжать, а я свой никому не доверю. Он у меня без тормозов. Еще расшибете, а мне что же, пешком по-томо ходить?» Станционные покривились, но сдались: пусть пока так, а там видно будет.

Первым решили прочесать Лабзовский колок. Вы его знаете, он здоровый такой, густоющий. В нем всегда дичь водится. А с одного краю у него лисьи норники. Там и порешили засаду ставить. Костыль и тут не растерялся: у самых нор пристроился. Как остальные охотники по другим номерам разошлись, у него возникла проблема: живот скрутило. Хоть плачь! Уж и загонщики тронулись: по всему колку шум такой, что и мертвого поднимут. А он спустил портки, присел на корточки и для баланса на ружье оперся. Только «процесс пошел», глядь: лиса бежит, к норам правит. Прямо в руки к Костылю. Тот, не меняя позы, приложился по ней. Наповал уложил лису, но и сам пострадал при этом. Отдачей отбросило его прямо на собственное свежеприготовленное произведение. И смех и грех!

Мужики расселись по поляне «первую кровь» обмывать. Тем более что и Витька Шмель зайца заполовал. А Костыль все по кустам лазает, прошлогодней ветошкой портки оттирает. Наконец подошел и он к «столу». Мужики носами покрутили, но ничего не сказали — на охоте всякое бывает. Тем более, герой дня! Хватанул он первую стопку, а Федот ему и говорит: «Молодец! Из такого трудного положения, а не упустил горжетку. Да, кстати, у нас

принято: убиваешь первую лису или зайца — забираешь себе, а следующая дичь идет по жеребьевке тому, у кого пусто». Костыль аж второй стопкой поперхнулся — ну и порядки у них! Но стерпел, ни слова не сказал. Пообедали, погнались дальше. Но охота после этого что-то не заладилась (Костыль: «Мало обмыли»). Наконец добрались до Горелки — самый верный колок, никогда пустым не бывает. Костыль опять провернулся: остановил свой мотоцикл в перешейке, где самый ход, а Шмеля, что с ним в коляске сидел, дальше послал. «Ой, Витя, — говорит, — беги к краю. Не то у меня опять в животе конфуз назревает. Как бы я тебе атмосферу не испортил». Тот и ходу от него подалше, на всякий случай. И надо же, снова на Костыля лиса выскочила. Он ее — хлоп! Затем сгреб за хвост, забросил к себе в коляску и... уехал. Еще Шмелю ручкой на прощание помахал, дескать: гуд бай! Витек от такого нахального вероломства дар речи потерял. Мужики его спрашивают: «Где Костыль?» А он стоит разина рот и плечами пожимает.

Кое-как дотатащились всей оравой до дому на оставшемся мотоцикле. Усталые, злые, как собаки. Ну, попадись им Костыль — живьем бы его съели. Но, видно, не судьба. Так и повернули от его ворот, не солоно хлебамши. И поделом, нашли с кем связываться...

Утром иду на работу, а навстречу мне Костыль — со смены из котельной возвращается. Поздоровался с ним: «Привет, Иван Сусанин! Что ж ты трофеем не похвалишься. Уже от других людей про твои подвиги узнаю. Здорово же ты их подкузьмил». А он: «Миша, да что тут говорить. Они сами передо мной еще больше виноваты. Ишь, командуют: «Жилина не бери, до первой крови не пей, — что я им, Рембо», что ли? И еще вторую лису отдай чужому дяде!» Я подумал-подумал: что мне в чужой монастырь со своим уставом переться? Взял да и уехал от них к чертям собачьим!»

* Имеется в виду главный герой фильма «Первая кровь» Рембо.

Рисунки Б. Игнатова

В.С. Шишкину -50

Вот уже девять лет подряд в каждом номере нашего журнала — без единого пропуска! — публикуется атлас птиц России. Его автор — кандидат биологических наук Владимир Сергеевич Шишкин.

Помня слова историков о том, что труд русского человека не свойственно «упругое, равномерное напряжение», что испокон веков на Руси работают «не тяжем, а рывом», такая упорная, последовательная, целеустремленная деятельность заслуживает глубокого уважения и почтительной благодарности.

В. ШИШКИН

Зимняя песня

Потянулись сороки к окраинам,
Видно, стала надолго зима,
От застывших лесов передали нам,
Что снегами полны закрома.

По замерзшим ручьям, по излучинам
Только зайцев да норки следы,
До весны, до травы не наскучат ли
Ледяные на стеклах цветы?
Будет печь с догорающим деревом,
Свет манящий горячей золы,
Наблюдаю я без недоверия,
Как зимы прибывают послы.

Потянулись сороки к окраинам,
Видно, стала надолго зима,
На душе остается проталина,
Отчего — догадайся сама.

Я люблю этот запах студеной
Запоздалой валдайской весны,
Ледяных лебедей перезвоны,
В тучах отсветы солнца-блесны,

Бурный выплеск плотвицы-ледянки,
Гоготанье летящих гусей,
Переключку ночных полустанков,
Ожиданье с охоты вестей.

На ста листах атласа отображены сотни видов пернатых: кулики, пастушки, журавли, дрофы, рябки, голуби, дневные хищные птицы и совы, поморники, чайки и крачки, чистики, гусеобразные. Каждый охотник должен не только знать этих птиц, но и уметь распознавать их в природе, так как помимо охотничье-промысловых в атласе есть изображения и многих неохотничьих видов, а также «обитателей» Красной книги, добыча которых запрещена.

Работа над атласом требует от автора знания биологии птиц, изучения литературных источников, просмотра множества музейных экспонатов, а также наблюдения за живыми «экспонатами» в зоопарках и в природе. Будучи и ученым-орнитологом, и художником-анималистом, В. С. Шишкин не только создает таблицы с воспроизведением внешнего облика птиц, но и, начиная с 1997 года, дает их скетчи, точное и очень емкое описание. Пример если и не уникальный, то, несомненно, необычайно редкий. Но и результаты получаются замечательными. Автор вершит свое дело с такой любовью, с такой заинтересованностью, что это дало ему возможность сделать ряд ценных уточнений, и даже несколько небольших, но интересных научных открытий.

В. С. Шишкин известен нашим читателям не только как автор атласа птиц, но

и как искусствовед, опубликовавший ряд работ о творчестве художников Н. К. Рериха, К. К. Флерова, В. А. Ватагина, А. Н. Комарова, Г. Е. Никольского. И здесь автор проявил себя и как художник и как ученый: каждый очерк написан со знанием дела, с чувством большой ответственности за печатное слово. Даже названия очерков продуманы настолько тщательно, что ни одно из них редакция не пришлось изменять, что случается довольно редко.

В. С. Шишкин, несомненно, богато и всесторонне одаренная натура, о чем говорят и подборки стихотворений, опубликованные в нашем журнале и помещенные в этом номере.

Ученый — автор более 100 научных трудов, художник, историк науки, знаток и любитель литературы, собиратель книг Владимир Сергеевич в этом году отметил свой первый круглый юбилей — ему исполнилось 50. Возраст великолепный во всех отношениях: УЖЕ накоплен богатый опыт жизни и служения; ЕЩЕ есть могучий творческий потенциал для будущих деяний и успехов.

Дорогой Владимир Сергеевич! Желаем вам, нашему надежному и верному автору и соратнику, всяческого благополучия, всего самого светлого и доброго, а вашим разносторонним дарованиям — дальнейшего развития и совершенствования.

О. ГУСЕВ

Наглядеться бы в даль, надышаться
Этим духом родной стороны,
В путь обратный поутру собраться
И год целый ждать новой весны.

Валдай

Закрою глаза:
Поплывут моховые озера,
Ужинские дали,
Валдайский нетронутый лес,
Под северным небом
Земли новгородской просторы,
Святых и ушкуйников
Рано восставший замес.

По бледному сфагнуму
Россыпи клюквы бордовой,
Квохтанье глухарки,
Бобра осторожного всплеск,
И тянет сюда
Возвращаться по осени снова
Из наших докучных,
Асфальтом придавленных мест.

Звонит из далёка
Волдайский литой колокольчик,
Но тройку сменяет
Пропахнувший дымом вагон,
Глаза закрываешь
И слышишь, и слушаешь молча
Охоты волшебную музыку,
Стонущий гон.

Последним выстрелом задетый
вальдшнеп
Упал с небес на прелую листву,
В голубоватом дыме, в смертном
вальсе
Два перышка спускались в темноту.
Зажглась звезда, конец приходит
тяге,
А что осталось — смерть или любовь,
Из фляжки пригубить пьянящей
влаги
И смыть с руки оставшуюся кровь.

Давно не слышу перепела бой,
Зари короткой детства метронома,
Почти немислимое ощущение дома,
Покой в природе и во сне покой.

Там берега бескрайни у реки,
Там счастье было кисела тарелкой,
Тогда казавшейся на удивленье
мелкой,
И звездами горели светляки.
Сменяет перепела хриплый
коростель,
Туман забвенья на луга ложится,
Из далека нечаянная птица
Еще свою мне посылает трель.

БИЗОНЫ

Рисунок А. Ермакова

В. СИЛАНТЬЕВ

Десятки тысяч лет назад многочисленные стада бизонов бродили почти по всем материкам, и везде человек усиленно их истреблял. Много бизонов было в Европе и Азии. Ныне более-менее свободно эти могучие животные обитают лишь в Беловежской пуще (Белоруссия), сохраненные стараниями сначала польских королей, а потом русских императоров. Правда, в Евразии их называют зубрами. Если верить заявлениям известного ученого-натуралиста прошлого века Альфреда Брема, то еще во второй половине девятнадцатого столетия редких зубров-бизонов можно было встретить в царской России на Северном Кавказе и подле озера Куку-Нор в Средней Азии. Были сообщения, что в таежных лесах нашего Дальнего Востока на бизонов охотились вплоть до XVI века... Мы же обратим свой взор на Северную Америку — еще совсем недавно, по историческим меркам, родину последних неисчислимы стад бизонов.

Прежде всего североамериканские буйволы, так их называли в простонародье, делились на два вида: лесные и прерийные. Лесных бизонов выходцы из Европы истребили к началу XIX века. Ареал их обитания: западная часть штата Нью-Йорк, Огайо, Пенсильвания, Виргиния и дальше на юг до самой Джорджии (все США). Лесные американские бизоны по внешнему виду были очень схожи с беловежскими зубрами. Прерийные же буйволы несколько отличались от лесных собратьев. Они

крупнее, имеют более мощный горб, задние ноги у них значительно короче передних, а рога больше и тупее. Кстати, в доисторические времена в Северной Америке обитал еще один вид этих животных — Гигантский Большерогий Бизон.

Первым американских буйволов увидел покоритель ацтеков испанец дон Эрнандо Кортес. Когда в 1519 г. его войска вошли в столицу этих цивилизованных индейцев город Теночтитлан, то, согласно преданиям, европейцы побывали в зверинце императора Мотекухсома* и описали все, что там видели: «Мексиканский бык, удивительно сложный из самых разных животных. У него кривые плечи и горб на спине, как у верблюда... его шея покрыта гривой, как у льва. Копыта у него раздвоены, а на голове рога, как у быка, на которого он походит свирепостью не менее, чем силой и быстротой».

Второе сообщение об американских бизонах принадлежит перу незадачливого кастильского конкистадора Альвара Нуньеса Кабеса де Вака. Он участвовал в неудачном походе завоевания полуострова Флорида (1527 г.). Испанец угодил в плен к индейцам и, передаваясь из племени в племя, попал на Великие Равнины (прерии), где первым из европейцев увидел бизонов на свободе. Полностью процитируем Кабеса де Вака: «Водятся там и коровы (бизоны), я видел их три раза и пробовал их мясо; по величине они показались мне такими же, как коровы в

Испании; рога у них маленькие, похожие на бараны, шерсть очень длинная, густая, бурого или черного цвета; мяса же у них больше, чем у наших коров, и на вкус оно мне показалось лучше. Из маленьких коров индейцы делают накладки, которыми прикрываются, а из больших изготовляют обувь и круглые щиты. Эти коровы приходят откуда-то с севера и доходят до самого побережья Флориды: а когда они идут, то растгиваются по всей той земле (прериям Южного Техаса) на четыреста с лишним лиг*; и по всему этому пути, по долинам, где они проходят, к ним выходят люди, живущие в этих местах, кормятся ими и оставляют на земле огромное количество шкур». Из этого сообщения мы можем сделать два главных вывода: а) бизоны мигрировали вплоть до Флориды (в крайнем случае отдельные группы лесных буйволов); б) индейцы не были такими уж бережными хранителями природы (как модно сейчас утверждать) — добывая бизонов, они оставляли после себя множество отходов.

В Америке

Теперь рассмотрим подробнее эти два вида американских бизонов. Итак, лесные бизоны. Их окраска была очень темной, рога круто загибались кверху, горб почти отсутствовал, задние ноги по длине слабо отличались от передних. Ежегодно лесные буйволы откочевывали с зимовий на летние пастбища, следуя по веками проложенным тропам большими стадами, насчитывающимися до семисот голов. Те тропы всегда проходили мимо соленых источников, где бизоны, напившись, лизали соль. Любимым их лакомством был сладкий тростник и побеги папоротника. К 1832 году на территории США лесные буйволы были полностью истреблены бледнолицыми американцами.

Степные бизоны — источник жизни многих прерийных индейских племен (пища, одежда, обтяжка переносных жилищ, орудия труда и т. д.). Ко времени открытия Америки число этих могучих животных исчислялось 60 миллионами. Они бродили громадными стадами по Великим Равнинам Северной Америки от верховий Мексики до Центральной Канады и от Скалистых гор до великой реки Миссисипи.

За бизонами следовали не только индейцы-кочевники, но и стаи волков,

* Монтекусома — именно так, утверждают некоторые ученые, изначально и правильно звучало имя ацтекского императора. Поэтому оно было искажено испанскими летописцами в Монтесума.

* Испанская лига равна 5572 м 77 см.

семь пум и медведей гризли. Их добычей становились отбившиеся от стада телята или больные и старые животные. Зимние бураны вносили со стада немалую дань жизнями, как и засухи, эпидемии и весенние паводки, когда степные буйволы массами тонули, пытаясь переплыть сильно разлившиеся реки. Однако, несмотря на все эти потери, число бизонов не убывало.

В южных прериях было организовано несколько коммерческих компаний по закупке буйволовых шкур. Добытчикам платили неплохие деньги. Разгорелся прямо-таки бизоний бум (бизоний лихорадка). Сотни охотников ринулись в степи, истребляя тысячи буйволов. В 1874—1875 годах в южных прериях США прошло несколько так называемых «Бизоний войн». Коренные обитатели этих земель — команчи, кайова, южные шайены стремились остановить бледнолицых искателей легкой наживы силой оружия. Разумеется, индейцы потерпели поражение, на защиту толп бледнолицых хищников выступила регулярная армия. Бизоны южных прерий были почти полностью истреблены, местных краснокожих поместили в резервации, где они должны были владеть полуголодное существование.

Индейцы из других регионов США выступали в защиту прерийных бизонов — сиу, арапахо, черноногие, шошоны. Но их попытки были еще менее успешны. Прерийные бизоны были бы

полностью истреблены, если бы не крепнущая с каждым годом защита любителей природы. Начиная с 1894 года эти бескорыстные энтузиасты поднимали голоса в защиту доисторических животных, стараясь воздействовать на правительство. Они настойчиво привлекали внимание общественности к вопросу сохранения бизонов... И все равно браконьеры добились чудом уцелевших ровесников мамонтов.

К началу XX в. в США живые бизоны жили только в зоопарках. Правда, в Канаде, в почти недоступных дебрях вокруг Большого Невольничьего озера, обитало несколько сотен животных. Это давало некоторую надежду на спасение вида. А потому группа энтузиастов США организовала в 1905 г. «Американское бизонье общество», председателем которого стал Уильям Темпл Хорнедей, ревностный защитник дикой природы. Хорнедей был, кроме того, директором «Нью-Йоркского зоологического общества», которое располагало сорока бизонами, жившими в неволе. В 1907 г. пятнадцать из них были переданы правительству США для только что организованного оклахомского лесного и охотничьего заказника Уичито. В 1908 г. «Американское бизонье общество» способствует созданию в штате Монтана «Национального бизоньего заповедника», снабжая его тридцатью четырьмя животными. В те-

чение следующих десяти лет такие же охраняемые государством стада были созданы в Уидкейвском национальном парке штата Южная Дакота и в резервации Форт-Найберера штата Небраска.

В настоящее время число животных в этих и созданных позже стадах равняется 20 тысячам. Даже Аляска может похвастаться стадом в 500 голов, которое произошло от 23 бизонов, доставленных туда в 1928 году. Кроме того, канадские бизоны, обитавшие в диких дебрях вокруг Большого Невольничьего озера, где ныне существует Национальный парк «Вуд-Баффало», тоже размножились, их число перевалило за 20 000 голов. По утверждениям некоторых специалистов, среди этих буйволов около 300 животных принадлежит к настоящим лесным бизонам...

Такова вкратце история бизонов. За время существования нашей старушки Земли сменились многие формы жизни, исчезли сотни видов животных. Но отраднее отметить, что благодаря стараниям человека, очень агрессивного и беспечного создания, уцелели древние бизоны — в Беловежской пуще, в нескольких заповедниках США и в «Вуд-Баффало» (Канада).

В общем-то бизоны являются живым мостиком истории, соединяя наше атомно-компьютерное время с доисторическим прошлым. И то, что они уцелели, — одно из чудес нашей планеты...

Бизоны в долине гейзеров

Уважаемая редакция! Обращаюсь к вам — моему любимому журналу, который выписываю уже более 30 лет. Пишу с болью в душе и большим недоумением.

Мне уже за 60. Охочусь с детства. И до сих пор общение с родной природой помогает сохранять бодрость и здоровье.

С 60-х годов увлечен русским охотничьим спаниелем. В свое время, уже будучи в составе сборной России, тренировался на стрелковом-стендовом комбинате «Локомотив» под руководством Б. А. Крейцера (заслуженный тренер СССР, ЗМС СССР, теоретик стрелкового спорта), и однажды он познакомил меня с В. Е. Германом, известным писателем и заядлым спаниелистом. Не знаю, чем я ему понравился, но он, как заводчик, пообещал мне щенка русского спаниеля и выполнил обещание. Получилась прекрасная охотничья собака, с которой охотился «по перу» целых 12 лет. Тогда меня больше интересовал результат на охоте, и многие выставки и полевые я просто пропускал.

В семидесятые годы мне подарили щенка-гончака из-под Колосовского чемпиона Рыдая. Выросла прелесть сучка Айка с замечательными рабочими качествами и чудным залившимся голосом, на зависть другим. Однажды за одно поле, кажется на Октябрьские праздники, мы с приятелем Н. Усовым добыли по три штуки матерых белков и, надо сказать, еще посветлу вернулись домой.

В 1984 году я привез из Москвы от И. И. Соловова кофейно-пегого щенка русского охотничьего спаниеля Михайловских кровей. Получился необыкновенной красоты кобель, который наградили Владимирскую область и другие регионы страны собаками, отличными по экстерьеру

и своим рабочим качествам. На десяти выставках ему присвоили звание «Чемпион», а в 1992 году мой Тимур был победителем 7-й Всероссийской выставки в Санкт-Петербурге. Наверное, нужно сказать, что на этой выставке принимали участие со своими питомцами спаниелисты из Скандинавских стран, а также Польши, Франции и США.

Год назад, тяжело пережив кончину Тимура и убедившись за долгие годы в преимуществах нашей отечественной породы, завел себе молодого щенка — внука Ти-

видимому, сознательно игнорирует русскую национальную породу спаниелей. Кто же тогда в России является национальным? Вот вам и причина недоумения. И если в Российском государстве не признают русских, наиболее подходящих по всем качествам для наших угодий, то как не быть боли?

Может быть, я человек, отставший от времени, но, отдав столько сил развитию национального русского спаниеля, хотел бы знать, кто поможет родной породе? Почему не дадут нам на равных сравнить рабочие качества и

Но вот вопрос, где все это взять?

Для штатного охотника бывшего госпромхоза или нынешнего товарищества острой проблемы с приманкой не существует. Охотники-любители, хотя считаются промысловиками, находятся на положениях падежицы. Им выделяют «отработанные» угодья. Это, как правило, небольшие распадки, примыкающие к полям и покосам урочища, долины ключей и рек.

В наших угодьях лес очень редкий и однообразный. В угодьях обычно готовят лес, дрова, косят сено. В этих же — бродят бездомные собаки и промышляют по ночам браконьеры. Но главная беда охотника-любителя — отсутствие приманки.

Раньше, бывало, грешным делом, я пользовался теми остатками, которые иногда находил после разделки зверя браконьерами. Браконьеры ведь не очень дорожат добычей, берут в основном лучшие части от туши добытого животного, а ноги, голову, внутренности бросают на месте разделки. Но это было лет десять-двенадцать назад. Сегодня и браконьер, добыв зверя, использует его максимально. Но бывают случаи, когда, разделав себя в гараже или бане оленья, нахрапистый браконьер вывозит шкуру и потроха на свалку или выбрасывает мешок прямо в кювет.

Как-то я шел по дороге в сторону своего участка и увидел такой мешок на обочине дороги. Вот, думаю, и приманка лежит, повезло. Забрался я этот мешок за плечи и пошел. Когда отошел подальше от деревни, дай, думаю, посмотрю, что там. Развязываю с трудом мешок, вытряхиваю. Из мешка вывалилась... собака... живая собака! Такой небольшой лохматый песик. Видимо, в туго завязанном целлофановом мешке он стал задыхаться. Но вот песик очухался. Мы смотрим друг на друга. В глазах собачьих вижу испуг, тоску, пережитое горе, безысходность. Да, трудно приходится нынче и людям, и зверям! Ожесточились люди, очерствели, окаменели душой!

Л. Жирнов после удачной охоты с русским спаниелем

Фото Л. Карантаева

мура рыже-пегого Грея. Теперь для меня — не главное добыть много дичи, больше хочется воспитать прекрасного пса и сравнить его с другими спаниелями. Стал интересоваться выставками: где, когда и как... Познакомился с календарями выставок РФОС и РКФ и был потрясен.

Если по РФОС более-менее есть внимание русскому спаниелю, то отношению к нему РКФ повергло меня в изумление. Российская кинологическая федерация устраивает «национальные» выставки спаниелей и четко пишет: «Кроме русского спаниеля (!?). Будто русский спаниель в Российском государстве не является национальным. И, более того, Российская кинологическая федерация, по-

красоту национальных русских спаниелей с диванными иностранцами: английскими и американскими кокерами, спрингерами, филдами и т. п.? Может, кто знает, объяснит, в чем тут дело?

Л. ЖИРНОВ,
охотовед, ветеран
стрелкового спорта,
мастер спорта СССР
г. Ковров Владимирской обл.

Таежные охотники добывают пушного зверя калканями и ловушками, хорошо знают, что значит для успешной добычи хорошая приманка. Для ловли соболя, например, лучшей приманкой служат тушки белки, рябчика, зайца. Хорошо «идет» соболь и на мясо кабарги, на внутренние органы (потроха) копытных.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

...Между прочим, за лицензии на добычу пушнины я заплатил изрядную сумму, но пока еще не добыл столько пушнины, чтобы вернуть свои деньги, да и вряд ли добуду. Во-первых, угодня истощились, зверя нет, а во-вторых, еще и с приманкой проблемы.

«Как же другие охотники выходят из положения?» — размышлял я сам с собой. Встречаю как-то знакомого охотника, спрашиваю:

— Как дела, Кузьмич, как насчет приманки у тебя дело обстоит?

— Да ты знаешь, целый скандал дома, жена ругает, все мясо из дому перенес в лес. Забил с осени теленка и вот...

И вот решил я написать это письмо в надежде, что оно дойдет до охотников — читателей журнала, и они поделятся своим опытом или подскажут какой-то испытанный прием...

В. ХРАМЦОВ
Приморский кр.

Здравствуй, дорогая редакция моего любимого журнала! Прошу вас опубликовать мое письмо в разделе «Письма читателей». Я старый охотник и выписываю

журнал «Охота и охотничье хозяйство» с первого месяца его издания — октябрь 1955 года.

Сейчас я на пенсии и уже не охочусь по ряду причин. Может, кто желает приобрести у меня подшивку журнала — она в хорошем состоянии. Напишите мне: Украина, Волынская обл., пос. Любешов, ул. 1-го Мая, 3. Көрчу Анатолиу Ивановичу.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Хочу рассказать об одной охоте у нас на Дальнем Востоке. В сентябре мы охотились на приваде. Привязали к веревке невкусно пахнущее животное и протащили по мари к заранее устроенной засидке. Через сутки ночью вышел белогрудый медведь, но так как лицензия у нас была на бурого, стрелять, естественно, не стали.

Решили с болот перебраться в тайгу и обследовать небольшой кряж, так как знакомые охотники говорили, что видели там следы крупного медведя. Рано утром выехали на разведку — минут 30 до зимника и часа полтора к нему пешком. Когда дошли до места, уже взошло солнце. Решили, что я пойду по вершинам хребта, а напарник ниже у подножья, наме-

тили место встречи. Все склоны были перерыты кабанами, но и следы медвежьей деятельности тоже встречались часто.

Пройдя около километра, я услышал неприятный резкий запах падали, спустился ниже и в зарослях папоротника обнаружил задавленного и наполовину съеденного медведем подсвинка. В такой чащобе стало жутковато, снял предохранитель, известно всем, как агрессивен медведь на своей добыче. Потихоньку отошел от места медвежьего пиршества и поспешил к месту встречи с напарником. Вместе мы решили вернуться к подсвинку и посмотреть, где вечером удобней сделать засидку. Прибыв на место, начали смотреть, на каком дереве удобнее было бы сидеть. Вдруг наш песик насторожился, мы прислушались и буквально через несколько секунд услышали шум приближающегося крупного зверя. Он бежал шумно, не таясь, уфая, поэтому подумали, что это кабан. Но когда в 20 метрах увидели медведя, нам стало лихо. Он бежал рысью, прямо на нас, и, по всей вероятности, кроме запаха падали, его ничего не интересовало.

Ближе подпускать зверя было опасно, раздались выстрелы, медведь громко рывкнул и бросился на прыжках в заросли. Вышли на след, крови было очень много. Поняли, что зверь ранен серьезно, решили не рисковать, да и горе-собачка никак не хотела идти по следу (она у нас по перу хорошо работает). Поэтому выждали два часа, чтобы медведь залежался. Так оно и вышло, метров через 100 лежал бурый медведь. Пули попали по лопаткам, прошив легкие. Наш фотоаппарат зафиксировал этот момент.

О. БАЙДАК
Хабаровский кр.

УВАЖАЕМЫЕ ОХОТНИКИ, РЫБОЛОВЫ И ТУРИСТЫ!

Фирма «Оборонтех» (основана в 1992 году) проводит компанию по заключению договоров на 2000 год

Мы предлагаем:

Свыше 600 наименований охотничьих, рыболовных и туристических товаров отечественных производителей

Отгрузку товара по 50 % предоплате и взаимозачету

Отправку товара в любую точку России багажом, ж/д контейнером и авиатранспортом

Заявки по почте и факсу (круглосуточно).

Офис и склад в одном здании. Удобное место нахождения (район 3-х вокзалов)

Быстрое обслуживание клиентов на складе. Оплата: наличный, безналичный расчет

Принимаем на реализацию охотничьи, рыболовные и туристические товары

Будем рады сотрудничать с отечественными производителями

Наш адрес: 107140, Москва, ул. Верхняя Красносельская, д. 15, стр. 2, оф. 253

(5 минут ходьбы от станции метро «Красносельская»)

Тел. (095) 264-84-56, 264-80-76, факс: 264-55-01

МАЛЕНЬКИЕ ВАМПИРЫ

Лось рысью выбежал на опушку лиственничного леса, пересек разнотравную поляну и с ходу бросился в воду мелководного озера, поднимая фонтаны брызг. Затем побрел потише, пока вода не достигла уровня груди, остановился и тут же погрузился в озеро настолько, что из воды виднелись только кончики мощных, еще не окостеневших рогов. Погружение повторилось несколько раз, пока облачко из слепней и комаров, парящее над лосем, не рассеялось. Потом он отдыхал, упиваясь прохладной водой и, очевидно, расслабленностью, возникшей после того, как летающие насекомые перестали его тревожить.

Была знойная пора середины июля. Мошка еще не появилась, но комары и слепни буквально кишели в воздухе. И не только укусы, но их заунывный зуд выводил из себя и животных и человека. Вспомнилось описание, сделанное известным геоботаником Робертом Аболиным во время экспедиции по Лено-Вилюйскому междуречью. Нападение гнуса тогда было столь массовым и упорным, что выючные лошади, «воюя» с комарами и слепнями, сбивали выюки, быстро утомлялись и падали в надежде раздаться облепивших их сплошным черным слоем назойливых врагов... И еще вспомнилась одна из поездок по заболоченной местности в Табалахской низменности. Обутье в резиновые сапоги, мы вели за собой навьюченных лошадей, и в конце всего-то двадцатикилометрового маршрута уже не было сил отбиваться от несметных полчищ насекомых. Мы прямо в одежде бросились в воду реки Туостях, а лошади сгрудились вокруг разведенного дымокура, засовывая головы в едкий густой дым. Лошадям то еще сносно: для них и дымокуры разводят и хотоны строят. А вот диким животным куда как хуже. И каждый из видов зверей старается освободиться от гнуса по-своему. Возникают местные миграции лося на обдуваемые острова и отмели рек. Олени в горах держатся выше, рядом с наледями. Медведи и выводки волков подолгу отдыхают на обдуваемых буграх — оттуда и обзор хороший, и насекомых там меньше. И бугры эти используются многократно из года в год. Трудно порой справиться с гнусом и зайцу-беляку, хотя и находит он укромные местечки, где вроде бы спрятаться можно. Отчаявшиеся зверьки бегают по чистым песчаным отмелям, оставляя длинные тропы следов, а некоторые здесь, в песке, вырывают временные норы. Подходишь к такой норе рядом, а заяц, как суслик, высовывает оттуда голову с длинными ушами, встает столбиком и только потом уж убегает. Впрочем, быстро возвращается, если опасность минует.

Конечно, массовый вылет гнуса является для животных существенным испытанием. Насекомые мешают им отдыхать и кормиться. В это время копытные излишне много передвигаются в лесистой местности, коровы теряют удоимость, лошади и лоси худеют и, как говорят, впадают в стрессовое состояние. И то сказать, энтомологи на одной только лошади насчитывали до 350 сидящих слепней, а на Колыме за пять минут на лошадь обрушивались почти 12 тысяч комаров. В то же время, по расчетам якут-

ских ученых, в течение одного часа, с одного метра площади лошади комары могут высосать до двух килограммов крови. Маленькие вампиры! Подсчет этот в значительной мере предположителен, но зверям ой как трудно бывает при массовом нападении насекомых.

Защитные поведенческие приемы их по спасению от гнуса несовершенны и не могут в полной мере компенсировать тех энергетических и, очевидно, психических затрат, которые он вызывает. Поэтому в тундре гибнут северные олени от закупорки дыхательных путей кровососущими насекомыми. В тайге, рассказывают охотники, ослабевает и гибнет от гнуса лось. Андрей Дегтярев в Колымской низменности находил трупы лосей, гибель которых, очевидно, была спровоцирована кровососущими насекомыми. В середине июля 1986 г. я издала заметил старого самца лося, отрешенно стоявшего у кромки озера. Приблизившись сначала на «ветке», я подошел к нему вплотную, обошел, он не проявлял никакой реакции, кажется, не замечал меня. Вечером возвращался к лагерю и в бинокль увидел того же зверя. Он был на прежнем месте, так и не сделав попытки к движению.

К счастью для диких животных, вспышки особо массового вылета насекомых-кровососов не столь продолжительны, да и случаются не ежегодно. Природа, видимо, сама не допускает чрезмерного их размножения.

Ю. ЛАБУТИН

БЕРЕЗКА, УБИТАЯ НАПОВАЛ

Возвращаемся с сыном с охоты из поймы Клязьмы. Идем лесной дорогой среди мелколесья. Рядом трусит спаниель Чок. Как приятно чувствовать под ногами твердую землю, а не жидкую грязь трясин! Но ведь никто нас не гонит и не заставляет лезть в болото — ходи по твердому и блаженствуй. Но почти каждое утро идем, лезем, месим... Одним словом — охота! Вот и сейчас вроде набродились и настролялись, но ружья несем наготове — рябчики тут частенько выпархивают. А мы обещали хозяйке, у которой живем, рябчиком с брусничкой угостить. Но оказались трепачами. Специально за ним ходить не хочется — мы обожаем охоту по болотной дичи с собакой, а вот так, мимоходом, вдруг порхнет... И обещание тогда будет выполнено, а то брусника уже несколько дней в котелке томится.

Прошли еще немного. Справа фырчанье крыльев — и мгновенный выстрел сына. Я только голову успел повернуть... Высокая, стройная, молодая березка метрах в десяти-двенадцати от нас резко оседает и начинает медленно валиться набок. Рябчика нет, а береза есть — можно прямо сказать — убитая наповал! Удивленные подходим, осматриваем и ахаем. Ствол дерева, диаметром 10—12 сантиметров, перебит чисто. «Слушай, сын, ты чем стрелял-то по рябцу? Может, пулей разрывной?» — задаю дурацкий вопрос, так как крупнее шестого номера у нас в патронах и дробь-то нет. В ответ он раскрывает ружье, достает из левого ствола патрон с семеркой и подает мне.

Частенько мы вспоминаем этот случай со злополучной березкой и объяснить его с охотничьей точки зрения или, вернее, ружейной не можем — патрон был самый обычный. Но что было, то было, и выстрел запомнился. А рябчиком с брусничкой хозяйку мы все-таки угостили, для этого верного друга Чока пришлось оставить дома ненадолго, чтобы не мешал нежно свистеть в маночек.

Л. ЮРАШЕВ

Кухня охотника БЛЮДА ИЗ РЯБЧИКА

Рябчик — один из основных видов боровой дичи. Особенно хороши и вкусны осенние рябчики, когда на тушке имеются небольшие отложения жира. Вообще-то мясо рябчика почти всегда тощее, но, наверное, именно это и придает ему качества диетического мяса. Основная масса мышечной ткани у рябчика находится на грудке — все остальное недостойно внимания гурмана. А здесь... а здесь имеются два прекрасных кусочка мяса. Цвет его бледный, розоватый, мышцы очень нежные, тонковолокнистые, без соединительной ткани. Неполноценных белков практически нет. Высокое содержание азотистых экстрактивных веществ придает мясу рябчика своеобразный вкус. Созревает мясо рябчика очень быстро.

Боровую дичь заготавливают и хранят в замороженном виде, и это нисколько не портит мясо. Поскольку тушки не потрошат, то они отчасти приобретают запах внутренностей, но если брать только грудки, то ни запаха, ни горечи не будет. Снимается мясо с грудки довольно легко, для этого рябчика и ошпивать не надо: удалить кожу с пером, отделить грудку, остальное — собачкам.

Из мяса рябчика можно приготовить довольно много блюд, я бы порекомендовал следующие. (Что и сколько брать — по вкусу и «на глазок».)

Чахохбили

Мясо режут на куски, примерно половина грудки на 4 части; слегка обжаривают на сковороде на растительном масле; затем укладывают в латку и тушат с добавлением нарезанных томатов, либо в томат-пасте, либо с добавлением какого-нибудь соуса (это уж дело вкуса). Обязательно добавить мелко нарезанный чеснок, перец горошек, лавровый лист. Возможны и другие пряности.

Отбивные из рябчика

Половинки грудок рябчика отбить, обвалить в сахарной муке или сахарной крошке и обжаривать на сковороде до готовности. Отдельно крупными пластинками обжарить

лук. На гарнир может пойти соленая черемша, салат из папоротника.

Рябчик с черной смородиной

Мясо рябчика режут на кусочки, слегка солят и перемешивают с черной смородиной, примерно один к одному по массе. Другой вариант этого блюда: мясо рябчика и черную смородину пропускают по отдельности через мясорубку, мясо слегка солят, смешивают с ягодой, укладывают в стеклянные банки. Можно употреблять сразу либо выдержать в холодильнике. Помимо черной смородины можно использовать и другую ягоду, меняя пропорции.

Паштет из рябчика

Тушку рябчика ошпивать, опалить, удалить внутренности, отварить (посолив) вместе с печенью, желудком и сердцем. Затем мясо отделить от костей и вместе с печенью, сердцем и желудком пропустить через мясорубку, добавив небольшой кусочек шпика, луковицу и одну дольку чеснока. Все это хорошенько перемешать, добавить перец красный молотый, немного сахарной муки и бульона. Затем паштет слегка обжарить на растительном масле, остудить, уложить в подходящую тару и употреблять по мере необходимости.

Пресервы из мяса рябчика

Мясо с грудок нескольких рябчиков нарезают кусочками и в глубокой чашке перемешивают с солью, мелко нарезанным чесноком, кориандром (кориандр посевной, т. е. семена кинзы), семенами укропа. Всю эту массу укладывают в стеклянные банки — пять рябчиков «спокойно» уместятся в литровой банке, — закрывают крышкой и ставят в холодильник в самый низ или в отделение для овощей и фруктов (температура должна быть около нуля). Через сутки готова вкуснейшая закуска.

Рябчик к пиву

Мясо рябчика, посоленное вышеуказанным способом, вынимается из тары, нарезается соломкой, укладывается на лист, противень, поднос. Через сутки вяления эту соломку можно слегка подсушить в духовке. Употреблять с любимой маркой пива.

Л. СОПИН
г. Иркутск

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьих, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

КМ
* ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ *

ПАУТОВ В. «Сейте разумное, доброе, вечное...» . . .	1
В защиту прав и свобод охотника. В защиту прав и интересов потребителей	2
ОСТАНИН В. Разведение косули в Московской области	4
АЗАРОВ А. И опыт — сын ошибок	6
БОБРОВ Р. Отец русской фенологии	8
СМИРНОВ М. Повадки тувинских волков	10
МИХАЙЛОВСКИЙ Б. Голодные, наглые, злые	14
ПЛЕШАК Т. Медвежья болезнь	15
СЕВАСТЬЯНОВ А. Потаенное место	16
ПАНТЮХИН А., СКУБКО В. Катаная дробь	18
ДОЛОДАРЕНКО А. Улучшение прикладистости ложки	20
БЛЮМ М. Самозарядный охотничий карабин ГД-18	20
ТИМЕ И. Кому доверить экспертизу собак?	22
ЧАЩУХИН В., СКОПИН А. Охотничьи животные: пред- почитаемые корма	24
МАРКОВ Б. Как говорят собаководы-охотники	26
БУЛГАКОВ М. Вадим Борисович Чернышев	30
ЧЕРНЫШЕВ В. Похвальное слово охоте	31
АЛЁХИН И. Широкий	34
КОТЛЯРОВ Ю. В чужой монастырь	38
ШИШКИН В. Стихи	41
СИЛАНТЬЕВ В. Бизоны в Америке	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	29, 45, 47
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

На первой странице обложки:
Охота «на реву». Олень добыт охотником О. Н. Андреевым в охотничьем хозяйстве «Смоленское».
Фото А. Дигилевича

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина
Художник Т. В. Баженов
Художественный редактор М. Л. Кнерцер
Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 03.07.2000 г. Подписано к печати 07.08.2000 г.
Формат 84X108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 25270 экз. Заказ 1624. Цена 17 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
ГУП Чеховский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь,
пожалуйста, по адресу типографии.
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452.

Огари и пеганки, объединенные в группу так называемых земляных уток, занимают в системе гусеобразных как бы промежуточное положение между гусями и настоящими утками. Часто земляных уток включают в подсемейство утиных, отмечая при этом «гусиные» черты этих видов — относительную высоконоготость и свободное передвижение по суше, тип полета, постоянство пар и т. д. Огари и пеганки сравнительно крупные птицы (длина свыше 60 см, вес до 1,5 кг). Основной тон окраски оперения огаря — оранжево-рыжий, голова рыжевато-охристая (у самца в брачный сезон черный ошейник, у самки вокруг глаз и у основания клюва белые зоны оперения). Крыло характерной для земляных уток четырехцветной окраски: первостепенные маховые черные, второстепенные образуют зеркальце с зеленоватым металлическим отливом, ограниченное от боков рыжевато-коричневыми перьями, кроющие маховых — белые. Лапы, клюв, хвост, надхвостье у огаря черного цвета. Радужина темно-бурая. У пеганки лапы розовато-красноватые, клюв красный (у самца в брачный сезон с большим выростом у основания). Оперение головы черное с зеленоватым отливом (у самок окраска более тусклая, с белыми перышками у основания клюва и вокруг глаз). На груди широкая рыжевато-каштановая поперечная перевязь, заходящая на спину. От перевязи по плечам зоны черных перьев окаймляют белую спину, доходя до белого надхвостья. По белому брюху от перевязи до рыжеватого подхвостья проходит черная срединная продольная полоса. Кончик белого хвоста — черный, радужина темно-бурая.

Огари и пеганки заселяют преимущественно лесостепную, степную, пустынную зону, тяготея к солончатым водоемам. Пеганка кроме того широко распространена в Западной Европе от Англии до Швеции и Норвегии, появилась в Прибалтике, на Белом море. На востоке область гнездования пеганки доходит до Забайкалья, низовьев Аргуни. Общая численность пеганок возможно достигает 0,5 млн. особей. Огаря гораздо меньше (около 100 тыс. птиц по всему ареалу). И если на востоке численность огаря сравнительно стабильна (огарь охраняется по религиозной традиции), то на западе, например на Украине, этот вид занесен в Красную книгу. Сейчас разработан специальный проект по изучению численности огаря. Подробности этого проекта и анкет опубликованы в сборнике «Казарка» № 5, 1999. Характерной особенностью размножения земляных уток является гнездование в норах. Пеганки и огари могут и сами выкапывать их в откосах и заселять норы лис, сурков. Гнезда устраиваются и в расщелинах скал, в дуплах деревьев, в постройках человека (в Москве существует размножающаяся популяция огаря). В кладке обычно 8—10 яиц, инкубация 28—30 дней. Пеганки пуховики могут покидать гнездо, прыгая с большой высоты, например при гнездовании огаря в горах или в городе. На крыло становятся примерно на 50-й день. Образуют большие скопления линных птиц. Огари и пеганки считаются второстепенными объектами охоты, так как из-за значительного содержания в диете животных кормов мясо может употребляться по качеству традиционным видам утиных.

Еще не утрачена надежда обнаружить в Приморье одну из редчайших и загадочных птиц мира — хохлатую пеганку. Сходная по размерам с огарем, она отличается красным клювом, темным верхом головы со спадающим на шею хохлом (у самки белое оперение у основания клюва и вокруг глаз, у самца темный зоб). Общая окраска тела буровато-серая со струйчатым рисунком, подхвостье рыжее. Крыло, как у огаря и пеганки. Хвост темный, лапы розовато-охристые. Последнее сообщение о возможном обнаружении хохлатой пеганки пришло в 1990 году из Китая. В Приморье этот вид добывался один раз. В 1964 г. в заливе Петра Великого видели трех птиц, похожих на хохлатых пеганок. Любые сведения о хохлатой пеганке, виде, занесенном в Красную книгу птиц мира, представляют исключительный интерес.

В. ШИШКИН

Огарь

Пеганка

Хохлатые пеганки
(самка и самцы)

Огари
(самец и самка)

Пеганки
(самец и самка)

огарь

хохлатая пеганка

пеганка

Дорогие друзья!

Подписка на журнал «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»
на первое полугодие 2001 года началась!

В этом году журналу - 45 лет.

«Охота и охотничье хозяйство» - старейшее периодическое издание об охоте в России, самый известный и почитаемый из всех выходящих у нас охотничьих журналов.

В розницу журнал не поступает, только подписавшись на него, можно стать его обладателем.

«Охота и охотничье хозяйство» - едва ли не единственное массовое издание, последовательно отстаивающее право общественности на преимущественное пользование охотничьими угодьями. Охота, захваченная обнаглевшими новобогатыми и прочими дельцами от охоты, становится недоступной для рядового охотника.

В усилении влияния журнала, в его повсеместном распространении заинтересованы все честные охотники, все общественные объединения охотников. Ни один охотничий коллектив, ни одно районное общество, ни одно охотничье хозяйство не должны остаться без журнала.

Мы обращаемся к председателям общественных охотничьих объединений: организуйте подписку на наше издание, премируйте лучших охотников подпиской на журнал. Обеспечивайте журналом охотоведов и егерей в охотничьих хозяйствах.

Мы не должны допустить дальнейшего разрушения и уничтожения охотничьих общественно-производственных объединений.

НАШИ ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ: **70673** - НА ПОЛГОДА
И **72376** НА ГОД ПО КАТАЛОГУ РОСПЕЧАТИ

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru